

Колдовские
МИРЫ

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО УДАРА ЗОНТОМ
ОЛЬГА
ЯРОШИНСКАЯ
ОГНЯ
ДЛЯ МИСС УОКЕР!

Annotation

Джейн Уокер пересекла Атлантику, чтобы выйти замуж по переписке, но оказалось, что жених давным-давно мертв. Теперь она застряла в туманном городишке, где жители проводят мрачные ритуалы, а над холмами несется волчий вой. Здесь легенды о вервольфах становятся реальностью, и только инспектор Рейнфорд сохраняет спокойствие. Когда в Вуденкерсе повторяется трагедия, случившаяся двадцать лет назад, Джейн чувствует, что как-то связана с этим. Кто заманил ее сюда и зачем? Правда ли среди горожан прячется хищник? И может ли она хоть кому-то верить? Инспектор Рейнфорд твердо намерен найти все ответы, вот только самой большой загадкой считает саму Джейн.

- [Ольга Ярошинская](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
-

Ольга Ярошинская

Огня для мисс Уокер!

© Ярошинская О., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

Американка

С этой мисс определенно было что-то не так, а уж миссис Хокинс умела разбираться в людях. Слишком высокая. Почти вровень с рябым Джо, а тот вечно ходит с шишкой на лбу, набивая ее снова и снова о притолоку в пабе «Пасть и корона». Волосы у мисс были рыжими, и это б еще полбеды, но при этом они кудрявились совершенно легкомысленным образом. Глаза, пожалуй, ничего. Голубые, как и положено приличной англичанке. Платье – тоже не придерешься. Серое, немаркое. Самое то в дорогу. А то, что прибыла мисс издалека, видно сразу – по чемодану, который лежал на верху кеба. Пухлый, ужасно алый и огромный. Как только Джо умудрился закинуть его наверх?

Мисс нетерпеливо постукивала ножкой, пока Джо чинил колесо, норовящее соскочить с оси, и миссис Хокинс неодобрительно поджала губы. Туфельки у мисс оказались под стать чемодану – вызывающе алые и даже с небольшим каблуком. Хотя, казалось бы, если ты и так каланча, зачем влезать на подпорки?

Приличная девушка, если б Господь наказал ее таким ростом, немедленно надела бы туфли на кожаной подошве не толще картона, кудрявые волосы прилизала к голове, а саму голову держала чуть склонив, смиренно и покорно.

Незнакомая же мисс стояла прямо, а плечи и не думала сутулить. Напротив, она смело выпростала руку вверх, придерживая чемодан, чтобы тот не съехал на голову рябому Джо. И сколько бы миссис Хокинс ни щурилась, всматриваясь в нутро кеба, там не нашлось ни намека на компаньонку. Значит, путешествовала мисс одна.

– Наконец-то! – воскликнула та, когда Джо выпрямился и отряхнул широкие ладони, похлопав ими одна об одну.

Миссис Хокинс вздрогнула и крепче вцепилась в забор. Даже в единственном слове, произнесенном девушкой, отчетливо прозвучал акцент. Американка?

Она едва устояла на месте, провожая кеб взглядом, – так ей хотелось поскорее побежать к миссис Доуксон, чтобы поделиться

новостями, и была воистину награждена за свое терпение. На перекрестке кеб свернул не направо – в Шелстоун, ближайший к Вуденкерсу город, а налево – к поместью Олдброков, дорога в которое заросла травой и ракитником.

Помянув святого Эдварда и трижды поплевав через левое плечо, миссис Хокинс приподняла юбки и во всю прыть пустилась по утоптанной тропинке на соседнюю ферму, с наслаждением предвкушая недоверие и шок, с которыми встретит ее новости миссис Доуксон.

* * *

Экипаж, который правильнее бы назвать крытой телегой, трясло так, что Джейн всерьез начала волноваться, как бы ее не вывернуло на очередном ухабе. Глубоко вдохнув, она промокнула платком взмокший лоб. Джейн пересекла Атлантику и втайне гордилась тем, что ее не донимала морская болезнь, но океанские волны вчистую проиграли английским дорогам.

Она уже открыла рот, чтобы попросить извозчика прекратить эту пытку, когда он сам натянул поводья и издал странный звук вроде того, что произносила сама старая кляча, выдыхая воздух черными губами.

Открыв дверку, Джейн выпрыгнула наружу, с радостью ощутив под ногами твердую землю. Никаких больше кораблей! Никаких экипажей! Только прогулки пешком по свежему воздуху под руку с женихом, а после – законным супругом.

Выпрямившись, она окинула взглядом поместье, отгородившееся от мира высоким забором и, будто этого мало, колючей изгородью боярышника, протягивающего ветки между металлическими прутьями. Ворота тоже ошетинились шипами, как рассерженный еж, но за ними виднелись пышные розы, чей аромат слышался даже издали.

– Здесь прекрасно, не правда ли? – неуверенно произнесла Джейн.

– Неправда, – буркнул извозчик, стаскивая чемодан на землю. – Десять монет, как договаривались. И неплохо бы сверху, за колесо.

– Я не стану доплачивать за то, что вы не держите экипаж в надлежащем состоянии, – заявила Джейн, отсчитывая плату. – Вы

рисковали моей жизнью! Когда экипаж накренился, я едва не расшиблась.

– Видать, вы где-то раньше головой ударились, раз решили сюда заявиться, – непочтительно фыркнул извозчик, пробуя одну из монет на зуб. – Ну, всего доброго, мисс.

– Погодите! – встрепелась Джейн. – А мой чемодан!

– Я к Олдброкам ни ногой, – сказал мужик, натягивая поводья так, что пятнистая кобыла послушно развернулась на небольшой площадке, выложенной булыжниками. – Свистните громче, мисс, Томас где-то здесь, в саду. Пошла!

Последнее предназначалось кобыле, которая и вправду побежала куда резвее то ли потому, что экипаж опустел, то ли ей и самой хотелось отсюда убраться.

Джейн снова повернулась к поместью. Медленно подошла к воротам, рассматривая сад, раскинувшийся за ними. Каблук соскользнул в широкую щель между камнями, и Джейн с раздражением выдернула ногу.

Все это было странно и непонятно. Макс не встретил ее у причала, предупредив, что купит на ее имя билет на поезд, прибывающий прямо в Вуденкерс. Она была несколько раздосадована этим, хоть и гордилась, что жених не держит ее за бестолковую неженку, которая не в состоянии сесть на поезд сама. Однако он не встретил ее и на перроне, где она быстро стала чем-то вроде достопримечательности. Дети, торговцы, любопытные дамы и даже собаки окружили ее, осмотрели с ног до головы, заляпали чемодан липкими ручонками – это дети, и обгавкали – собаки и дамы. К счастью, дежурный помог ей найти экипаж. И вот она здесь, в поместье Олдброков, но и тут ее никто не встречает!

Джейн покусала губы, легонько похлопала себя по щекам, заправила выбившиеся пряди за уши и поправила юбку. Она так долго ждала этой встречи и теперь волновалась, как перед экзаменом. Макс ей понравится, в этом она не сомневалась. Даже если окажется, что он хромым или коротышка, или и вполтину не так красив, как на фото, – пусть. В его письмах она нашла родственную душу, и это было больше, чем она могла мечтать. Однако вдруг она его разочарует?

– Есть здесь кто-нибудь? – позвала Джейн, заглядывая в сад, однако ответа не дождалась.

Вдобавок ко всему на чемодан с бодрым стуком упали первые капли, а через мгновение лило так, будто наверху открыли вентиль. Вымокнув до нитки за какие-то полминуты, Джейн схватилась за прутья ворот и потянула на себя – безрезультатно. Ни колокольчика, ни звонка не нашлось.

– Эй! – выкрикнула она. Вспомнив совет извозчика, заложила пальцы в рот и совсем не аристократично свистнула.

Перед ней вдруг выросла мрачная фигура в черном, и Джейн, отпрыгнув назад от неожиданности, чуть не упала на чемодан.

Всклокоченная седая борода с застрявшими в ней листьями, темные, глубоко посаженные глаза под кустистыми бровями, скошенный лоб и огромные, как лопаты, ладони, черные от вьевшейся земли, – мужчина обхватил пальцами прутья ворот, и сходство с гориллой, сидящей в клетке, стало невыносимым.

Джейн молчала, словно язык проглотив. Запоздало пришло осознание: если этот страшный садовник сейчас стиснет пальцы на ее шее, а после прикопает где-нибудь в саду под розами, то никто и никогда ее не найдет.

– Мне нужен Максимилиан Олдброк, – сказала она, и ее голос дал позорного петуха. Джейн откашлялась, вздернула подбородок, стараясь казаться уверенней. – Вы, наверное, Томас? Мне сказали, что вы где-то поблизости.

Вот так лучше. О нем предупреждали. Значит, если что, он будет главным подозреваемым.

Мужик толкнул ворота, застонавшие так протяжно, будто их не открывали целую вечность.

– Добро пожаловать, – просипел он, не сводя с Джейн глаз.

Щека его, перечеркнутая глубоким шрамом, прячущимся в бороде, дернулась от тика.

Джейн быстро пошла по дорожке, усыпанной гравием. Оглянулась убедиться, что садовник возьмет ее чемодан, но Томас, если это был он, так и стоял у ворот, глядя ей вслед.

– Черт знает что такое, – вполголоса выругалась Джейн, прибавляя шаг и едва не пускаясь в бег. Она выскажет Максусу все, что думает по этому поводу. Пусть лучше найдет веское оправдание тому, что не встретил ее, иначе...

Что – «иначе», – Джейн не придумала. Она оказалась в чужой стране, без денег, без родных. В такой ситуации сложно устанавливать правила. Но Макс – джентльмен. А значит, должен вести себя подобающе.

Дорогу, протянувшуюся ровной линией от ворот к поместью, окаймляли самшитовые рамки, по обе стороны от которых цвели красные розы. Газон зеленел сочной травой, но местами был изрыт, словно по нему гарцевала лошадь. Позади протяжно заскрипели ворота, и Джейн снова обернулась – садовник нес ее чемодан, даже не скособочившись от тяжести.

Дом, заливаемый дождем, походил на угрюмого старика, выбравшегося на прогулку, но забывшего и собственное имя, и куда идет, и теперь подслеповато щурившегося окошками в пространство. Правую часть перестраивали и сделали чуть выше, и от этого казалось, что дом перекосило, точно одно плечо приподнялось над вторым. По серым каменным стенам карабкался плющ, а над черепичной крышей, поросшей мхом, торчал флюгер в виде танцующей пары. Цилиндр был так глубоко натянут на голову кавалера, будто ее не было вовсе, а дама словно отталкивала мужчину, силясь вырваться из его ржавых объятий.

Женщина, поднимавшаяся с кресла на веранде, поправила съезжающую с плеч меховую накидку, взялась крепче за трость с костяным набалдашником и стала спускаться по ступенькам. Тук, тук, тук – трость стучала все быстрее, дама шла вперед, невзирая на дождь, и Джейн остановилась, пытаясь унять охвативший ее иррациональный страх. Обернулась – садовник был в нескольких шагах. Посмотрела вперед – и едва не отшатнулась от женщины, оказавшейся совсем рядом.

– Добрый день, – выпалила Джейн, изо всех сил стараясь выглядеть спокойно и доброжелательно. – Я Джейн Уокер. Приехала по приглашению Максимилиана Олдброка. Могу я его увидеть?

Дама слегка изогнула бровь, а ноздри ее длинного хрящеватого носа раздулись, будто бы она сердилась, или принюхивалась. Гладкие седые волосы, собранные в пучок на затылке, украшала заколка с крупным янтарем, и такими же неожиданно яркими оказались глаза женщины. Вода стекала по ее жесткому лицу, собираясь ручейками в скорбных складках, пролегших от крыльев носа к уголкам губ.

– Боюсь, что нет, – ответила она низким и глубоким голосом. – Если вы и увидите с Максом, то, надеюсь, очень и очень не скоро, юная мисс.

– Вот как? – нахмурилась Джейн, убирая мокрые пряди, прилипшие ко лбу. – Он куда-то уехал?

Вероятно, у него возникли неотложные дела. Может, что-то связанное с организацией свадьбы. Поэтому он и не встретил ее на перроне...

– Он умер, – ответила дама, и Джейн вдруг стало трудно дышать. А потом женщина произнесла нечто и вовсе нелепое. – Мой сын Максимилиан Олдброк трагически погиб двадцать лет назад.

* * *

– Это невозможно, – пробормотала Джейн снова, внимательно глядя в чашку чая, словно там могли найтись ответы на вопросы, роящиеся в голове.

– Увы, – вздохнула миссис Олдброк, которая вовсе не выглядела расстроенной. Напротив, щеки ее порозовели, а глаза так и сияли.

Хозяйка поместья носила строгий траур. Черное платье с воротником-стойкой сковывало ее тело, как панцирь, оставляя открытыми только кисти рук с холеными тонкими пальцами. В гостиной, куда пригласили Джейн, было тепло, но не особенно уютно. Лаконичные портьеры, потемневший паркет, свечи в канделябрах – вот и все убранство. Никаких безделушек на каминной полке или вязания на подлокотнике кресла. В высокой вазе на столе стояли красные розы, такие свежие, будто их срезали минуту назад, и их аромат мешался с едва уловимым запахом псины, исходящим от меховой накидки. Хозяйка небрежно бросила ее у камина, от мокрой шерсти поднимался пар, и казалось, что это собака растянулась у огня, отогреваясь после прогулки.

Джейн и сама бы не отказалась лечь на коврик у камина. Внезапный дождь вымочил ее до нитки, а мышцы устало гудели после долгого путешествия. Миссис Олдброк заботливо укутала ее в шерстяной плед и заставила сменить туфли на мягкие теплые тапочки.

Видимо, сюда нечасто навещаются гости, и одинокой даме это казалось приятным и забавным приключением, но только не Джейн.

– Но все эти письма... – произнесла она. – Фотография...

Нелепая идея со сватовством на расстоянии приобрела реальность, лишь когда Джейн увидела фото. С тех пор она рассмотрела карточку до мельчайших подробностей: высокий лоб, светлые, чуть вьющиеся волосы, густые темные брови, пронизательные глаза. Черты мягкие и правильные, но при этом без всякого жеманства или игривости, суровая мужская красота. Губы под тонкой щеткой усов твердо сжаты, но стоило лишь представить, что эти губы однажды коснутся ее, как странное томление поднималось жаркой волной по телу.

– Покажите, – потребовала миссис Олдброк, протянув руку.

Джейн вынула из сумочки записную книжку, нашла карточку между ее страниц и отдала даме.

– Это не он, – сказала та, лишь мельком глянув на фото и вернув его Джейн. Подняв тяжелую трость, указала ею на портрет, висящий над камином. – Вот мой Макс.

С портрета улыбался юноша. Темные волосы щеткой, фамильный крупный нос, кажущийся еще длиннее на узком лице, карие глаза. Джейн поежилась и запахнулась в плед плотнее, не в силах оторвать взгляд от портрета. Пламя плясало в камине, и лицо мужчины то светлело, то уходило в тень, неуловимо меняясь, и казалось, что улыбка переходит в оскал.

– Марта, приготовь нашей гостье комнату, – приказала миссис Олдброк безмолвной служанке, и Джейн, вздрогнув, посмотрела на хозяйку дома.

– Я не могу... – начала Джейн.

– Все вы можете, – отмахнулась дама. – Мне жаль, что вы попали в такую досадную ситуацию. Хотя меня удивляет, что родители отпустили вас в такую даль.

– Они умерли, – ответила Джейн, отпив остывший чай. – Я осталась с тетей, и та решила устроить мою судьбу.

Миссис Олдброк сочувственно вздохнула.

– Я настаиваю, чтобы вы погостили у меня какое-то время, – произнесла она. – Этим вы окажете мне большую любезность. Я живу здесь совсем одна и буду рада, если вы скрасите мое одиночество.

Джейн положила в рот крохотное печенье, которое растаяло во рту, обволакивая его коричневым удовольствием. Денег на обратный билет нет, да и возвращаться ей нельзя. Небольшого запаса хватит лишь на пару недель в гостинице. Надо найти работу, жилье, а пока гостеприимность миссис Олдброк весьма кстати.

– Благодарю вас, – кивнула Джейн. – Я с радостью воспользуюсь вашим предложением.

– Прекрасно, – просияла улыбкой миссис Олдброк. – Вы, вероятно, устали с дороги. Хотите принять ванну?

– Да, – ответила Джейн. – Большое спасибо, миссис Олдброк.

– Зовите меня Сильвия, – неожиданно предложила та. – Знаете, это так захватывающе – пересечь Атлантический океан, чтобы выйти замуж за незнакомца.

– Вы считаете меня авантюристкой?

– Я считаю, что вы весьма интересная особа, Джейн. Позвольте звать вас по имени?

– Разумеется.

– Хотя вы несколько легкомысленны, – укоризненно заметила Сильвия.

– Вы тоже, – ответила задетая Джейн. – Живете отшельницей, однако охотно соглашаетесь приютить случайную гостью. А ведь я могла все это придумать, чтобы проникнуть в поместье.

– И зачем же вам это? – поинтересовалась дама, слегка склонив голову к плечу. Ее глаза вспыхнули золотом, отразив огонь.

– Что-нибудь украсть, – пожала плечами Джейн.

– Значит, мы обе легкомысленные, – усмехнулась миссис Олдброк. – Похоже, у нас есть что-то общее, Джейн. Я покажу вам комнату. – Она поднялась с кресла, позабыв про трость, и направилась к широкой лестнице. – Она теплая, и окна выходят в старый сад. Вам понравится.

– Спасибо, – пробормотала Джейн, идя следом за дамой.

Миссис Олдброк поднялась на второй этаж, повернула в коридор направо и распахнула дверь в комнату, где служанка расставляла цветы.

– Довольно, Марта, можешь быть свободна, – сказала Сильвия, и служанка тут же вышла, бросив взгляд на Джейн. – Вы любите розы?

Однако Джейн оторопело смотрела вслед служанке. Вряд ли она видела ее раньше: темные волосы, темные глаза, мелкие черты лица и чуть выступающие резцы, как у мышки. Но во взгляде Марты сверкнула злость. Может, оттого, что ей досталась дополнительная работа?

– Да, разумеется, я люблю розы, – спохватившись, ответила Джейн. Она подошла к букету и передвинула тугие стебли, но, охнув, тут же отдернула палец. Красная капля выступила на подушечке, и миссис Олдброк вдруг схватила Джейн за руку и склонилась к ранке.

– Кажется, ничего серьезного, – пробормотала Сильвия.

– Сложно изувечиться цветами.

Миссис Олдброк не улыбнулась неловкой шутке. Она пристально посмотрела на Джейн, так что той стало неловко.

– Будьте осторожны, – потребовала дама, словно речь шла не о пустяковой царапине, а о чем-то большем. – Пообещайте, что будете осторожны, Джейн.

– Разумеется, – пробормотала она, высвобождая руку от неожиданно крепкой хватки и промокая палец платком.

– Что ж, чувствуйте себя как дома, дорогая, я буду внизу, – сказала миссис Олдброк. – Ужин в восемь.

Джейн выдохнула с облегчением, когда дверь за Сильвией закрылась.

Чемодан уже стоял у широкой двуспальной кровати, застеленной свежим бельем. Распахнутый шкаф словно приглашал развесить в нем вещи. На столе стояли письменные принадлежности, и, выдвинув ящик, Джейн обнаружила стопку чистой бумаги. Занавески колыхались, и за открытым окном раскинулся старый яблоневый сад, где на ветвях наливались плоды, умытые дождем. Пахло влажной землей и густой сладостью роз, вдали виднелись изогнутые спины холмов, манящие бархатной зеленью, и Джейн присела на подоконник, представляя, как все могло бы быть.

Она жила бы здесь с мужем, который, конечно, стал бы любимым. У них родились бы дети, и сад наполнился смехом и весельем, а миссис Олдброк сидела бы на веранде, кутаясь в меховую накидку, словно в волчью шкуру, и приглядывала за внуками своими янтарными глазами.

Тоска царапала изнутри, не давая покоя, но Джейн не стала себя накручивать. Да, все вышло не так, как она надеялась, но раз уж изменить ситуацию не получится, надо принять то, что есть.

Спрыгнув с подоконника, она отправилась в ванную комнату и с восторгом обнаружила несколько сортов мыла, шампуни и кремы, зубной порошок, мягкие полотенца и чистую горячую воду. Несмотря на жалобы на одиночество, миссис Олдброк держала гостевую спальню в полной готовности, словно предчувствуя, что скоро она понадобится.

Грусть по несбывшемуся постепенно уходила, словно смываемая водой, а на ее место явилась злость. Кто-то подшутил над Джейн, глупо и жестоко. А заодно и над миссис Олдброк, потерявшей сына.

Джейн этого так не оставит.

Глава 2

Многообещающее знакомство

Ральф Рейнфорд знал, что нравится женщинам. Иногда это было приятно, чаще доставляло лишние хлопоты, но обычно он относился к этому факту равнодушно. Ему повезло появиться на свет зеленоглазым блондином, у него были отличные зубы, развитая благодаря боксу мускулатура и высокий рост. Он умел придавать своему голосу те бархатные интонации, от которых женщины так и млели, а на правом предплечье остался шрам от волчьих зубов, который можно было продемонстрировать в приватной обстановке. В общем, Ральф привык к восхищению, но такой реакции на себя еще не видел.

Девушка, распахнувшая двери в его кабинет, буквально остолбенела, а ее рот – с пухлыми розовыми губками – приоткрылся. Она явно была поражена, и это приятно согрело сердце, поскольку и сама посетительница радовала глаз: рыжие кудри, обрамляющие хорошенькое личико, голубые глаза, стройная фигура и бесконечно, умопомрачительно, волнующе длинные ноги, обтянутые бриджами для верховой езды. Из приемной, словно легкий шум моря, доносилось неодобрительное шипение миссис Пампкин. Такие бриджи не надела бы ни одна дама Вуденкерса, а значит, перед ним та самая американка, остановившаяся у Олдброков, о которой ему прожужжали все уши.

– Чем могу быть полезен, мисс? – спросил он тем самым особенным бархатным голосом, приподнимаясь с кресла.

И тут девушка вдруг словно отмерла, а после быстро приблизилась и, замахнувшись, огрела его зонтом.

– Ах ты негодяй! – крикнула она и стукнула его снова. – Подонок!

– Стойте! – выпалил он, прикрываясь руками. – Что вы делаете?

– Чем он может быть полезен... – На ее щеках разгорелся воинственный румянец. – Подлец! Скотина!

Прикрываясь руками, он позорно сбежал на другую сторону стола, но дамочка, обхватив рукоятку зонтика, больно ткнула им в спину, словно шпагой, а после, размахнувшись сумочкой на длинной ручке, ударила ею, словно пращей.

– Прекратите сейчас же! – потребовал он, поймав сумочку и дернув на себя.

От рывка девушка упала на стол животом, но тут же сгребла попавшую под руку пепельницу и запустила ею в Ральфа. Тяжелый хрусталь ударил в бок, пепельница с грохотом упала на пол и раскололась надвое. Ральф, шикнув от боли, пошел в наступление. Он метнулся к мисс, схватил ее за руки – и очень вовремя, ведь незнакомка уже тянулась к чернильнице, сделанной, между прочим, из мрамора, – и, заведя их ей за спину, прижал к себе.

– Что у вас тут происходит? – спросила миссис Пампкин, появляясь на пороге.

Девушка прорычала что-то бранное сквозь сжатые зубы и дернулась, пытаясь вырваться, а Ральф запоздало сообразил, что со стороны это смотрится весьма провокационно: они стояли посреди кабинета, тесно прижавшись друг к другу. Миссис Пампкин станет звездой на ближайшем собрании сплетниц, которое отчего-то именуется книжным клубом.

– Я разберусь, – рявкнул он в сторону секретарши.

– Я вас засужу, – прошипела мисс, пытаясь высвободить запястья и ерзая в его объятиях.

– Я сделаю чай, – произнесла миссис Пампкин, исчезая в дверях.

– Вы меня обманули! – выкрикнула девушка, вздернув подбородок.

– Да я вас впервые вижу, – возмутился Ральф, разглядывая ее лицо.

Такую бы он не забыл: уж очень приятно оказалось ее обнимать. Обычно ему приходилось наклоняться к женщинам, но, вздумай он поцеловать незнакомку, ее губы были почти напротив. И все ее выпуклости и вогнутости отлично совмещались с его телом.

– Конечно, впервые, – воинственно ответила девушка. – Я ведь только вчера приехала!

– Так чем же я успел провиниться, что вы с ходу явились швыряться в меня пепельницами?!

– А то вы не знаете? – нелогично спросила она, сдувая с глаз рыжую прядку.

– Понятия не имею!

Он осторожно отпустил ее руки, сразу попятившись на несколько шагов в направлении двери. Если эта сумасшедшая снова станет кидаться, закроет ее в кабинете, тут все равно нет ничего ценного, кроме коробки со старыми делами. Однако американка, полоснув его негодующим взглядом, подняла свою сумочку с пола, вынула записную книжку в суровой кожаной обложке и достала фотокарточку, приютившуюся между страницами.

– Вот, – обличающе сказала она. – Мои доказательства.

– Это мое фото, – узнал Ральф. – Откуда вы его взяли?

– Значит, вы отрицаете, что прислали его мне, чтобы заманить в эту вашу английскую глушь? – в голосе девушки все еще звучало недоверие, но теперь к нему добавилась растерянность.

– Отрицаю, – сказал он. – Я понятия не имею, откуда у вас мое фото.

– Поклянитесь, – потребовала она.

– Чтоб мне всю жизнь есть пироги мисс Блювенгейз!

– Они вкусные? – с подозрением уточнила девушка.

– Отвратительные.

Ральф указал на стул для посетителей, а сам, одернув рубашку и жилет и исподволь ощупав ребро, куда прилетела пепельница, опустился в кресло напротив.

– Итак, мисс...

– Уокер, – мрачно ответила девушка, садясь на краешек стула. – Джейн Уокер.

Она пригладила волосы, потерла тонкие запястья, наверняка саднившие после его хватки. Грудь ее часто вздымалась, и Ральф приложил все свои усилия, чтобы смотреть только в глаза.

– Ральф Рейнфорд, инспектор полиции Вуденкерса, – представился он. – Давайте начнем сначала. Потрудитесь объяснить, какова цель вашего визита и откуда у вас моя фотография.

Джейн Уокер, хмурясь, покусала губы, снова заправила непокорную кудрявую прядь за ухо, а после кивнула.

– Я прибыла из Америки в поместье Олдброков, чтобы вступить в брак с Максимилианом Олдброком, – четко произнесла она, и Ральф мысленно перевел дух. Допрос дамочек обычно сродни плутанию по дремучему лесу, но эта, кажется, излагала мысли здраво. Кроме маленькой детали.

– Максимилиан Олдброк погиб больше двадцати лет назад.

– Но я-то не знала! – возмутилась мисс Уокер. – Он... Вернее, кто-то от его имени присылал мне письма. И фото.

– Мое фото?

– Очевидно, ваше, – фыркнула она. – А когда я приехала, обнаружилось, что все это глупая шутка!

Ральф покивал.

Дверь приоткрылась, и в кабинет протиснулась миссис Пампкин. Она опустила на стол поднос с чашками и тарелкой с печеньем, поправила веточку вереска в тонкой вазе.

– Спасибо, – поблагодарил он, и секретарша нехотя удалилась, бросая любопытные взгляды на американку.

Мисс Уокер положила в чай две ложки сахара и ожесточенно его размешала.

– И вы, обнаружив обман, решили обратиться в полицию, – продолжил он.

– Именно так, – подтвердила девушка, сердито на него глянув. – А тут вы... И ваше лицо... Хотя на фото вы с усами, но я сразу узнала. И я подумала...

Мисс Уокер смутилась, запнулась и, покраснев, посмотрела в окно.

– Я требую, чтобы вы нашли преступника и жестоко его наказали, – суровым голосом произнесла она.

– Значит, жестоко, – развеселился он, откидываясь на спинку кресла и рассматривая гостью. – Избить его зонтиком, как вы меня?

– Я требую, чтобы его судили со всей строгостью закона, – ответила мисс Уокер, повернувшись к нему, а после с подозрением прищурила глаза. – Или вы все же замешаны в этой истории...

– Я тут ни при чем, – он поднял ладони вверх. – Я не собираюсь жениться, и уж тем более у меня нет нужды искать себе жену за океаном, – он покосился на неплотно закрытую дверь и добавил чуть тише: – И тут желающих с избытком.

– Вот письма, – девушка достала тонкую пачку конвертов, перевязанных синей ленточкой, и подала ее через стол. – Возможно, где-то в них есть зацепка.

– Судя по штампам, отправляли их из Шелстоуна, – глянул он. – Это соседний город, довольно большой.

– Но фото он взял ваше, – резонно напомнила мисс Уокер. – Значит, преступник, скорее всего, отсюда.

– Я понимаю ваше возмущение, – мягко произнес Ральф, кладя ладони на стол. – Вы стали жертвой розыгрыша, обманулись в лучших надеждах, потратились на дорогу...

– Ничего я не тратилась. Он оплатил мне билет.

– Что? – насторожился Ральф.

– Разумеется, он купил мне билет. Вы знаете, сколько стоит пересечь Атлантику первым классом?

– Первым классом? – он вновь откинулся на спинку кресла, рассматривая девушку.

Растрепанная после недавней схватки, румяная и сердитая – она казалась еще более очаровательной, чем тогда, когда лишь открыла дверь. Верхняя пуговка на белой блузке расстегнулась, обнажая нежную ямку между ключицами.

– Что вы все переспрашиваете? – возмутилась мисс Уокер, и он поднял взгляд. – И вы так и не ответили, откуда у преступника ваша фотокарточка!

– Я фотографировался для статьи, – ответил он. – В местную газету. Это явно из тех фотографий, я тогда носил усы.

– Значит, это фотограф! – с энтузиазмом воскликнула она. – Вы должны арестовать его, пока он не заманил сюда кого-то еще.

Живо представив себе толпу американок, вооруженных зонтиками и нападающих толпой, Ральф передернул плечами.

– Давайте прогуляемся к нему вместе, – предложил он, снова глянув на щелку в дверном проеме. – Заодно я хотел бы уточнить некоторые детали.

Стопка писем упала в ящик его стола. Почерк был угловатый и резкий. Фотография вернулась в сумочку мисс Уокер, и Ральф не стал ее забирать. Это было даже приятно – то, что американка приехала в Вуденкерс, чтобы выйти замуж за мужчину с его лицом, пусть и в результате розыгрыша. Однако была деталь, которая не давала отнестись к этой истории легкомысленно: билет на пароход первым классом из Америки стоил целое состояние. Никто не стал бы покупать его ради шутки. А значит, девушку заманили сюда с какой-то целью, и Ральф чувствовал себя охотничьим псом, взявшим след лисы после череды безобидных зайцев.

За три года, что он провел в Вуденкерсе, здесь не произошло ни одного стоящего преступления. Сбежавшая свинья, повалившийся дорожный столб, порчи, сглазы и проказы фейри, в которых истово верили почтенные дамы, кража кур – вот с чем ему приходилось иметь дело. Самым громким происшествием стала как раз разбитая витрина фотомастерской, откуда, видимо, и утащили фотографию Ральфа, висевшую среди прочих в качестве образца.

– Вы остановились у Олдброков? – спросил он, надевая котелок и открывая перед мисс Уокер дверь.

– Да, миссис Олдброк любезно предложила мне погостить у нее.

– Как долго вы там пробудете?

Она лишь неопределенно пожала плечами и попрощалась с миссис Пампкин.

– Мисс Уокер, – окликнула та ее и подала забытую шляпку. – От лица всех дам Вуденкерса я рада приветствовать вас в нашем милом городке.

– О, благодарю, – пробормотала та.

– В эту субботу состоится очередное собрание нашего книжного клуба. Мы будем обсуждать последний роман Черети Крик.

– Боюсь, я его не читала.

– Никто не читал, – отмахнулась миссис Пампкин. – Мы собираемся во время послеобеденного чаепития. На этой неделе – у мисс Блювенгейз.

– Спасибо за приглашение, – ответила мисс Уокер, однако Ральф про себя отметил, что она не дала обещания прийти.

– Не стоит вам туда ходить, – произнес он, пропуская ее на крыльцо.

– Отчего же? Из-за знаменитых пирогов мисс Блювенгейз?

Мисс Уокер надела шляпку, прижав непокорные кудри, а после достала из кармана жакета белые перчатки.

– Не только, – ответил Ральф, не зная, как подобрать слова. Очевидно, что мисс Уокер окажется рыжей вороной в чопорном дамском клубе. Вся она, начиная с эпатажных брюк и заканчивая кончиком вздернутого носа, выбивалась из общепринятых стандартов. Голубые глаза, кажущиеся еще ярче под синей шляпой, смотрели на него вопросительно. – Это не книжный клуб, а змеиное гнездо, – решил он.

Она лишь усмехнулась.

– На вашей должности не пристало бояться женщин.

– Если кого-то и стоит бояться, то только вас, – возразил Ральф. – Женскому коварству нет границ. К тому же подумайте сами, поддельный мистер Олдброк заманил вас в Англию одними лишь письмами. Сколько их там, кстати, шесть? Семь?

– Восемь, – ответила Джейн.

– Очевидно, преступник хорошо знает женскую психологию. Возможно, и сам он – женщина.

– Тогда я тем более пойду в этот клуб, – заявила Джейн. – Мне нравится ход ваших мыслей, мистер Рейнфорд. Но сначала – к фотографу. Пока что он наш главный подозреваемый.

Ральф еле сдержался, чтобы не закатить глаза.

– Не помню, когда мы с вами успели стать напарниками.

– Кстати, я ищу работу, – невозмутимо сообщила Джейн.

– Боюсь, место секретаря надежно занято миссис Пампкин, – оглядевшись, он поинтересовался: – Где ваша лошадь?

– Я пришла пешком.

Джейн завернула поля шляпки и теперь по-кошачьи жмурилась на солнце.

– Так любите гулять?

– Слуга отказался оседлать мне коня.

– Томас? – Ральф задумчиво почесал подбородок. – Хоть здесь давно не видели волков, но все же не стоит вам гулять в одиночестве. Вы устали, мисс Уокер? Взять кеб?

– Не надо, – отказалась она.

* * *

Мужчина, который шагал рядом, выглядел уверенным и невозмутимым, как индейский вождь. Поморщившись, Джейн решила подобрать другой эпитет, не вызывающий в ней ненужных воспоминаний. Пусть будет – как скала. Хотя Ральф Рейнфорд точно не был каменным. Его тело оказалось горячим и очень сильным, что она успела прочувствовать в полной мере в его объятиях. Она так часто рассматривала его лицо на фотографии, а теперь ее мечта словно

ожила и задышала: кровь потекла по венам, кожа окрасилась в здоровый теплый тон, как у любителя долгих прогулок, подбородок потемнел от щетины, а глаза зазеленели. Она отчего-то думала, что у Макса серые глаза, и эта теплая зелень была как удар под дых. Вчера она смирилась с тем, что мужчины, за которого она собиралась замуж, нет вовсе, а теперь он идет рядом, вполне себе живой и здоровый, и в уголках губ, поцелуй которых она иногда представляла себе перед сном, прячется улыбка. А еще он выше ее как минимум на три дюйма!

Джейн отправилась в полицию с самого утра, отбросив все сомнения. Возможно, миссис Олдброк сочла бы, что это стыдно – выставить себя жертвой мошенника, и попыталась бы ее отговорить, но Джейн улизнула еще до того, как та проснулась. Да, ее обманули, да, воспользовались доверчивостью и сложной ситуацией, но ведь она не сделала дурного. Стыдно должно быть преступнику – так она решила, а после отправилась в Вуденкерс пешком, потому что Томас отказался седлать ей коня, только пялился своими черными непроницаемыми глазами и молчал. Но тучи рассеялись и солнце ярко светило, и теперь он выглядел обычным одичавшим мужиком, а не жутким чудовищем.

Пешая прогулка получилась отличной, хотя Джейн все же взяла с собой зонтик, помня о коварстве английского неба. Дорога сперва шла через рощу, а после вывела к ферме, откуда уже виднелись крыши Вуденкерса, укрытые потемневшей от дождей соломой. Городок спал в долине, окруженный холмами, словно серый кот, свернувшийся в корзинке, и Джейн быстро дошагала до него, радуясь хорошему дню.

Полицейский участок ей показал разносчик газет. Двухэтажное здание из серого камня выделялось разве что королевским флагом у входа. Потом дама с рыжеватыми буклями, побитыми сединой, ткнула коротким пухлым пальчиком на дверь с табличкой «Главный инспектор Ральф Р. Рейнфорд».

– Наш мистер Ррр на месте, – так сказала та женщина, захихикав.

И ничего не предвещало того, что произошло после.

Теперь же Джейн сгорала от стыда, хотя мистер Ррр выглядел вполне благодушно.

– Я прошу прощения, – произнесла она. – Мне очень неловко за свое поведение.

– Ваши извинения приняты, – сразу ответил он. – Руки не болят? Я, возможно, был не слишком деликатен...

– Все в порядке. Я куплю вам новую пепельницу.

– Не стоит, я не курю. Это для посетителей. Но так даже лучше – пусть дымят на крыльце. Расскажите о себе, мисс Уокер.

Она нахмурилась, думая, что именно ему сообщить.

– Я должен понять мотивацию преступника, – пояснил мистер Рейнфорд. – Зачем ему понадобились именно вы. Вы богаты?

– Нет, – ответила Джейн.

– Никаких возможных наследств не предвидится?

– Боюсь, что нет. Я сирота.

– У вас есть враги?

– Я о них не знаю.

– Какая-нибудь ревнивая соперница?

Джейн непонимающе на него посмотрела.

– Я не мог не заметить, что вы весьма привлекательны, – сказал он, глядя прямо перед собой. – Какая-нибудь дама могла захотеть избавиться от вас. Придумать английского джентльмена, чтобы вы отправились к нему. И оказались подальше от кого-то другого. Понимаете? То есть вас хотели не заманить, а наоборот – выставить.

– Но письма приходили отсюда.

– Не так уж сложно это проверить, если есть сообщник. У вас был жених в Америке?

Джейн помолчала, но потом все же ответила:

– Ради него никто не стал бы крутить интригу с конвертами.

– Значит, был.

– Нет. Он не был моим женихом, – помрачнела она.

– Кто же он? Любовник? Если он уже был женат, то его супруга...

– Как вы смеете! – возмутилась Джейн и остановилась посреди дороги. – Если бы я уже не побила вас, то сейчас бы точно дала пощечину.

Инспектор Рейнфорд тоже остановился и повернулся к ней.

– Прошу прощения, – церемонно произнес он. – Давайте будем считать, что первый удар зонтиком я получил за это невольное оскорбление.

Джейн подтянула сумочку, сползающую с плеча, взяла зонт в другую руку и кивнула.

– Однако вы о чем-то, вернее, о ком-то, умалчиваете. Давайте я понесу ваш зонт, так мне будет спокойнее задавать вам вопросы, – он забрал зонт и зашагал дальше. – Знаете, мисс Уокер, это странно, что такая девушка, как вы, не сумела устроить свою личную жизнь на месте. Да, характер у вас...

– У меня отличный характер, – огрызнулась Джейн.

– Несколько вспыльчивый. Хотя некоторые могут посчитать это достоинством.

– Но, очевидно, не вы, – усмехнулась она.

– После того, как мое ребро встретилось с пепельницей, – нет, – ответил инспектор Рейнфорд. – Так что же вы скрываете, мисс Уокер?

Джейн помолчала какое-то время, искоса поглядывая на него. Такие знакомые черты, изученные ею по фото до каждой реснички, но, по сути, он незнакомец, и то, что спрашивает, к делу не относится.

– Ваши подозрения беспочвенны, – ответила она холодно. – Вы копаете не в том направлении, мистер Рейнфорд.

Город блестел, умытый дождем, и босоногие дети, чумазые, как поросята, бегали по лужам с радостными криками. На порог дома, распахнувшего ставни, точно радушный хозяин, приветствующий гостя, вышла женщина. Она деловито зачерпнула ведром рыжеватую грязь из придорожной канавы, вылила туда полную чашку густой бордовой жижи и тщательно перемешала все длинной палкой. После поставила ведро на порог и, закатав рукава, зачерпнула густую грязь ладонями.

– Закрою глаза, запечатаю уши и нос, – монотонно бормотала она, обмазывая грязью дверной проем. – Заткну пасть.

Заинтересовавшись, Джейн невольно замедлила шаг. Дети играли, солнце ярко светило, инспектор равнодушно мазнул взглядом по ведру и отвернулся.

– Не увидишь, не услышишь, не почувешь, не съешь, – бубнила женщина. – Закрою глаза, запечатаю уши и нос, заткну пасть. Не увидишь, не услышишь, не почувешь, не съешь...

Справившись с дверью, она скрылась в доме, а Джейн быстро сунула нос в ведро. Запах крови был отчетливым, как след на снегу. Женщина появилась из дома с маленькой скамейкой и, взгрозившись на нее, зачерпнула грязь, смешанную с кровью, и провела ею по оконной раме.

– Не увидишь, не услышишь, не почувешь, не съешь...

– Что она делает? – шепотом спросила Джейн, когда они отошли подальше.

– Проводит ритуал. Здешние жители полны предрассудков, тьма их сознания удручает.

– Какой во всем этом смысл? – не отставала Джейн.

Она обернулась – тетка уже переставила скамейку к другому окну.

– Вероятно, в том, чтобы создать себе дополнительную работу, ведь после придется все это отмывать. – Мистер Рейнфорд вздохнул. – Эта невежественная женщина думает, что если смешать грязь, взятую у порога, с кровью домашнего животного, а после изгваздать ею все проемы, то волк пройдет мимо. Хотя это нелогично. Запах крови привлекает волков, они – падальщики...

– ...и она приносит ему в жертву эту кровь добровольно, – поняла Джейн. – Чтобы он не взял больше. Все очень логично.

– Обычно жители Вуденкерса более адекватны, – с досадой добавил инспектор. – Но сейчас начинается волчье время, а значит – дикие ритуалы, пьяное хулиганство и краденые куры. Это так унижительно. Каждый год одно и то же. Отчего-то своя курица для жертвы не годится, нужна именно соседская.

– Потому что волк тоже берет чужое, – кивнула Джейн.

– Очевидно, вам традиции Вуденкерса куда понятнее, чем мне...

– Почему вы не взяли эту женщину с поличным?

– К счастью, большинство жителей договариваются заранее, каких именно животных или птиц красть друг у друга, и претензий не имеют. – Мистер Рейнфорд вдруг остановился, крепко обхватил Джейн за локоть и развернул к себе. Зеленые глаза смотрели на нее пытливо и внимательно. – А теперь отвечайте, мисс Уокер. Кем был тот мужчина? Из-за кого вы и сами хотели уехать подальше?

Джейн пыталась уйти от ответа, но мистер Ррр вцепился в нее, точно клещ.

– Мы же напарники, мисс Уокер, – насмешливо напомнил он. – Нехорошо утаивать информацию от партнера.

И постепенно она рассказала ему обо всем: о странном увлечении мамы обычаями коренных американских народов, о ее быстрой смерти от гриппа и пугающих подарках, которые стали появляться после. Цветы, фигурки животных, вырезанные из дерева, пучки перьев – они

возникали словно из ниоткуда. Джейн переехала к тете, надеясь сбежать от преследования, но на следующее утро нашла орлиное перо на своей подушке.

В Эль-Райо жили в мире с индейцами, понемногу торговали и старались не нарушать хрупкое равновесие. Все помнили о крови, что впитала сухая земля. Джейн не хотела провоцировать конфликт и надеялась, что все закончится само собой, однако ее тетя не сумела держать язык за зубами, и вскоре весь город судачил о том, что на мисс Уокер положил глаз индейский вождь, ведь орел – его тотем. Остальные мужчины даже боялись смотреть в ее сторону, чтобы не перейти ему дорогу.

И тут появился Максимилиан Олдброк. Тетина подруга играла в бридж с дамой, чья кузина переехала из Англии. У той была знакомая, которая помогала людям устраивать личную жизнь. Она никак не могла подыскать партию для Макса. Он написал Джейн. Поначалу она не думала, что из этого выйдет что-то серьезное, но потом... Впрочем, ничего и не вышло.

– Что ж, мне все понятно, – сказал мистер Рейнфорд. – Очевидно, главное действующее лицо этой аферы – ваша тетя. Через нее к вам попало первое письмо, и наверняка это она подбрасывала подарочки от вождя, чтобы запугать вас и выставить из дома. Бедная родственница свалилась ей на голову, но лишняя ответственность никому не нужна. И вот появляется индеец, а следом английский джентльмен. Выбор очевиден, и мисс Уокер отчаливает к далеким туманным берегам, чтобы остаться там навсегда. Ведь нет смысла возвращаться туда, где репутация подмочена, – об этом тетя позаботилась тоже. Для молодой незамужней девушки, без приданого и поддержки семьи, слухи могут стать серьезным препятствием к браку. Пусть даже такие дурацкие. Кстати, раз уж мы заговорили о вашей репутации, примите добрый совет: на собрание сплетниц постарайтесь надеть что-нибудь менее провокационное.

– Давайте проясним, – выпалила Джейн, закипая от злости.

– Давайте, – охотно согласился инспектор, а его зеленые глаза рассматривали ее с любопытством энтомолога.

– Во-первых, – Джейн подняла руку и ткнула его в грудь указательным пальцем, – вопреки вашим домыслам, вождь действительно существует. Быстрый Охотник – так его зовут.

– Интересно, как бы звали вас на индейский манер, – хмыкнул он. – Бешеная Фурия? Джейн Острый Зонт?

– Я попросила прощения, и вы мне его дали, – напомнила Джейн. – Во-вторых, – она снова ткнула его пальцем, – он хотел взять меня в жены. Еще когда я была подростком, он говорил об этом с моей матерью, но она, разумеется, была против. Он отступил. В его племени слышат женщин.

– Значит, вождь хотел сделать вас своей скво, – кивнул инспектор. – Любитель острых ощущений? Жаль, его допросить не удастся. Это было бы интересно.

– Мама писала книгу об обычаях его племени, когда я ее закончу, вы сможете приобрести экземпляр и узнать больше.

– Обязательно приду к вам за автографом. Ох, мисс Уокер, я благодарю провидение, которое прислало вас сюда. Вы не представляете, насколько это занимательнее, чем обычные мои дела. Есть еще «в-третьих»? Или вам нравится слушать биение моего сердца?

Опомнившись, Джейн убрала ладонь с его груди.

– Моя тетя ни при чем. Она безобидная пожилая дама. Болтливая и, боюсь, не слишком умная, но не желающая мне зла.

– От таких всегда проблемы, – вздохнул он.

– Возможно, вы правы в том, что она не была мне особенно рада. Она не ладила с моей матерью, да и со мной не была близка. Но ничто не мешало ей просто выставить меня вон.

– Тут вы сильно ошибаетесь, – возразил мистер Рейнфорд. – Для таких дам обычно очень важно общественное мнение. Если бы она отказала вам от дома, оставила в беде осиротевшую племянницу, ее бы осудили, заклеили позором и не позвали на очередное женское собрание. Чем там в Эль-Райо занимаются дамы на досуге? Тоже читают?

– Рукодельничают, – сердито ответила Джейн. – Лоскутные одеяла и вышивка.

– Совсем другое дело, если тетя устроит бедной сиротке выгодный брак...

– Но письма писала не тетя, это точно. И билет первым классом она бы не купила. Главное действующее лицо – это тот человек, что писал мне. Макс. Мне не верится, что те письма от преступника, что

все они ложь. Макс словно знал меня, мои страхи и мечты, он стал мне близким человеком...

– А фотография? – невинно уточнил инспектор. – Она сыграла решающую роль?

– Скорее, я приехала вопреки ей, – фыркнула Джейн. – Внешность – не главное, и я решила, что смогу выйти замуж за этого мужчину, несмотря на его очевидные недостатки. У вас несимметричные брови, вы знаете об этом?

Инспектор рассмеялся, и Джейн невольно улыбнулась в ответ.

– Да, ситуация странная, но не стоит думать, что я приехала к вам, – добавила она, слегка приподняв подбородок, чтобы посмотреть ему в глаза. – Вы здесь, видимо, считаетесь завидным женихом, мистер Ррр, но мне вы нужны лишь как представитель закона.

– Мистер Ррр? – он снова улыбнулся и, обхватив ее локоть, притянул к себе, чтобы позволить пройти мужчине в черном костюме.

– Эта ваша привычка переспрашивать – просто ужасна, – сказала Джейн, отталкивая его. – И не смейте меня обнимать! Вы же так радеете о моей репутации!

– Я не мог позволить трубочисту испачкать вас. Зачем за этот проступок второй удар зонта.

– Так вы израсходуете все еще до фотоателье, – проворчала Джейн.

– Мы уже пришли, – возразил инспектор, указывая на блестящую стеклянную витрину, в которой висели фотографии.

Джейн шагнула к ней, рассматривая черно-белые застывшие лица. Старые и молодые, красивые и не очень, в основном мужчины, но и несколько дам разрешили использовать их изображения.

– Допустим, ваш вождь – не выдумка, – снисходительно произнес инспектор, возвышаясь позади Джейн в отражении витрины. – Когда он стал вас преследовать?

– После смерти мамы. Года два назад.

– Примерно в это же время разбили витрину фотоателье, – кивнул он. – И, видимо, забрали мое фото. Кто-то хотел защитить вас от индейца? И поэтому придумал весь этот план?

– Кто? Английская крестная фея? Я оказалась в чужом доме без всяких перспектив. Как-то не тянет на приглашение на бал, – возразила Джейн, поворачиваясь к нему.

– Может, все еще впереди? И это лишь первый шаг? – предположил он.

– Звучит жутковато, если честно, – сказала она. – Мне не нравится чувствовать себя пешкой в чужой игре.

– Поэтому мы попытаемся опередить противника, – кивнул инспектор. – Вы сделали первый ход – обратились в полицию. Вряд ли он на это рассчитывал. Все же не каждая согласится признать себя жертвой мошенника, да еще и в такой щекотливой ситуации...

Джейн невольно закатила глаза, забыв о том, что и сама сомневалась перед тем, как обратиться в полицию.

– Легкомыслие и доверчивость – не те качества, которые следует показывать людям. Так бы рассуждала любая леди на вашем месте, – продолжил он. – Но для вас, очевидно, справедливость превыше всего.

– Превыше глупых предрассудков, – ответила Джейн. – Так что, идем допрашивать фотографа?

– Предоставьте это мне.

Глава 3

Первые подозреваемые

Невысокий мужчина в сером переднике поверх костюма поспешно вышел из-за стола на звук дверного колокольчика.

– Добрый день! – воскликнул он, расплываясь в улыбке. – Мистер Рейнфорд, как я рад вас видеть! Леди...

– Мисс Уокер, – представил ее инспектор. – Мистер Дидлби. Я бы хотел задать несколько вопросов.

– О, – слегка разочарованно выдохнул фотограф. – Я надеялся, что вы пришли сделать еще несколько кадров. У вас удивительно фотогеничная внешность! Пропорции лица идеальны!

– Вы не находите, что мои брови несимметричны? – серьезным тоном уточнил инспектор, искоса глянув на Джейн, и уголок его губ едва заметно дернулся.

– Это из-за активной мимики, – поспешил успокоить его мистер Дидлби. – Но уверяю вас, отклонение от золотого сечения минимально!

– Вы хотели задать вопрос, инспектор, – напомнила Джейн, раздраженно постукивая носком туфельки по полу.

– Ах да, – неторопливо протянул мистер Рейнфорд. – Помните тот случай, когда витрину вашего ателье разбили?

– Разумеется, – подтвердил мистер Дидлби. – Ох уж эти мальчишки... К счастью, брат моей жены – стекольщик, и новая витрина стала подарком на ее день рождения. Половина, если говорить честно, но и то неплохо. Мисс Уокер, мы знакомы?

– Нет, – покачала головой Джейн.

Лицо у фотографа было по-овечьи вытянутым, а рот маленьким, как у куклы. Он казался безобидным и немного растерянным, точно садовый гном, потерявший колпак, но темные глаза смотрели так остро и внимательно, что под их взглядом Джейн почувствовала себя неуютно.

– Наверное, вы похожи на кого-то... – предположил мистер Дидлби не слишком уверенно.

– Мисс Уокер совершенно особенная девушка, – не согласился инспектор. – При первой же встрече поразила меня... несколько раз. Но вернемся к делу. Тогда вы сказали, что ничего не пропало.

– Так и было, – кивнул фотограф, отводя взгляд от Джейн.

– А фотографии с витрины?

– Их пришлось выбросить. Ночью шел дождь, и они промокли, пошли пузырями. Нельзя использовать порченный продукт для рекламы, сами понимаете.

– Там было и мое фото.

– Пожалуй, – снова кивнул мистер Дидлби, хмурясь. – Хотя я не помню, чтобы выбрасывал его. Просто собрал все в кучу, карточки совсем размокли... Однако недавно я сделал еще фотографии с тех негативов. Теперь я поступил умнее и повесил их в глубь помещения. Дамам Вуденкерса приходится заглянуть ко мне, чтобы полюбоваться вами, инспектор.

Он подвел их к стене, увешанной деревянными рамками, и Джейн моментально нашла лицо мистера Рейнфорда. Рядом висели еще несколько его фотографий: в пол-оборота, сидя, в полный рост...

– Это что, волк? – удивилась она, приблизив лицо к фотографии.

– Именно эту и выбрали для статьи, – сказал фотограф. – Матерый был! Мистер Эдверсон говорит, под двести фунтов, но он горазд болтать.

– Мэру это полагается по службе, – усмехнулся инспектор.

На фотографии мистер Рейнфорд опирался на длинное ружье и одна его нога стояла на поверженном звере.

– Значит, негативы не украли, – с явным облегчением в голосе произнес он. – Вы в этом уверены?

– Абсолютно!

– Это я и хотел услышать. И никто ими не интересовался?

– В Вуденкерсе никто больше не увлекается фотографией. Не хотите ли, кстати, сделать фото? – предложил мистер Дидлби, поворачиваясь к Джейн. – Бесплатно, если вы позволите использовать его для рекламы. Вы совершенно очаровательны, мисс, несмотря на некоторую неправильность черт...

– Благодарю, не стоит. Была рада знакомству, – сухо ответила она и вышла за порог, держа спину прямо, как солдат на параде. Колокольчик позади звякнул, потом еще раз, выпуская инспектора.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да.

Между лопатками чесалось, точно туда уселась назойливая муха. Джейн обернулась. Фотограф смотрел на нее через витрину, задумчиво хмурясь.

– У вас прекрасные черты, – добавил инспектор.

– Мне все равно, что вы там о них думаете.

– Что тогда? Вас поразил убитый волк? Вы из защитников животных? – не отставал мистер Рейнфорд.

– Нет, – ответила Джейн, поворачиваясь к нему. – Я не против охоты. Я и сама неплохо стреляю.

– Тогда мне повезло, что у вас с собой был лишь зонт, – усмехнулся он. – Кстати сказать, тот волк оказался удивительно живучим. Я подстрелил его и подошел ближе в полной уверенности, что он мертв, но зверь вдруг кинулся на меня, точно демон преисподней, зубы клацнули, впиваясь в плоть...

– До кости прокусил? – деловито уточнила Джейн.

– Нет, – сбился с мысли мистер Рейнфорд.

– Когда зубы впиваются в плоть, никакого клацанья не слышно. Оставьте ваши байки для мисс Блювенгейз, – снисходительно улыбнулась она.

– У меня даже шрам остался! – возмутился инспектор. – Ладно, пусть ничего не клацало, но волк укусил меня за предплечье. Могу показать.

– Вы ведь не станете раздеваться посреди улицы? – с нарочитым испугом произнесла Джейн, округлив глаза. – Это испортит вашу репутацию, и мисс Блювенгейз больше не напечатает вам пирожков... Давайте уже вернемся к делу. Что вы думаете о первом подозреваемом, инспектор?

Мистер Рейнфорд укоризненно посмотрел на нее, но ответил:

– Мистер Дидлби ни при чем, мисс Уокер. Он бы не стал разбивать витрину, чтобы взять мое фото. Слишком дорогой способ сбить со следа. Но отчего вы так поспешно сбежали?

– Мне стало не по себе, – призналась она. – Фотограф так пристально меня рассматривал, точно мы в самом деле знакомы.

– Это у него профессиональное, – успокоил ее мистер Рейнфорд. – Сразу ищет удачный ракурс. Зря вы не согласились сделать кадр.

Получилось бы превосходно.

– Индейцы верят, что фотография ворует душу.

– Вот как? Но вы-то не верите в это, правда? Иначе моя душа была бы сейчас в вашей сумочке, а там темно и тесно. Оставьте себе, прошу, – добавил он, когда Джейн потянулась к сумке. – Кстати, вы отправляли Максимилиану Олдброку свою фотографию?

– Нет.

– И он готов был жениться на вас, не увидев ни разу? Вы могли бы заподозрить неладное.

– Он говорил, что внешность – не главное. Что он хочет найти друга в будущей жене. Что ему нужна женщина со свободным духом, а здешние дамы полны суеверий. А с поместьем Олдброкков связана какая-то ужасная история, которая их отпугивает. Я так поняла, кого-то из прежних владельцев жестоко убили. Мне было неловко расспрашивать миссис Олдброк. Это правда или выдумки? Такая история есть?

– Да, – помрачнел инспектор. – История гибели Максимилиана Олдброка.

* * *

Мистер Ррр настоял на том, чтобы проводить ее до поместья, и Джейн, заинтригованная его обещанием рассказать об Олдброках, не стала возражать. Дорога вывела их из города и потянулась вдоль ферм, откуда пахло шерстью и навозом.

– Вы ведь не здешний, – заметила Джейн.

– Как вы догадались?

Лаконичный, но безупречный покрой его костюма, манеры, поведение – в инспекторе был лоск того рода, который не бросается в глаза.

– Поняла по тому, как вы морщите свой идеально прямой нос, – сказала она. – Не похоже, чтобы запах ферм был вам привычен.

– Я из Лондона, – улыбнулся он. – В некоторых районах там воняет куда хуже.

– И что вы здесь делаете? Дайте угадаю, вас сослали за какую-то провинность.

– Мимо, мисс Уокер. Мой послужной список так же безупречен, как и профиль.

– Тогда... вас направили сюда, чтобы раскрыть какое-то особенно запутанное дело. Вот хоть смерть Максимилиана Олдброка, о которой вы обещали рассказать.

– Боюсь, снова в молоко. Это дело минувших дней давно пылится в архиве.

– Что тогда заставило вас приехать в милый Вуденкерс?

– Писем мне никто не слал, если вы об этом, – усмехнулся он. – Скажем так, меня вынудили уехать.

– Значит, вот где корни вашей версии о том, что меня выставили из Америки! Это проекция ваших собственных комплексов.

– У меня нет комплексов, мисс Уокер.

– Мы же партнеры, инспектор, нехорошо требовать от меня откровенности, а после замыкаться в себе, – не отставала Джейн. – К тому же вы полностью игнорируете еще одну версию.

– Это какую?

– Дело не во мне, а в вас, – многозначительно произнесла она. – Кто-то выбрал именно ваше фото. Почему?

– Потому что я... Как бы так выразиться, чтобы не показаться нескромным... Обычно нравлюсь женщинам?

– Вас совершенно разбаловала провинция, – упрекнула его Джейн. – Нет, ответ кроется в вашем прошлом.

– Я кому-то так сильно насолил, что он решил натравить на меня американку с зонтом? Какой изощренный способ мести! Нет, настолько безжалостных врагов я не нажил.

– Ладно, не хотите говорить – ваше дело. Но мы еще вернемся к этой теме, – уверила его Джейн. – Так что же случилось в поместье?

Мистер Рейнфорд начал свой рассказ сухо и безэмоционально, словно читая сводки уголовной хроники: найден на рассвете матерью, многочисленные рваные раны. Вероятно, он не желал напугать Джейн яркими подробностями, но ее воображение живо дорисовывало детали картины: почерневшая от крови трава, первые лучи солнца заливают мертвенно-бледное лицо, плач миссис Олдброк словно волчий вой несется над холмами...

– Значит, Максимилиана Олдброка загрызли волки на его же землях, – ужаснулась она. – Слава богу, я не стала расспрашивать об

этом Сильвию. Бедная женщина.

– Волки, – подтвердил мистер Рейнфорд. – Бич этих мест. Если вы зайдете к преподобному Габриэлю, то в левом углу церкви можете увидеть приметную фреску: святой Эдвард, поражающий волка копьем. Они возвращаются сюда снова и снова, точно их что-то манит в наших холмах.

– Может быть, овцы? – предположила Джейн. – А что тот волк, которого вы подстрелили? Действительно был таким огромным?

– Крупный, но ничего особенного. И на этот раз, к счастью, действительно обошлось овцой. Глядите-ка, вас ждут...

Миссис Олдброк стояла у распахнутых ворот поместья. Ее желтые глаза сверкали, а ноздри гневно раздувались.

– Добрый день, миссис Олдброк, – вежливо произнес мистер Рейнфорд. – Инспектор полиции Вуденкерс Ральф Рейнфорд к вашим услугам.

Дама лишь ненадолго перевела на него взгляд, но после обратилась к Джейн:

– Джейн, нам надо поговорить. Вам не следовало сбегать, не поставив меня в известность.

– Я обратилась в полицию, чтобы найти того мошенника...

– И сразу же на него наткнулась. Это ведь его фото вы показывали вчера. Как недостойно, молодой человек!

– Он ни при чем! – возразила Джейн.

– Откуда вам знать? – пытливо уставилась на нее миссис Олдброк.

– Леди, я клянусь, что...

– Оставьте ваши пустые слова для кого-нибудь другого, – перебила инспектора дама. – Пойдемте, Джейн. Я ждала вас, чтобы пообедать вместе.

– Но, Сильвия, – взмолилась Джейн, – мистер Рейнфорд мог бы присоединиться к нам и объяснить...

Инспектор шагнул вперед, но наткнулся на холодный взгляд янтарных глаз.

– Боюсь, накрывали лишь на двоих. Всего хорошего, мистер Рейнфорд.

Миссис Олдброк пропустила Джейн вперед, без видимых усилий закрыла заскрипевшие ворота и демонстративно задвинула тяжелый засов.

– Пойдите! – окликнул инспектор.

– Что еще? – рявкнула пожилая леди, обернувшись.

– Зонт мисс Уокер, – обезоруживающе улыбнулся он, протянув зонт между прутьями.

Джейн взяла его и одними губами произнесла:

– До встречи.

А после они с миссис Олдброк направились к дому.

Ральф постоял на площадке перед воротами, глядя вслед дамам. Миссис Олдброк при каждом шаге с силой вбивала трость в землю, точно вымещая на садовой дорожке свою злость.

Один конец ниточки, что привела сюда мисс Уокер, остался в Америке, и найти его нет возможности. Ральф охотно верил, что Джейн могла оказаться той еще занозой в заднице тетушки, так что та не пожалела ни усилий, ни денег на билет, только чтобы выставить племянницу вон. Однако версия трещала по швам. Во-первых, все же куда проще было бы найти мужа в Америке. А во-вторых, индеец, если Джейн не путается в показаниях, появился еще до переезда к тете. Значит, кто-то начал запугивать бедняжку раньше. Мисс Уокер привели в поместье Олдброков, и ответы надо искать здесь.

Мрачная фигура Томаса появилась из сада, приближаясь, и Ральф пошел назад по дороге в Вуденкерс. Обернувшись и убедившись, что его больше не видно, он свернул в рощу и, слегка углубившись в нее, сделал круг, обойдя поместье. Кованая ограда оборвалась, а после закончилась и стена боярышника, так что Ральф беспрепятственно шагнул на едва заметную тропинку, ведущую к дому. Поместье защищалось лишь от города, выставив к нему и железные шипы, и колючие ветки, но со стороны холмов невозможно было понять, где заканчиваются земли Олдброков.

Ральф быстро подошел к дому, держась в тени деревьев, и, притаившись, заметил мелькнувший силуэт в одном из окон на втором этаже. Мисс Уокер наверняка поднялась к себе, чтобы переодеться к обеду, вряд ли чопорная миссис Олдброк оставила без внимания ее наряд.

Оглядев старую стену, Ральф разулся, снял носки, а после вцепился в выщерблину и подтянулся, хватаясь за выступ камня. Старый дом словно сам подталкивал его вверх, подставляясь неровной стеной, изъеденной ветрами и временем, и вскоре Ральф висел на

подоконнике, упираясь босыми ступнями в шершавые камни. Переведя дух, он подтянулся выше и постучал в окно. Оно распахнулось так быстро, что Ральф едва не сорвался.

– Что вы делаете? – возмущенно прошептала мисс Уокер, хватая его за плечи и помогая забраться внутрь. – Это ведь моя спальня! Как можно?

Ральф перебрался через подоконник и, отдышавшись, заправил выбившуюся из-за пояса рубашку и провел пятерней по волосам.

– А вдруг вам грозит опасность, мисс Уокер? – произнес он, осматривая комнату, где оказался. – К тому же у меня практически неограниченный лимит на проступки, выданный вашим зонтом.

– Это уже тянет на пепельницу, – проворчала она, запахивая плотнее халат.

* * *

Ральф рассматривал комнату, где оказался: светло-лиловые обои, вместительный одежный шкаф, стол и стул, зеркало на стене, из-под широкой кровати виднеется алый бок чемодана, однако взгляд его то и дело устремлялся к мисс Уокер, которая куталась в пушистый белый халатик и переступала с ноги на ногу, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Зачем вы приперлись? – совсем не любезно выпалила она. – Что подумают люди, если нас застукают вместе?

– Подумают, что у нас бурный роман, разумеется, – ответил он. – И мне придется на вас жениться. Не это ли было вашей целью, мисс Уокер? Так что ваше недовольство выглядит наигранным и неоправданным.

Она едва не задохнулась от возмущения, поэтому Ральф поспешил добавить:

– Но мы-то с вами знаем, что я действую в рамках служебного долга. Так что выдыхайте, мисс Уокер, и пепельницу тоже оставим на потом. Это явно не тот случай.

Он быстро подошел к двери и закрыл задвижку. Подергал ручку.

– Вы думаете, что миссис Олдброк станет ломиться ко мне ночью? – спросила мисс Уокер, похожая на нахохлившуюся птичку.

– Дверь закрывается изнутри, это хорошо, – произнес Ральф, не обратив внимания на ее сарказм.

– Почему вы так волнуетесь? – спросила она, разбирая пальцами влажные пряди, которые закручивались в тугие рыжие спиральки.

Это простое действие ненадолго сбilo Ральфа с мысли. К тому же в вырезе халатика мисс Уокер мелькнуло что-то белое, кружевное и тоже не способствующее концентрации.

– Вы заметили, как быстро миссис Олдброк перевела на меня стрелки? – собрался он. – Нелюдимая пожилая женщина с радостью дает приют незнакомке. Отчего вдруг? Не потому ли, что это она писала вам письма?

– И расколошматила витрину ради вашего фото?

– Это мог сделать садовник. Он, кажется, очень ей предан.

Вздыхнув, Джейн присела на кровать, рассматривая свои босые ноги.

– Зачем я ей? – пожала она плечами, и халат чуть съехал в сторону, оголив ключицы и белую бретельку. – Может, она умом тронулась после гибели сына?

– Не исключено, – ответил Ральф, подходя к девушке ближе. Она выглядела такой хрупкой, несчастной и беззащитной, что ему немедленно захотелось ее утешить. Желательно в своих объятиях. – Однако план кажется продуманным и разыгранным как по нотам. Вряд ли на такое способен душевнобольной. Мисс Уокер, Джейн, вам лучше переехать отсюда. Миссис Пампкин приютила бы вас на первое время, а потом...

– Мы должны вывести ее на чистую воду, – решительно заявила мисс Уокер, вздернув подбородок.

– Кого? – сбился с мысли Ральф.

– Миссис Олдброк, разумеется, – ответила она, пожав плечами, так что полы халата еще немного сдвинулись. – Не вашу же секретаршу. Я не собираюсь убегать и прятаться, как трусливый заяц.

– Мисс Уокер, вы не понимаете, – рассердился он, и вдруг она вскочила с кровати, кинулась к нему и, прижавшись всем телом, запечатала рот ладонью.

Его руки рефлекторно легли на ее талию, прижимая ближе, а после он услышал тихий стук, который становился все громче. Миссис Олдброк шла по коридору, и ее трость отбивала ритм по паркету

старого дома. Вскоре шаги прекратились, и в дверь постучали, так что Джейн вздрогнула и прижалась к нему еще теснее. Ручка двери медленно наклонилась, снова выпрямилась.

– Джейн, дорогая, вы в порядке? – раздался голос леди.

Ральф кивнул, ободряюще погладил девушку по спине.

– Да, я спущусь через пару минут! – выкрикнула она. – Я одеваюсь.

Ответом было молчание, а потом трость снова стукнула о паркет. Тук-тук-тук, звук становился все глуше, постепенно удаляясь.

Джейн замерла, прислушиваясь, а после медленно убрала руку от губ Ральфа и попятилась, так что ему пришлось выпустить ее из объятий.

– Уходите, – прошептала она. – Не станете же вы караулить меня всю ночь.

От нее пахло розовым мылом, и обнимать ее на этот раз оказалось еще приятнее, чем в прошлый, так что Ральф едва проглотил ответ, что это было бы просто прекрасно.

– Давайте договоримся так, – сказал он. – Если что-то вас испугает или покажется странным, или вы просто захотите мне что-то сказать, оставьте окно открытым...

– Еще чего! – возмутилась Джейн. – А если я просто захочу проветрить комнату? И вдруг инспектор Рейнфорд в моей спальне, тут как тут. Давайте придумаем более очевидный знак.

Он распахнула дверцы шкафа и вытащила оттуда два шарфа – белый и красный.

– Вот. Белый будет означать, что все в порядке, а красный – что мне нужна ваша помощь. Я вывешу шарф в окно. Но вам не стоит тратить время, нарезая круги у поместья Олдброков. Я могу постоять за себя.

Она подошла к кровати и, откинув подушку, вынула «кольт».

– Этого стоило ожидать, – вздохнул Ральф. – А это что?

Заинтересовавшись, он подошел ближе и потрогал странную вещь в изголовье кровати: сложное переплетение нитей, пушистые перышки по краям, несколько бусин, белых и розовых.

– Ловец снов, – ответила Джейн, – индейский амулет. Мама сделала, от кошмаров.

– Вы плохо спите? – он повернулся к ней, оказавшись совсем близко, а после, не удержавшись, протянул руку и накрутил рыжую прядь на палец. Что-то твердое уперлось ему в грудь и, глянув вниз, он осторожно отвел дуло «кольта» в сторону.

– Вам пора, – сказала мисс Уокер. – Завтра я схожу на это ваше собрание и, может, узнаю что-то новое.

– А я съезжу в Шелстоун и проверю, не помнит ли кто-нибудь из служащих почты некоего мистера Олдброка, получавшего из Америки письма до востребования.

– Отлично, – кивнула она. – Я загляну к вам после клуба.

– И не забудьте про шарф, – напомнил Ральф, перебираясь через подоконник.

В саду было пусто, и солнце уже клонилось к закату, так что тени от старых яблонь вытянулись до самого дома. Ральф нащупал ногами удобный выступ, повернулся к Джейн. Она так и стояла посреди комнаты, лохматая, босоногая, в пушистом белом халате и с «кольт» в руке. Невероятная женщина.

– Было приятно познакомиться, мисс Уокер, – улыбнулся он.

– Взаимно, мистер Рейнфорд, – ответила она.

Глава 4

Тайны поместья Олдброк

Столовая в доме Олдброков была неожиданно яркой и вызывающе экзотичной: шелковые обои с рисунком в виде павлиньих перьев, изумрудные портьеры с золотыми кистями, обилие свечей. Из-за вычурной обстановки Джейн казалось, что они с миссис Олдброк участвуют в театральной постановке, а дом – главный и единственный зритель – следит за ними сотнями нарисованных глаз на павлиньих хвостах и только вздыхает вентиляционными трубами, подмечая малейшие промахи в актерской игре. И если Сильвия знала свою роль, то Джейн придется импровизировать.

– Итак, – произнесла миссис Олдброк, садясь на высокий стул с резной спинкой и жестом указывая на место напротив. – Приступим?

Джейн послушно опустилась на жесткое сиденье. «Кольт» пришлось вернуть под подушку – не явишься ведь к ужину с пистолетом за поясом платья, у Сильвии наверняка бы появились вопросы. Хотя с оружием Джейн чувствовала бы себя куда увереннее, или хоть с зонтиком. Но если бы они с миссис Олдброк начали фехтовать, как мушкетеры, то ее зонт с треском бы проиграл трости.

– Приятного аппетита, – сказала Сильвия, слегка улыбнувшись, словно прочитав мысли Джейн по выражению ее лица, и склонилась к тарелке.

Миссис Олдброк ела быстро и аккуратно, задумчиво поглядывая на Джейн исподлобья, точно прикидывая, не подать ли на ужин саму гостью. Джейн отрезала кусок стейка и положила в рот. Мясо было слегка жестковатым, но сочным и вкусным. Спаржевая фасоль – упругой и ароматной, и со специями кухарка Олдброков не перебарщивала: немного тимьяна и базилика. Салат из свежих овощей, бекон, нарезанный тонкими ломтиками, хрустящие хлебцы – обед не отличался роскошью, но Джейн, проголодавшись после прогулки, наслаждалась каждым кусочком.

Миссис Олдброк поднялась, и Джейн, вздрогнув, глянула на нее снизу вверх. Однако дама лишь взяла стеклянный кувшин с густым морсом и разлила по стаканам.

– Попробуйте, Джейн, – предложила она. – Очень вкусно.

Дождавшись, пока дама сама сделает глоток, Джейн осторожно пригубила кисловатый напиток, пахнувший гвоздикой и мускатным орехом. Она облизнула губы и снова поймала на себе взгляд миссис Олдброк, которая задумчиво потягивала морс.

– Все очень вкусно, – сказала Джейн. – Морс бесподобен. Такой густой, с приятной кислинкой.

– Благодарю, – ответила миссис Олдброк. – Ноирин, кухарка, знает мой вкус. Простые продукты, без особых изысков, но все только самое свежее. Хотите чего-нибудь особенного? Какое ваше любимое блюдо?

Если миссис Олдброк действительно главное действующее лицо этой аферы, то вопросы она задает очень странные. Может, она хочет ее откормить? И однажды, когда толстая и неповоротливая Джейн спустится в столовую, миссис Олдброк поднимется со своего высокого стула и укажет тростью на стол. Джейн, зачарованная янтарными глазами, сама покорно ляжет на него, как на жертвенный алтарь, и, не в силах сопротивляться, будет молча смотреть, как над ее грудью заносят острый кинжал, и никто ей не поможет, даже инспектор...

Он, наверное, уже вернулся в Вуденкерс. Джейн видела, как он быстро пересек яблоневый сад, пригибаясь под низкими ветками, а потом перешел на бег трусцой и скрылся за холмами. Надо признать, физическая форма английских полицейских – выше всяких похвал. Такой сильный, ловкий...

– Мое любимое блюдо, – спохватилась она, осознав, что миссис Олдброк так и ждет ответа, – кукурузные лепешки, пожалуй. Мама часто пекла их.

– Кем были ваши родители?

– Отец был миссионером. Он пытался обратить индейцев в истинную веру, но умер, не успев достичь успеха, – ответила Джейн. – Я не слишком-то хорошо помню его.

Суховатый мужчина с унылыми усами и постным выражением лица был в ее воспоминаниях тусклой картинкой, и, как Джейн ни пыталась, она не чувствовала ни любви, ни тоски по ушедшему. Он читал ей Библию перед сном, но она быстро засыпала под монотонный бубнеж.

– Вот как, – ровно произнесла миссис Олдброк. – Отчего он умер?

– Сердце. – Джейн сделала еще глоток морса.

Она бы ни за что не призналась, но после смерти отца и она, и мама словно задышали полной грудью. Едва выдержав траур, мама купила Джейн красные ленты и пышное платье в белый горох, они напекли кукурузных лепешек и отправились на пикник к реке, а потом лежали, глядя в небо, рассматривали облака и смеялись над всякой ерундой.

Вот мамы ей всегда будет не хватать.

– Что же делала ваша мать, овдовев?

– Она пыталась продолжить его дело, но... – Джейн замялась, не зная, как говорить дальше. Люди по-разному реагировали на то, чем занималась мама, и лучшей реакцией было, пожалуй, равнодушие.

– Но ей тоже не удалось заставить индейцев предать своих богов? – предположила Сильвия.

– Верно, – ответила Джейн, наливая себе еще немного морса. – Из чего этот напиток?

– Из ягод, что растут на наших холмах, – ответила миссис Олдброк. – Значит, ваша мать тоже пыталась заниматься миссионерством?

– Мама не пыталась увлечь индейцев нашей верой, напротив, ее интересовали их предания. Она писала книгу, и общество этнографии весьма щедро поддерживало ее начинание.

– Как мило с их стороны, – заметила дама, слегка усмехнувшись в сторону.

Джейн, задетая ее реакцией, продолжила:

– И после, когда мама умерла, я решила завершить ее работу, чтобы выполнить обязательства.

Что бы она там ни думала, это не было милостыней. Мама трудилась, и ее старания не пропадут напрасно.

– Это очень ответственно... Я соболезную вашей утрате, Джейн, – мягко добавила Сильвия. – Это тяжело – остаться одной в таком юном возрасте. В любом возрасте.

Джейн сглотнула комок, собравшийся в горле. Не время и не место раскисать. Однако сочувствие миссис Олдброк было таким неожиданным и искренним, что едва не пробило брешь в эмоциональной защите Джейн, которую она выстраивала последние годы.

– Какое образование вы получили, Джейн?

– Домашнее, разумеется, – ответила она. – Боюсь, в Эль-Райо еще не скоро появится школа для девочек. Но мама не жалела для меня ни времени, ни книг. Кстати, вы не будете против, если завтра я оставлю вас и посетую собрание дамского книжного клуба в Вуденкерсе?

Миссис Олдброк слегка изогнула бровь.

– Что ж, я понимаю, вам нужно общение, – ответила она после паузы. – Разумеется. Лучше уж книжный клуб, чем общество инспектора, верно? Вам не стоит так легкомысленно доверять мужчинам. Сначала поездка невесть куда и неведомо к кому, теперь мистер Рейнфорд... Я ведь не ошиблась, это действительно его фото вы показывали вчера?

– Верно, – подтвердила Джейн. – Но он тут ни при чем. Его фото взяли с витрины ателье.

– Может, и так, – не стала спорить миссис Олдброк. – Джейн, простите мое любопытство, но нельзя ли мне взглянуть на письма, которые писал вам тот неизвестный от имени моего сына?

– Боюсь, я отдала их инспектору, – ответила Джейн. – Я подумала, что он может найти в них какую-нибудь зацепку, которая помогла бы найти преступника.

– И если этот преступник – он сам, у вас не осталось против него улик. Как удобно, – вздохнула Сильвия. – Джейн, дорогая, на вашем месте я бы не спешила ему верить. Такому мужчине от красивой и наивной девушки вроде вас нужно одно... – она замялась, подбирая выражение. – Попасть к ней в спальню.

Джейн почувствовала, что краснеет. Инспектору потребовалось для этого буквально несколько часов.

– А потом он теряет к ней интерес. А ведь может случиться так, что... будут последствия, – продолжила разглагольствовать Сильвия, разглядывая стакан с морсом и словно думая о своем. – Тогда ей придется искать способ скрыть позор. Хорошо, если найдется человек, готовый помочь...

– Не стоит заходить так далеко в рассуждениях, – обиженно перебила ее Джейн. – Мистер Рейнфорд всего лишь проводил меня до поместья. К тому же он не стал бы перекладывать ответственность на кого-то другого.

– Вот как...

– Хоть я и не собираюсь совершать ничего предосудительного, – поспешно добавила она.

Не может ведь Сильвия знать о том, что он был в ее спальне? А если она подсмотрела? Подслушала? Унюхала? Отчего-то вспомнился странный обряд, увиденный в Вуденкерсе. Не увидишь, не услышишь, не почувешь, не съешь...

Сильвия отрезала кусок стейка, положила его в рот и, прожевав, проглотила.

– Тем лучше для вас обоих, – улыбнулась она, отпив морс. – Я чувствую, что обязана позаботиться о вас, Джейн. Вы совсем одинокая и такая юная.

– Мне уже двадцать, – возразила она. – Кстати, инспектор предложил мне снять комнату у его секретарши. А потом я найду работу и...

– И думать не смейте! – возмутилась миссис Олдброк и так резко поставила стакан с морсом на стол, что на белую скатерть брызнули красные капли.

Джейн вжалась в спинку стула, не понимая, чем вызвана такая реакция. Миссис Олдброк поджала тонкие губы, гневно раздувая ноздри.

– Я не подумала о том, что вы, вероятно, находитесь в затруднительном финансовом положении, – произнесла Сильвия спокойнее. – Мне как раз не мешает компаньонка.

– Я не могу брать у вас деньги, – возразила Джейн. – Вы и так слишком добры.

– Я настаиваю, – твердо сказала она.

– Нет, – отрезала Джейн.

Они сверлили друг друга взглядом, и миссис Олдброк первой отвела глаза, усмехнулась чему-то.

– У меня есть сбережения, – добавила Джейн, чувствуя себя виноватой.

Миссис Олдброк дала ей приют, предлагает помощь, и если она ни при чем, то Джейн ведет себя непозволительно грубо по отношению к великодушной женщине. Но если письма писала она... Где бы увидеть ее почерк?

В столовой, несмотря на расставленные всюду свечи, сгустились сумерки. Слуг не было слышно, словно их вовсе не существовало, как

и всего остального мира, и лишь миссис Олдброк гипнотизировала ее золотыми глазами.

– Не составите мне компанию на вечерней прогулке, Джейн? Томас, мой садовник, слишком любит строгие линии и формы, но дальше, за садом, открывается удивительный вид на дикую, не тронутую человеком природу. Вам понравится, я уверена.

Гулять по коварным зеленым холмам с миссис Олдброк? Там, где текла кровь ее сына, разорванного волками?

– Я думала поработать над маминой книгой, – выпалила Джейн. – Чтобы поскорее отослать рукопись в общество этнографии. Надо отработать аванс. Сдать вовремя.

– Что ж, – вздохнула Сильвия, поднимаясь со стула. – Вы правы. Всему свое время... Если проголодаетесь перед сном, зайдите на кухню. Ноирин даст вам молока и чего еще пожелаете. Доброго вечера, Джейн.

– Хорошей прогулки.

Сильвия улыбнулась и исчезла в дверях, а Джейн подошла к окну и слегка отодвинула портьеру.

Миссис Олдброк появилась через минуту, в серой меховой накидке поверх траурного платья, ботинках без каблуков и с неизменной тростью. Она прошла по дорожке к воротам, а потом вдруг свернула в просвет между самшитовыми кустами и зашагала по газону, с силой втыкая трость в землю и оставляя рытвины и проплешины в стриженной траве. Сделав небольшой круг, она направилась за угол дома. Джейн бросилась из столовой, помчалась вверх по лестнице, перепрыгивая ступеньки, и толкнула дверь в свою спальню. В окне, выходящем в сад, виднелась фигура миссис Олдброк, медленно бредущая к закату по тропинке между яблонями.

Наверняка она будет гулять не меньше часа. Вполне достаточно времени, чтобы попытаться найти в ее комнатах письма или документы и сравнить почерк.

* * *

Джейн прошла по коридору, нажимая на все подряд дверные ручки. За одной из них оказалась кладовая, за другой – еще одна

гостевая спальня с закрытой чехлами мебелью. На стене висел пасторальный пейзаж с овечками, усыпавшими зеленые холмы, и дородной пастушкой. Еще одна дверь оказалась заперта, и Джейн прижалась к ней ухом, а после стыдливо отодвинулась. Не станет ведь миссис Олдброк держать кого-то взаперти. Или станет?

Разговор за обедом у них вышел странным. Сильвии явно не понравился мистер Рейнфорд, и теперь, шагая в левое крыло, Джейн и сама сомневалась, стоит ли ему доверять. Отчего-то именно его фото выбрал преступник. Да, нельзя не признать, что инспектор очень хорош собой, но впутывать полицейского – неразумно. И он тоже что-то скрывает.

Левое крыло дома казалось более старым: паркет вытерт от времени, на стенах облупилась краска, обнажая кладку из серого камня. В конце коридора было прямоугольное окошко, и свет ложился ровным ломтем на вытертый пол, покрытый, словно оспинами, вмятинами от трости. Они вели к самой последней двери, и вскоре Джейн в нерешительности остановилась перед ней.

Дом молчал, точно ожидая, как она поступит, и Джейн чудилась укоризна в тихих порывах ветра, заблудившегося в вентиляции.

Некрасиво рыться в чужих вещах.

Пусть в рамках расследования – это все равно гадко. Но если Сильвия – преступница, то не оставит дверь открытой. Мысль эта принесла облегчение, и Джейн нажала на дверную ручку в полной уверенности, что та не поддастся. Однако дверь сразу же распахнулась, словно приглашая Джейн в обычную спальню в сине-зеленых тонах. Окно было приоткрыто, и белый тюль, тонкий и кружевной, как фата невесты, колыхался от ветра. Ковер, лохматый, но с проплешинами, точно шкура старого пса, лежал у кровати, охраняя синие разношенные тапки. Джейн подняла ногу, чтобы переступить порог, и поставила ее назад, потоптавшись на месте.

Возле стены, слева от окна, стоял большой секретер из темного дерева. Там наверняка найдется куча писем, документов с подписью миссис Олдброк, а может, даже личный дневник. Джейн с легкостью узнает, ее ли почерком были написаны те письма. Она перечитывала их сотни раз и помнит каждую закорючку так ясно, словно держит листок с ровными строчками перед глазами...

Сквозняк подтолкнул дверь, она плавно сдвинулась и захлопнулась перед носом Джейн.

Она посопела немного и, повернувшись, медленно пошла назад по коридору, чувствуя странное облегчение. Вернувшись в комнату, она переоделась в сорочку и юркнула в постель, укрывшись теплым одеялом. Было еще довольно рано, но голова стала как будто ватная и глаза сами закрывались. Спohватившись, Джейн вскочила, пробежалась босыми ступнями к шкафу и, выбрав белый шарф, перевесила его через подоконник, прижав створкой. Вернувшись в постель, она вдохнула глубже запах холмов, проникший через неплотно прикрытое окно.

Пахло травой, но как-то по-особенному. Отчего-то казалось, что трава эта густая и высокая и стелется под лапами, точно мягкий ковер. Она колышется под ветром, и зеленые волны бегут по холмам, точно по морю, и нет им края и конца, и тот, кто пойдет по этой траве, никогда не вернется...

Джейн очнулась ото сна, резко сев в кровати и хватая ртом воздух. Лоб покрылся испариной, во рту стоял горький привкус ягод, а в ушах еще звучали отголоски волчьего воя.

Она сглотнула вязкую слюну и опустила ноги с кровати.

Луна блестела за окном щербатой монетой. Сердце Джейн снова забилося быстрее. Она видела эту луну во сне, и звезды с вершины холма казались такими близкими. Накинув халат, она вышла из комнаты, спустилась по лестнице вниз. Хотелось перебить чем-нибудь горечь во рту, хоть бы и теплым молоком, и, пройдя через столовую, Джейн попала на кухню.

Тут использовали каждый дюйм площади: на стенах блестели развешанные сковородки, кастрюли, ковшики и ситечки, с потолочных балок свисали гирлянды сушеных грибов и веники трав, а в углах многоярусными бусами красовались вязанки лука и чеснока. Посреди этого великолепия царила смуглая женщина в пестром тюрбане, из-под которого выбивались черные завитки, липшие ко лбу. Она напевала что-то себе под нос и месила тесто сильными руками. От щедро растопленной печки шел жар, а под столом сидела серая кошка. Завидев Джейн, она зашипела, показав острые молодые клыки.

Кухарка цыкнула на нее, а после подняла взгляд.

– Можно мне молока? – попросила Джейн.

Кивнув, кухарка открыла ледник, вынула оттуда запотевший бидон, плеснула молока в ковшик и, приоткрыв створку печи, поставила его на переливающиеся угли. Выждав с полминуты, вынула ковшик прихваткой, перелила молоко в глиняную кружку и поставила перед Джейн.

– Спасибо, – пробормотала она. – Ноирин, верно?

Женщина кивнула.

– Что желаете? – спросила она с певучим акцентом.

– Больше ничего, спасибо, – ответила Джейн, делая глоток.

Кошка запрыгнула на лавку с другого конца и принялась умываться, делая вид, что Джейн тут вовсе нет.

– Вы давно работаете у миссис Олдброк?

Ноирин кивнула, раскатывая тесто в плоскую лепешку.

– Обед был очень вкусным. Из чего вы делаете морс? Такой интересный вкус.

– Хозяйка говорит, я делаю, – проворчала женщина.

Допив молоко, Джейн поставила пустую кружку на стол.

– Почему вы работаете ночью?

Ноирин быстро глянула на нее темными глазами, подведенными сурьмой, посыпала тесто нарезанными травами и рубленым луком.

– Почему вы не спите? – ответила она вопросом на вопрос.

– Плохой сон, – пожала плечами Джейн.

Хотя сон был хорошим. Она помнила запахи цветов и звездный свет, заливающий холмы, свежесть ночной росы и быстрый бег – за кем-то или от кого-то...

Ноирин достала из ледника тушку кролика, положила его на разделочную доску и сняла с крюка топорик. Кошка перестала умываться и облизнулась, глядя на свежее мясо. Кухарка чикнула острием, бросила ей кусочек, и кошка, поймав его на лету, спрыгнула под стол со своей добычей.

– Плохие сны отсюда, – кухарка постучала указательным пальцем по голове. – Слушай здесь, – она прижала ладонь к груди.

Дверь, ведущая наружу, скрипнула, и на кухню, пригнувшись, вошел Томас, с улыбкой, сверкающей даже через спутанную бороду, и Джейн стало понятно, ради кого кухарка подвела глаза.

Почувствовав себя лишней, она быстро поднялась и ушла прочь.

Стоит ли подозревать слуг? Ноирин говорит с сильным акцентом, она бы не смогла написать те письма, а Томас вряд ли держал в своих руках что-нибудь тоньше черенка лопаты. Есть еще Марта, которая прибирается в доме и отчего-то злится на Джейн. Может, это она?

Вернувшись в свою комнату, Джейн забралась в постель, устроилась поудобнее, поджав колени к груди. Протянув руку, потрогала бусины на ловце снов в изголовье кровати.

Сон, в который она окунулась, был теплым, как молоко. Ей снились зеленые глаза и тонкая улыбка на красивых губах.

* * *

Ральф взял пачку писем из ящика стола и поднялся на второй этаж. Ему выделили две комнаты и кухню прямо над полицейским участком, что было очень удобно, но самым прекрасным приобретением оказалась секретарша, которая взяла над ним шефство и окружила заботой, точно любящая тетушка. На кухонном столе он обнаружил тарелку с пирогом, прикрытым промасленной бумагой, и записку: *«Заходила мисс Элизабет Блювенгейз. Очень сожалела, что не застала вас. Пирог с вишней. Не рекомендую»*. Рядом стояли еще одна тарелка с нарезанной ветчиной и сыром и чайничек, укутанный в полотенце.

Налив себе чай, Ральф устроился на стуле, вытянув ноги, и рассортировал письма по датам на почтовом штемпеле. И конверты, и бумага были совершенно обычными, чуть шероховатыми и серыми, такие продаются в любой канцелярской лавке. Чернила тоже без особенностей и ничем не пахнут.

Развернув первое письмо, Ральф принялся за чтение.

«...жизнь иногда делает странный поворот, но мы должны доверять ей. Нас разделяет океан, но вдруг, по какой-то прихоти судьбы, мы получили возможность узнать друг друга. Того, что я слышал о вас, мисс Уокер, хватило, чтобы проникнуться к вам искренней симпатией и интересом.

Наверное, мне стоит написать о себе...»

— Да, напиши же подробнее, — пробормотал Ральф, отламывая корку пирога. Тесто хрустело на зубах, но в целом оказалось вполне

съедобным. – Расскажи мне все.

«... однако, боюсь, я весьма зауряден.

Сегодня я гулял по окрестностям и наткнулся на старую дорогу, выстроенную еще римлянами, и, когда я шел по этим камням, белым, точно кости, я думал о том, что останется после меня. И по всему выходит, что ничего.

Меня не страшит скоротечность жизни. Но я боюсь успеть слишком мало. Боюсь не завершить того, что начал. Ведь тогда и после смерти мне не найти покоя».

Вишневая косточка хрустнула на зубах, и Ральф, охнув, схватился за челюсть. С досадой выплюнув косточку в тарелку, он потрогал языком зуб и выбросил весь пирог в мусорное ведро, задвинув его подальше под стол.

– Что ж ты такое начал, стервец, – пробормотал он.

Итак, первым письмом фальшивый Макс польстил девушке, нарисовал преграды, которые стоят между потенциальными возлюбленными, немного приоткрыл глубины своей души и показал ранимость, вызывая жалость и сочувствие.

Придвинув к себе тарелку с ветчиной и сыром, Ральф налил себе еще чая и, сделав глоток, достал второе письмо.

«Дорогая мисс Уокер, вы и представить себе не можете, какое счастье и волнение охватило меня, когда я получил ваше письмо».

– Сразу дорогая, – отметил Ральф. – Кует пока горячо, не теряется. Вы спрашиваете, чем я занимаюсь, – прочел он вслух. – Да, чем ты занимаешься, подлец? Обманываешь наивную девушку, а зонтиком получаю я.

«Я не хочу наскучить вам подробностями дел. Скажу лишь, что вполне обеспечен и ценные бумаги, в которые я вложился, приносят мне доход, позволяющий не волноваться о дне насущном. В том есть и радость, и печаль. Я не трачу время на скучный труд и могу думать, размышлять...»

– Ах ты бедняжка, – посочувствовал Ральф.

«... и осознавать, как в сущности я одинок. Конечно, я легко бы мог разделить все, чем владею, с одной из дам Вуденкерса, но не мое сердце».

– Тьфу, – с досадой плюнул он.

Дочитав письмо, он снова сложил его в конверт и, взяв последний ломтик сыра, задумчиво посмотрел на опустевшую тарелку. По всему выходило, что преступник грамотен, хитер и хорошо образован. Но зачем ему Джейн? Почему он привез ее к Олдброкам, а не к себе? Почему назвался погибшим Максимилианом?

Оставив письма, Ральф спустился в участок, вытащил из шкафа старую коробку и, быстро найдя папку с делом Максимилиана Олдброка, вернулся наверх.

– Может, разгадка кроется тут? – пробормотал он, развязывая веревочки. Узел не поддавался, Ральф потянул его зубами и вскоре перебирал пожелтевшие бумаги, исписанные уборым почерком предыдущего инспектора.

Он слышал об этом происшествии много раз. В основном в пабе «Пасть и корона». После двадцати лет оно обросло цветистыми подробностями и душераздирающими деталями, и Ральф был уверен, что все они – плод фантазии, подогретой яблочным сидром. Однако, читая свидетельства горожан, с удивлением понял, что не все из этого выдумка.

«Около пяти утра, но точно не позже шести, Черити Хокинс отправилась в хлев, чтобы проверить состояние коровы Озорницы, которая должна была вот-вот отелиться. Миссис Хокинс утверждает, что видела миссис Сильвию Олдброк на перекрестке, где расходятся дороги в Вуденкерс и Шелстоун. Миссис Олдброк была в рваном платье и с кровоточащими царапинами на лице, и вид у нее, по свидетельству Черити Хокинс, был как у умалишенной. Постояв на перекрестке, миссис Олдброк побежала в Вуденкерс, где ее видели на центральной улице, у рынка и церкви, к чему прилагаются свидетельства...»

Ральф слышал рассказы о том, как миссис Олдброк, уже тогда почтенная дама, рыскала по городу и глаза ее сверкали такой злобой, что матери прятали детей в домах и закрывали ставни. А мистер Румпик, попавшийся ей на пути, после этой встречи сразу пошел в паб и напился вусмерть, чтобы стереть воспоминание о глазах, полных ярости и отчаяния. Насколько Ральф знал, мистер Румпик стирал его почти каждый божий день, но безрезультатно.

Судачили о том, что все собаки города подняли лай, и этому Ральф тоже нашел подтверждение в бумагах. Мистер Гудвин, тогдашний мэр,

решил, что волк прячется в городе, и приказал спустить всех собак. Два кобеля, Рыжий и Молния, подрались на базарной площади, горожане, не будь дураками, сделали ставки, и те, кто поставил на Рыжего, в тот день немного разбогатели, но волка так и не нашли.

Ральф с любопытством глянул на подпись инспектора. Мистер Пампкин, похвальная скрупулезность. Он подшил к делу даже то, что осень в тот год выдалась ранняя и ветреная. Описание места преступления Ральф уже читал однажды из любопытства и теперь не нашел ничего нового. Ориентировочно четыре часа утра, рваные раны, смерть в результате нападения дикого зверя, предположительно волка. Рядом были найдены следы, мистер Пампкин зарисовал контур одного из них, и Ральф присвистнул. Если бы его укусил такой волк, то вряд ли бы он смог хвастаться шра-мами.

Ральф вернулся к письмам, адресованным мисс Уокер, и внимательно прочел их все. Злоумышленник, кем бы он ни был, отыгрывал роль обеспеченного одинокого мужчины, занятого в основном тоской по возлюбленной, что осветит своим появлением его жизнь.

«Моя драгоценная, единственная, необыкновенная Джейн. Я считаю дни до вашего прибытия. Я жду вас со всей страстью моего сердца. Я хочу посмотреть в ваши глаза и сказать самое главное. Скоро мы будем вместе. Навеки ваш, Максимилиан Олдброк».

Ральф едва сдержался, чтобы не смять письмо в кулаке. Он был полностью согласен с отправителем: мисс Уокер оказалась девушкой весьма необычной, однако в последних строках ему мерещилась угроза. *«Скоро мы будем вместе»*. Автор письма не мог не знать, что Максимилиан Олдброк сейчас в лучшем мире, и, обещая мисс Уокер скорую с ним встречу, он грозился ее убить?

Ральф плохо спал и проснулся, когда едва рассвело. Быстро собравшись, он вышел из дома и отправился на пробежку, изменив свой обычный маршрут. Махнув на перекрестке миссис Хокинс, той самой, что двадцать лет назад беспокоилась о тельной корове Озорнице, он повернул к поместью Олдброков, ускоряя бег. Лишь на холме, откуда открывался вид на старый дом, Ральф остановился и, согнувшись, уперся в колени. Тяжело дыша, сплюнул в густую траву. Белый шарф развевался под окном мисс Уокер, точно флаг. Все в порядке. Вытерев рукавом вспотевший лоб, Ральф трусцой побежал

назад к Вуденкерсу. Он найдет того, кто желает зла мисс Уокер, и жестоко его накажет. Как она и просила.

* * *

Еще до завтрака Джейн успела обругать себя тысячу раз. Ничего бы не случилось, посмотри она записи миссис Олдброк, ведь ею двигали не дурные намерения, а инстинкт самосохранения.

Сильвия казалась очень подозрительной. Она так явно не хотела, чтобы Джейн уезжала, так настойчиво пыталась настроить ее против мистера Рейнфорда. Зачем пожилой даме волноваться о случайной гостье? И почему все выглядит так, будто Джейн тут ждали?

Размешав сахар, она отпила чай, глядя в окно. Миссис Олдброк не спустилась к завтраку, и Ноирин, подавшая омлет, хрустящие лепешки с зеленью и творог с джемом, сказала, что хозяйка «вставать поздно».

Однако инспектор сказал, что это она нашла тело своего сына. На рассвете. Отчего же ей не спалось?

Позавтракав, Джейн вернулась в свою комнату, накинула теплый кардиган и, подумав, сунула пистолет в сумочку. Если тут на самом деле водятся волки, то лучше быть при оружии. Сбежав по лестнице, она толкнула тяжелые двери и вышла на веранду, жмурясь от солнечного света, ослепительно-яркого после сумрака дома с его окнами, занавешенными порттьерами. Бодро спустившись по ступенькам, Джейн сделала круг по саду, пройдясь между цветущих роз и поздоровавшись с Томасом, который ползал по газону, приминая выдернутую тростью траву.

На приветствие Джейн он лишь хмуро глянул в ее сторону и кивнул.

– Странно и непонятно, – пробормотала она себе под нос, сворачивая за угол дома.

Надо будет поинтересоваться у миссис Олдброк, что значит этот ритуал: отчего она портит свой собственный газон и почему садовник безропотно это терпит. Пройдясь вдоль стены, Джейн запрокинула голову и увидела белый шарф, развевающийся вверху, как знамя.

Окинув оценивающим взглядом каменную кладку, она уцепилась рукой за выступ, поставила носок туфли в выщерблину, подтянулась

выше, нашла выемку другой ногой и перенесла вес тела на нее, но туфля соскользнула, и Джейн повисла на стене, барахтаясь и пытаясь нащупать опору.

– Доброе утро, – прозвучал позади знакомый голос, и Джейн разжала пальцы.

Быстро повернувшись к миссис Олдброк, она одернула платье и заправила выбившиеся прядки волос за уши.

– Доброе утро, – смущенно ответила она. – Я просто подумала, легко ли взобраться по стене? Дом кажется довольно старым, и камни, из которых он сложен, не обтесаны.

– Думаю, это вполне возможно, – невозмутимо кивнула Сильвия, оглядывая стену. – Однако вам не стоит беспокоиться. Если вдруг какой-нибудь негодяй взберется к вам в окно, я с него три шкуры спущу, обещаю.

Джейн почувствовала, как краска прилила к щекам. Не хотелось бы так подставлять инспектора.

– А ваш белый флаг что-то значит?

– Я решила проветрить комнату и положила шарф, чтобы окно не захлопнулось.

– Хм, – миссис Олдброк разглядывала ее шарф, а Джейн с ужасом увидела отпечаток босой ступни мистера Рейнфорда прямо рядом с тростью Сильвии.

– Не хотите ли прогуляться, – предложила Джейн, радушно улыбаясь и делая шаг к яблоневому саду. – Сегодня чудесная погода.

Ей все так же не хотелось ходить куда-то с подозрительной миссис Олдброк, но надо срочно увести ее отсюда, пока она не увидела след. А у Джейн, в конце концов, пистолет в сумочке. Как-нибудь справится она со старушкой. Главное – не поворачиваться к ней спиной.

Миссис Олдброк склонила голову набок, словно пытаясь прочесть мысли Джейн.

– Я бы хотела посмотреть, что за чудесные ягоды придают такой чудесный вкус вашему морсу, – продолжила тараторить Джейн.

– Вчера вам не хотелось гулять, – напомнила Сильвия, и трость ее уперлась точно в середину следа. Черт бы побрал этого мистера Ррр с его ногами. Отпечаток был идеальным, как и он сам, никакого плоскостопия.

– По правде сказать, я чувствовала себя немного разбитой. Поездка была утомительной. Закрываю глаза – и меня снова будто укачивает волнами. Но сегодня я отлично выспалась. Мне снились эти холмы, представляете...

Брови Сильвии едва заметно вздернулись вверх, и она шагнула следом за Джейн.

– Я бежала по траве, – продолжила вдохновленная успехом Джейн. – Была ночь, но я видела каждую травинку. Пахло так оглушительно, как может быть только во сне. И... это странно, конечно, но у меня словно были четыре ноги.

– Лапы, – исправила ее Сильвия, неспешно шагая рядом.

Джейн кивнула. Да, это несомненно были лапы. Крепкие и сильные, способные нести ее без усталости всю ночь.

– Это забавно, – улыбнулась миссис Олдброк. – Джейн, я должна вам кое-что рассказать... Вы все равно об этом узнаете...

– Это вы отправляли те письма? – выпалила она, повернувшись к даме.

– Нет, – спокойно ответила Сильвия. – Не я.

– Простите, – пробормотала Джейн.

– Я понимаю ваши подозрения, – кивнула она. – Я хотела рассказать о другом. Сегодня, на собрании книжного клуба у мисс Блювенгейз эта тема наверняка всплывет, и я хотела бы, чтобы вы услышали это от меня. Мой сын Максимилиан погиб, – она тяжело вздохнула. – Его убили.

– Волки, – добавила Джейн.

Миссис Олдброк метнула на нее янтарный взгляд, но не стала ни подтверждать, ни опровергать ее слова.

– Для маленького городка вроде Вуденкерса это событие стало одним из самых запоминающихся. Мой сын был молод, красив и, что таить, богат. О его трагической смерти много судачили. И постепенно ее обстоятельства обросли выдумками и глупым враньем.

– Я должна была сразу сказать, как искренне соболезную вашей утрате, Сильвия, – горячо произнесла Джейн. – Я даже не могу представить, через что вам пришлось пройти.

Миссис Олдброк взяла ее под локоть.

– Каждый несет свой крест, – произнесла она, – раньше мне казалось, что мой – слишком тяжел. Но все мы что-то теряем, что-то

находим... Однако я не закончила. В городе говорят, что Максимилиан и сам был волком.

– Что? – Джейн рассмеялась, но осеклась. – Какие глупости!

– Ваша мама наверняка находила похожие предания у индейцев, – невозмутимо заметила Сильвия. – Человек-зверь, получающий силу своего тотема.

– Верно, – кивнула Джейн. – Но я не ожидала встретить похожие истории в Англии.

– Люди везде одинаковы, – пожала плечами Сильвия. – Многие не видят дальше своего носа.

Она отпустила локоть Джейн и пошла вперед по едва заметной тропинке. Но по ее словам выходило, что правы как раз те, что способны посмотреть вдаль?

– Подождите, Сильвия. – Джейн догнала ее и пошла рядом. – Простите мое любопытство, но почему вы портите газон перед домом?

– Кто вам сказал, что я его порчу? – улыбнулась она. – В конце концов, трава – она и есть трава, а Томасу не мешает напомнить, где его место.

Сильвия остановилась на вершине холма, и ветер растрепал ее седые волосы, хлестнул прядями по лицу.

– Тут очень красиво, правда?

Джейн молча кивнула, оглядывая открывшийся простор. Зеленая трава сменялась сиреневыми полосами вереска; роща, уже начавшая желтеть, протягивала к холмам ветки, шептала. Облака играли в догонялки, хватая друг друга за белые пенные пятки, а земля лениво подставляла солнцу зеленую спину, и хотелось лечь на траву и просто наслаждаться этим днем, никуда не торопясь.

– Кое-кто в Вуденкерсе считает, что здесь, за моим поместьем, начинается совсем другой мир, – сказала миссис Олдброк, и ее голос прозвучал без усмешки.

– С магией и оборотнями? – уточнила Джейн. – Вы верите в это?

Сильвия улыбнулась и повернулась к дому, который отсюда казался совсем небольшим.

– Боюсь, моих верований хватит на отдельную книгу. Разберитесь сначала с записями вашей матери, Джейн.

Миссис Олдброк повернула назад, и Джейн, слегка задетая ее ответом, нехотя последовала за ней, однако вскоре едва не уткнулась в

спину, укрытую все той же меховой накидкой. Сильвия подняла тяжелую трость и указала правее – на невысокий холм, подножие которого покрывали кусты, усеянные ягодами, красными, как капли крови.

– Это случилось там, – глухо сказала дама.

Остаток пути они проделали молча.

В поместье Джейн поднялась вверх и на самом деле поработала над рукописью, а когда она спустилась к обеду, ее ждал сюрприз.

– Я решила нарисовать вам карту Вуденкерса, – пояснила миссис Олдброк, размашистыми движениями карандаша перечеркивая лист пополам. – Всего две главные улицы: Центральная и Лунная. Посередине площадь Копья. Тут полицейский участок, как вы уже знаете; здесь фотоателье, где вы тоже наверняка побывали. Город поделен на четыре ломтя, точно пирог. В левом верхнем рынок, в конце Лунной улицы – церковь Святого Эдварда. А вот сюда вам лучше не соваться, район бедный, люди пьющие и вульгарно невоспитанные. Здесь, – она ткнула в нижний правый «ломоть» города, – паб. Там жутко воняет... Вам вот сюда. Третий дом от площади Копья вверх по Центральной улице. Я прикажу Томасу вас отвезти. Элизабет Блювенгейз милая девушка. Я хорошо знаю ее мать. Какое-то время даже думала, что именно она составит партию моему Максусу...

Миссис Олдброк усмехнулась, но Джейн смотрела на белый лист бумаги. Карта Вуденкерса получилась вполне понятной. Значимые объекты Сильвия подписала, а некоторые даже пометила дополнительными символами: крест обозначал церковь, яблоко – рынок, паб обзавелся пивной кружкой с пышной пеной наверху.

Почерк миссис Олдброк был мелким и округлым, точно бисер. Совсем не таким, как в тех письмах.

Глава 5

Книжный клуб

Элизабет не могла взять в толк, отчего в ее розовой гостиной сегодня было некуда яблоку упасть. Она даже сбегала на кухню, чтобы убедиться, что всем наверняка хватит медового печенья, рецепт которого она придумала сама. Слава богу, печенья было много и имбирного чая, так благотворно влияющего на пищеварение и цвет лица, тоже хватало.

– Я пригласила американку, – сообщила с порога миссис Пампкин, – от лица всех дам Вуденкерса.

– Вот оно что, – выдохнула Элизабет, пряча за приветливой улыбкой раздражение, царапнувшее сердце. А ведь она почти поверила, что небывалая популярность литературной гостиной – ее заслуга. – Надеюсь, она придет, и у нас будет шанс явить знаменитое английское радушие.

– Наверняка придет, – согласилась миссис Доуксон, которая пропустила обсуждение пяти кряду романов, а теперь вот явилась. – Если, конечно, не переломает ноги в своих вульгарных туфлях на каблуках. Миссис Хокинс сказала, они алее, чем капор мисс Элейн Шоу, что уехала в Лондон с кузеном Дарстена Кинзли.

– У нее ужасные волосы, – добавила Мередит Честерби, косясь в свое отражение в серебряном чайнике. Волосы Мередит были цвета выжженной солнцем соломы и такие же прямые. – Мало того что рыжие, так еще и кудрявятся. Наверняка с ними куча мороки.

– Может, она их специально завивает, – предположила одна из близняшек Холлс. То ли Мисси, то ли Сисси. Элизабет вечно их путала. Обе тощие и с такими вытаращенными глазами, что хотелось посоветовать им сливового джема.

Кэтрин Гоглстен, чьи каштановые локоны свисали по обе стороны лица, точно уши спаниеля, поспешила перевести тему подальше от кудрей:

– Говорят, вчера она пешком прошла через весь город. В штанах.

В розовой гостиной повисла мертвая тишина, а потом дамы заговорили все вместе, перебивая друг друга.

– Дамы! – воскликнула Элизабет, призывая всех к порядку. – Нам не следует набрасываться на нее, точно свора диких собак. Пусть эта девушка не знает, как следует одеваться в приличном обществе, возможно, Господь не наделил ее красотой, но мы должны явить христианское милосердие. У нее наверняка доброе сердце.

– Она явилась прямиком в полицейский участок, – невинно добавила Кэтрин, наливая себе чай. – И пробыла там не меньше получаса. А после они с инспектором вышли вместе и отправились куда-то вниз по улице.

Взгляды, в которых читалось жадное любопытство, устремились к Элизабет, и, кажется, в повисшей тишине все услышали, как скрипнули ее зубы.

– Он нес ее зонт, – нанесла еще один удар Кэтрин, добавляя три ложки сахара. Куда ей столько, с ее-то талией! – И поддерживал под руку. А один раз даже приобнял, чтобы уступить дорогу трубочисту. Да, тот был весь в саже, но, скорее всего, это лишь повод. Я вот не помню, чтобы наш мистер Ррр так трепетно заботился о моем наряде. Или о чем-либо еще...

В дверь постучали, и Элизабет, вздрогнув, пошла открывать, чувствуя себя так, будто ей в сердце всадили кол.

– Мы вас ждем, – широко улыбнулась она, распахнув дверь. – Рады приветствовать в Вуденкерсе. Я – Элизабет Блювенгейз.

– Джейн, – ответила гостя, входя в дом и осматриваясь, – Джейн Уокер.

Элизабет пришлось слегка задрать подбородок, чтобы посмотреть ей в наглые, лживые, отвратительно голубые глаза. Волосы у американки действительно были рыжие и кудрявые, но платье она сегодня надела весьма скромное, унылое и серое. Кого она, интересно, хочет им обмануть? Хитрая лиса, подлая разлучница, блудница!

– Добро пожаловать, Джейн, – елеинным голосом произнесла Элизабет. Хоть бы эта рыжая дылда расшибла себе нос о дверной косяк, хоть бы переломала все ноги по пути отсюда! – Уверена, мы станем настоящими подругами.

Сидя на розовом диванчике в розовой комнате с розовой чашкой в руках, Джейн поняла, что инспектор говорил правду – она явилась прямиком в змеиное гнездо. А мисс Блювенгейз, чей оскал напугал ее с самого порога, – королевская кобра.

– Оказаться совершенно одной, в чужой стране, никому не нужной, жалкой; ох, Джейн, мое сердце разрывается от горя и сочувствия, – сообщила она, прижимая белую ручку к высокой груди, обтянутой розовой блузкой.

– Ничего, я справляюсь, – ответила Джейн.

– Что же вас связывает с миссис Олдброк? – поинтересовалась миссис Доуксон – пожилая дама, от которой едва заметно пахло овцами.

Джейн бросила быстрый взгляд на миссис Пампкин, но та смотрела на нее с невинным любопытством. Похоже, инспектор не делится со своей секретаршей информацией. Тем лучше.

– Она наняла меня в качестве компаньонки, – соврала Джейн. В конце концов, Сильвия действительно сделала ей такое предложение.

– Неужели не смогла найти подходящую кандидатуру в Вуденкерсе, – удивилась Элизабет. – Не обижайтесь, Джейн, но вряд ли вы получили лучшее образование, чем любая из нас.

– Но никто из нас и не пошел бы к старой волчице, ведь так? – встряла Кэтрин – пухлая шатенка с блестящими локонами.

Миссис Доуксон шикнула на нее, но Кэтрин тряхнула головой, так что тщательно закрученные прядки, украшенные бантиками, взметнулись.

– Мы должны ее предупредить, это наш долг, – горячо добавила она.

– Ты права, – неожиданно поддержала ее Элизабет. – Джейн, дорогая, вам надо поскорее уехать из этого ужасного места.

– Вуденкерс кажется милым городком, – возразила Джейн, отпивая глоток чая и тут же возвращая чашку назад на столик. Ядреный вкус чая хотелось чем-то заесть, но тарелка с печеньем оставалась подозрительно полной, и Джейн решила, что лучше потерпеть, чем повторять эксперимент с угощением.

– Особенно милы некоторые его обитатели, – многозначительно произнесла Мередит, блондинка в зеленом платье, словно нарочно

контрастирующем с розовой обстановкой гостиной. Все вдруг посмотрели на Элизабет, и Джейн начала понимать.

Возможно, мисс Блювенгейз так хочет выставить ее из города, потому что боится, что Джейн составит конкуренцию ее пирожкам? Надо признать, сама Элизабет вполне привлекательна: миниатюрная, но при этом женственная фигура, чистая кожа, правильные черты лица. Чего только мистер Ррр ерепенится?

– Вы уже познакомились с нашим мистером Ррр? – прямо спросила Кэтрин. – Правда красавчик?

Джейн быстро облизнула губы, думая, как выкрутиться из этой ситуации. Говорить, почему она явилась в полицейский участок, не хотелось. А этот вопрос наверняка последует.

– Разумеется, мисс Уокер была в полицейском участке, – неожиданно пришла ей на помощь миссис Пампкин. – Как любая иностранка, она явилась пояснить цель визита и предполагаемую длительность пребывания.

– О, – выдохнула Элизабет. – И когда же вы собираетесь назад, Джейн?

– Надеюсь, мисс Уокер останется у нас навсегда, – радушно сказала миссис Пампкин. – Выйдет замуж, обзаведется детишками. В нашем городе хватает одиноких и достойных джентльменов.

– Расскажите нам о поместье Олдброков, – попросила Кэтрин. – Вы уже видели привидение Максимилиана Олдброка?

– Как она могла увидеть его привидение, если он жив, – фыркнула Сисси.

– Жив, – поддакнула Мисси. – Его смерть инсценировали. Это он убил какого-то несчастного, а после обезобразил его до неузнаваемости и сбежал. А теперь рыщет по лесам вокруг Вуденкерса.

– Зачем же он там рыщет? – заинтересовалась Джейн.

– Скрывается от правосудия, – в один голос объяснили близняшки.

– Нет, Максимилиан действительно умер, – возразила миссис Доуксон. – И теперь старуха хочет поднять его из мертвых. Единственный сын, наследник рода... Думаю, она принесет вас в жертву, Джейн, в каком-то темном ритуале. Вас ведь никто не хватится. Скажет – вы уехали назад.

– Она прольет вашу кровь над его гробом в семейном склепе, – свистящим шепотом произнесла Кэтрин. – Всю до капли. Чтобы демоны отпустили его душу и та нашла покой.

– Кэтрин, что ты несешь! – возмутилась миссис Пампкин. – Не слушайте ее, Джейн. Миссис Олдброк – почтенная дама и не станет...

– Говорят, она сама убила своего сына, – вздохнула Элизабет. – Не представляю, как вы спите под одной крышей с убийцей.

– Мисс Уокер, если вам понадобится переехать, у меня есть свободные комнаты прямо над полицейским участком, – тут же предложила миссис Пампкин. – Правда, две из них занял инспектор, и, возможно, это будет не очень удобно...

Мисс Блювенгейз поперхнулась чаем и закашлялась.

– Ты кладешь слишком много имбиря, Бетти, – сказала Мередит. – Твой чай пить невозможно.

– Зато он хорошо действует на мой кишечник, – сообщила миссис Доуксон. Она сделала большой глоток, поморщилась и тряхнула головой. – Я прямо чувствую эффект. Зря пропускала прошлые собрания клуба.

– Если вы только захотите, Джейн, я с радостью дам вам приют. Но миссис Олдброк не убивала своего сына, – сказала миссис Пампкин. – Она так горевала, чуть с ума не сошла.

– А может и сошла, – сказала Кэтрин. – Если бы в моем доме жило привидение, я бы точно двинулась. Подумайте над предложением миссис Пампкин, Джейн. Никто вас не осудит. Лучше уж подмочить себе репутацию, чем умереть.

– Как знать, – протянула в сторону Элизабет.

– Да, лучше вам переехать, – кивнули Сисси-Мисси. – Пока Максимилиан Олдброк не явился посреди ночи в вашу спальню. За эти годы, что ему пришлось скрываться в лесах, он наверняка одичал и превратился в настоящего зверя, движимого лишь животными инстинктами. – Две пары вытаращенных глаз заблестели. – Все понятно! Миссис Олдброк поэтому вас и пригласила! Ему нужна жена.

– Если он двадцать лет обходился без жены, то что вдруг изменилось? – возразила Джейн. Она уже едва улавливала суть разговора, теряясь в дебрях сплетен.

– Он был зверем от рождения, – подала голос Мередит, недовольно поправляя складки на зеленом платье. – Почему никто из

нас до сих пор этого не сказал? Максимилиан Олдброк был вервольфом.

– Ты ведь разумная девушка, – укорила ее миссис Пампкин.

– Поэтому говорю правду, – ответила Мередит. – Его убил какой-то охотник на нечисть. У Максимилиана Олдброка были клыки как у вепря и дикие глаза. Моя мама говорит, от одного его взгляда у нее волосы дыбом вставали.

– Максимилиан Олдброк был красивым мужчиной, – возразила миссис Пампкин. – Не таким, конечно, как...

– У меня есть его портрет, – перебила ее Элизабет, вскакивая с места. – Максимилиан Олдброк ухаживал за моей мамой какое-то время. Сейчас принесу. Попробуйте печенье, Джейн.

Она быстро ушла из гостиной, а Джейн потянулась к тарелке, но наткнулась на взгляд миссис Пампкин. Дама покачала головой, и Джейн убрала руку.

* * *

Ральф возвращался в Вуденкерс в самом скверном расположении духа. В почтовом отделении Шелстоуна он не узнал ровным счетом ничего. Расположенное в порту, оно пропускало через себя огромный поток корреспонденции, и никто из работников не вспомнил господина, забиравшего письма из Америки.

– У нас большая текучка кадров, – сообщила девушка, быстро штампуя письма одно за одним и глядя при этом только на Ральфа. – Моя предшественница проработала здесь два месяца, а девушка, что была до нее, – всего две недели. Я работаю месяц и уже получила два предложения руки и сердца. Правда, еще не сделала выбор, – она поощрительно улыбнулась Ральфу, а тот с досадой отправился искать кого-то, кто работал здесь не ради моряков.

Начальник почтового отделения с такими мешками под глазами, что письма было впору складывать прямо в них, взглянул на него устало и ответил, что корреспонденция вручается исключительно адресату. И получить письма до востребования мог только мистер Олдброк самолично, предъявив документ, подтверждающий его личность.

Значит, получателем был мужчина. Допустим, Томас, которому миссис Олдброк вручила старый паспорт Максимилиана. В нем перечислены антропометрические данные, но кто из этих девушек, увлеченных лишь желанием устроить судьбу, стал бы их досконально проверять. Пусть бы поскорее ввели новый образец паспорта, с обязательной фотографией. Это бы значительно ограничило возможности мошенничества.

Трясаясь в кебе по обратной дороге в Вуденкерс, Ральф понимал, что потратил время зря. Оставалось надеяться, что мисс Уокер провела день с большей пользой.

* * *

Элизабет была вне себя от ярости. В голове шумело и руки дрожали, будто она какой-то забулдыга из паба. Она открыла шкаф в комнате матери и, придвинув к нему стул, нашла портрет на верхней полке, куда отец, с его маленьким ростом, не мог заглянуть случайно.

Элизабет любила отца, но слегка снисходительной любовью. Он так просто поддавался ее капризам, терпел шалости, иногда очень злые, баловал и называл своей принцессой. Но куда больше Элизабет походила на мать. Ее портрет тоже был тут – в одной из половинок рамки. Элисон Блювенгейз, в девичестве Шервуд, взирала с портрета с надменной уверенностью, которая, если говорить честно, была весьма неуместной. Ведь Максимилиан Олдброк бросил ее.

Элизабет аккуратно рассоединила рамки, складывающиеся на манер книги. Мать не станет поднимать шум из-за портрета, хоть и обнаружит пропажу довольно скоро. Она доставала его на каждую годовщину смерти Максимилиана, и Элизабет, застав ее однажды с портретом в руках, с удивлением узнала, что Элисон Блювенгейз умеет плакать.

Но Чарльз Блювенгейз наверняка задастся вопросом, отчего его жена хранит портрет давнего поклонника. Придется ей поставить в этой истории точку. Отец этого заслуживает.

– Вот он, – возвестила Элизабет, вернувшись в розовую гостиную.

Все тут же сгрудились вокруг портрета, рассматривая изображенного на нем мужчину.

– Как видите, никаких клыков или волчьей шерсти, – добавила она снисходительно. – Джейн, передайте портрет миссис Олдброк. Моя мать давно собиралась это сделать, но все не находила подходящего случая.

– Странно, что она хранила его все это время, – заметила Кэтрин, наматывая темную прядь на пальчик, – первая любовь оказалась такой сильной...

– Это он любил ее, – возразила Элизабет. – А она отвергла его ухаживания.

– Разве? – искренне удивилась миссис Доуксон. – Я припоминаю, Максимилиан Олдброк вроде бы увлекся другой девушкой. Даже представил ее матери.

– Дела давно минувших дней, – отмахнулась Элизабет, едва сдерживая закипающую ярость.

– Похоже, это у вас семейное, – тихо произнесла Кэтрин, ласково похлопав ее по руке. – Выбирать не тех...

Все обсуждали Максимилиана Олдброка, строили предположения о его судьбе, но Элизабет больше не принимала участия в беседе, оглушенная этим коварным ударом давней подруги. Неужели она выбрала не того? Неужели она тоже, как мать, будет хранить изображение мужчины, отвергнувшего ее, и жалеть о несбывшемся? Фотография Ральфа Р. Рейнфорда, которую она тайком заказала в ателье за тройную цену, уже лежала в ее столе под стопкой писчей бумаги.

– Смеркается, – негостеприимно оповестила она, перебив Мисси или Сисси, которая, вытаращив глаза, рассказывала, что это Максимилиан Олдброк, одичавший в лесу, ворует овец на ферме.

– Да, засиделись мы сегодня, – согласилась миссис Пампкин, быстро глянув на Элизабет. – Спасибо за теплый прием, дорогая, все было чудесно.

– Хотя тебе надо найти другое хобби, – пробурчала Мередит, кладя недоеденное печенье на блюдце. – Пора признать, кулинария – не твое.

– В следующий раз соберемся у тебя, и ты продемонстрируешь, как надо принимать гостей, – вспыхнула Элизабет.

– Идет, – согласилась Мередит. – Можно устроить барбекю, пока тепло. Джейн, приходи обязательно.

Все суетливо засобирались и вскоре ушли, оставив Элизабет одну. Вернувшись в пустую и тихую гостиную, она взяла со стола томик романа. Книжка пестрила закладками, отмечающими моменты, которые Элизабет нашла наиболее интересными для обсуждения, но о романе никто и не вспомнил. Размахнувшись, она с силой швырнула книгу. Пролетев через всю комнату, она шмякнулась о розовую стену и упала на пол, а Элизабет, тяжело дыша, сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

Не бывать этому. Она не упустит свое счастье. Она пойдет на все ради того, чтобы однажды назвать себя миссис Рейнфорд, и рыжая американка сильно пожалеет, если встанет у нее на пути.

* * *

Слегка покачиваясь в экипаже, гремящем колесами по городской брусчатке, Джейн рассматривала портрет Максимилиана Олдброка, лежащий на ее коленях. Здесь он был постарше, чем на портрете над камином, и, пожалуй, красивее. Возможно, художник ему польстил, но черты лица словно обрели завершенность, и Джейн понимала, почему кто-то мог счесть мистера Олдброка вервольфом. Опасность – вот что приходило на ум, когда она смотрела в пронизательные темные глаза. Твердая линия челюсти, крупный нос с хищными ноздрями, густые прямые брови – Максимилиан Олдброк был красив. Но к такому мужчине она бы, пожалуй, побоялась ехать через океан.

Инспектор еще не вернулся в участок, и его секретарша попросила подбросить ее до миссис Хокинс, старой подруги, что держит ферму у перекрестка. Джейн с радостью согласилась оказать ей эту любезность, тем более что ей нравилась компания маленькой пожилой дамы. Миссис Пампкин, сидящая рядом в экипаже, всем своим видом излучала спокойную радость и умиротворение, с таким любопытством глаза на проплывающие мимо дома Вуденкерса, словно это она, а не Джейн, приехала сюда из другой страны.

А вот Томас, сидя на козлах, проявлял такое недовольство, что казалось, недовольна даже его спина, обтянутая черным сюртуком, и злится взъерошенный затылок, и огромные руки сжимают поводья с едва сдерживаемым гневом.

На прогулке миссис Олдброк сказала, что специально портит газон, чтобы напомнить Томасу, где его место. Но отчего ему приходится это напоминать?

– Вы не знаете, Томас давно служит у миссис Олдброк? – шепотом спросила Джейн.

– Давным-давно, – тихо ответила миссис Пампкин, – сколько я себя помню. Он родился в поместье, и потом перенял должность своего отца.

– А вы, выходит, тоже родились в Вуденкерсе?

– Так и есть, – подтвердила миссис Пампкин. – Поглядите-ка, Шарлотта проводит волчий ритуал.

Полнотелая блондинка тщательно обмазывала грязью дверной косяк кирпичного дома, но вскоре исчезла из виду.

Значит, миссис Пампкин – местная. Однако она единственная не высказала версии о судьбе Максимилиана Олдброка. Хотя у Джейн и так голова пухла от информации, полученной на собрании книжного клуба Вуденкерса: призрак, вервольф, сбежавший убийца и погибший от рук собственной матери – слишком много для одного человека.

– Джейн, я должна вам кое в чем признаться, – сообщила миссис Пампкин, выдернув Джейн из задумчивости. – Я прочитала те письма.

Джейн не сразу поняла, о чем она говорит, но потом едва не задохнулась от возмущения.

– Да, это было бестактно с моей стороны, – быстро согласилась миссис Пампкин, – но я руководствовалась не праздным любопытством, а желанием помочь. Мой муж, покойный мистер Пампкин, работал инспектором Вуденкерса почти сорок лет, а я была его правой рукой и могу без ложной скромности сказать, что часть его успехов – моя заслуга.

– Вот как, – буркнула Джейн, все еще злясь.

– И я подслушала часть вашего разговора с мистером Ррр.

– Который так опрометчиво не закрывает кабинет, уходя, – раздраженно добавила Джейн.

– Справедливости ради, он его закрыл, – сказала миссис Пампкин. – Но у меня есть запасные ключи от всех дверей участка.

Она вдруг залихватски свистнула, и Томас, сидящий на козлах, обернулся.

– Мы пройдемся до перекрестка пешком, – сообщила ему миссис Пампкин и, когда он натянул поводья, ловко спрыгнула на дорогу.

Томас, раздув ноздри, дождался, пока Джейн выйдет из экипажа, а после слегка понукнул лошадь – черную и громадную, как и садовник.

– У вас есть предположения, кто мог отправлять эти письма? – прямо спросила Джейн.

– Миссис Олдброк, – ответила миссис Пампкин. – Эта версия первой приходит на ум.

– Нет, – покачала головой Джейн, вынимая из сумочки сложенный вчетверо лист бумаги.

Миссис Пампкин бросила быстрый взгляд в нутро ее сумочки и приподняла брови.

– Разумная предосторожность, – сказала она, указав на рукоять пистолета. – Вы умеете им пользоваться?

– Вполне, – ответила Джейн, кладя заодно в сумочку портрет Максимилиана. – Поглядите, совсем другой почерк.

Она развернула карту Вуденкерса, нарисованную для нее Сильвией, и миссис Пампкин внимательнейшим образом ее рассмотрела, только что не попробовав бумагу на зуб.

– Действительно, другой почерк. Хотя его можно подделать. Или ей кто-нибудь помогает. В любом случае я уверена, что преступник скоро проявит себя, – вздохнула миссис Пампкин, беря Джейн под руку, как закадычная подруга, и идя вперед по дороге.

Брусчатка закончилась, и теперь они шагали по грунтовке, слегка влажной от недавнего дождя.

– А что вы думаете о Максимилиане Олдброке? – спросила Джейн. – Я такого наслушалась на этом собрании... Хотелось бы узнать мнение человека, который мыслит более рационально.

Миссис Пампкин вздохнула, не спеша отвечать.

– Как я уже говорила, я родилась в Вуденкерсе, – задумчиво произнесла она, глядя вслед экипажу, обогнавшему их на сотню ярдов, не меньше. – И жизнь здесь научила меня, что есть нечто такое, что рациональный человек вроде мистера Ррр сразу отбросит как невероятное и немыслимое.

– Поэтому вы и решили вмешаться? Чтобы инспектор не пропустил версию с призраком, который строчит письма, чтобы заманить в свои сети американку?

– Вы мне нравитесь, Джейн, – призналась миссис Пампкин. – Вы напоминаете меня в молодости. Я была такой же рыжей, пока седина не забрала яркость моих волос, и, пожалуй, такой же смелой. Конечно, я не пересекла океан, но я работала вместе с мужем, в полицейском участке. И, поверьте, во времена моей молодости это вызывало не меньше пересудов. К тому же я рада, что наш мистер Ррр так взбодрился с вашим появлением, а то сил не было смотреть на унылую скуку на его симпатичном лице. Я даже думаю бить его зонтиком раз в месяц для профилактики.

Джейн хихикнула, представив миниатюрную миссис Пампкин, гонящуюся с зонтом за инспектором.

– Однако должна предупредить вас, что вы успели обзавестись не только друзьями, но и врагами, – продолжила миссис Пампкин, вмиг став серьезной. – Похоже, Элизабет Блювенгейз не простит вам интереса инспектора.

– Мы с ним общаемся исключительно по работе, – возмутилась Джейн. – Я не делала ничего, чтобы привлечь его внимание.

– Тем обиднее для нее, – пожалала плечами миссис Пампкин. – Будьте начеку.

Томас ждал их у перекрестка, и черный конь недовольно фыркал, косясь в сторону рощи.

– Что до вервольфов, то этой версии есть простое объяснение, – сказала миссис Пампкин, останавливаясь у экипажа. – Поглядите на семейный герб Олдброков.

Джейн уставилась на дверь экипажа, где виднелись вытертые линии, но они никак не хотели складываться в общую картину.

– Вот морда, – провела миссис Пампкин пальцем по рисунку, – вот острые уши, вот зубы. Волчья голова, насаженная на копье. Олдброки ведут свой род от того самого Эдварда, который поразил чудовище. Однако со временем это забылось, и осталась лишь ассоциация: Олдброк – волк.

Джейн понятиливо кивнула, чувствуя странное облегчение.

– Что ж, всего доброго, Джейн, – сказала миссис Пампкин, толкая калитку, и в небольшом домике в глубине двора гостеприимно распахнулась дверь. – Еще увидимся. Берегите ее, Томас.

Слуга ничего не ответил, лишь дождался, пока Джейн снова сядет в экипаж, и подхлестнул коня. Подпрыгивая на ухабах неровной

дороги, Джейн крепко сжимала в руках сумочку, в которой теперь помимо пистолета лежал портрет Максимилиана, думая о том, что отдаст его Сильвии при первой же возможности. Он беспокоил ее, этот мужчина с хищным лицом, и отчего-то не верилось, что он не справился бы с обычным волком.

Взбежав по ступенькам в дом, Джейн направилась в гостиную, где горел огонь, и открыла сумочку, чтобы сразу расстаться с портретом, однако миссис Олдброк была не одна.

– Джейн, дорогая, у нас гости, – возвестила Сильвия, сияя улыбкой. – Позволь представить тебе мистера Грэгори Эдверсона. Он мэр Вуденкерса и мой давний друг.

С кресла поднялся высокий статный мужчина с седой гривой волос и, шагнув к Джейн, склонился к ее руке.

– Очарован, мисс Уокер, – пророкотал он, и поцелуй, так не похожий на официальное приветствие, обжег ее кожу.

Глава 6

Ужин

– Мисс Уокер заходила? – спросил Ральф, едва открыв дверь участка.

– И вам добрый вечер, мистер Ррр, – поприветствовала его миссис Пампкин, откладывая в сторону вязание.

– Я уже сто раз просил не называть меня так, – поморщился он.

– А я просила объясниться наконец с мисс Блювенгейз; и что, вы послушали меня? – парировала она.

– При чем тут это?

– При том, что вы зря даете ей надежду, – проворчала миссис Пампкин, пригрозив вязальной спицей, так что Ральф на всякий случай попятился.

– Я не проявляю никакой заинтересованности вот уже третий год, разве этого не достаточно, чтобы понять, что я не испытываю к ней нежных чувств?

– Конечно, нет! – воскликнула секретарша, всплеснув руками, и даже ее рыжеватые булки, побитые сединой, подпрыгнули от возмущения. – Можно найти тысячи причин тому, что вы столь вопиюще безынициативны, и той простой причины, что девушка вам не нравится, среди них не будет. Возможно, вы не имеете опыта в делах сердечных и попросту стесняетесь, или робеете в ее присутствии от восхищения, или считаете, что недостойны такой совершенной во всех отношениях красотишки...

– Какой ужас, – вздохнул Ральф. – К слову, у меня есть опыт в сердечных делах.

– Не сомневаюсь, – проворчала миссис Пампкин, успокаиваясь и возвращаясь к вязанию. – А мисс Уокер отправилась в поместье Олдброков. У нее все хорошо. Она не отравилась имбирным чаем и с печеньем тоже была осторожна.

– Прекрасно.

– Вы выяснили что-нибудь об отправителе писем? Бьюсь об заклад, что нет. Уж слишком складно он пишет, чтобы попасться так легко.

– Вы их читали... – ахнул он. – Я вас уволю!

– Да прям-таки, – отмахнулась миссис Пампкин, считая петли. Вязаное нечто было зеленым и с белым орнаментом. – Кто еще запечет вам утку с картофелем в холодный вечер? Кто заварит душистый чай?

– Утку? – переспросил он.

– С брусничным соусом и розмарином. Ждет на столе в вашей кухне. Хрустящая корочка, а мясо просто тает во рту. Так что с отправителем?

– Пусто. Никаких следов. Письма забирал мужчина, у него был документ на имя Максимилиана Олдброка.

– Уже что-то, – кивнула женщина. Ральф нетерпеливо переступил с ноги на ногу, и она предложила: – Поднимемся наверх? Вы будете ужинать, а я расскажу свои предположения.

Он с радостью кивнул и, перепрыгивая ступеньки, вскоре оказался на кухне. Развернув полотенца, укутывающие блюдо, приподнял крышку и с наслаждением втянул запах.

– Я бы лучше женился на вас, – искренне выдохнул он.

Миссис Пампкин игриво шлепнула его по плечу и устроилась на табуретке около серванта.

– Я специально пригласила Джейн на собрание клуба, чтобы понаблюдать за остальными участницами, – призналась она, с умилением глядя, как он уплетает ужин.

– Думаете, это кто-то из дам Вуденкерса?

– Почему бы и нет. Я предполагала, что это дело рук Кэтрин.

– Кэтрин? – промычал Ральф с набитым ртом. – Такая пухленькая милашка с бантиками?

– Подколотная змея, – кивнула миссис Пампкин. – Ох, как она измывалась над бедняжкой Элизабет сегодня...

– Они ведь лучшие подруги.

– Вроде того, – не стала спорить женщина. – Отчего бы не пригласить в Вуденкерс яркую привлекательную девушку, не подсунуть ей фотографию инспектора и тем самым устроить их неизбежную встречу...

– Зачем? – удивился Ральф.

– Чтобы насолить лучшей подруге, конечно. Которая богаче, популярнее и, главное, красивее.

– Откуда она могла знать, что мисс Уокер такая... Ну, вы ее сами видели.

– Отец Кэтрин занимается торговлей. Может, какие-то связи в Америке... Кто из нас инспектор, в конце концов?

Ральф задумался, жуя мясо. Готовила секретарша прекрасно, и он уже простил ей и чрезмерное любопытство, и игнорирование личных границ. К тому же он давно понял, что за внешностью безобидного одуванчика скрывается острый ум и наблюдательность. Миссис Пампкин и сама могла бы стать полицейским, если бы, конечно, не верила так наивно в боггартов, фейри и прочую ерунду и не родилась женщиной.

– Да, сложно. Да, запутанно, – покивала она, как бы заранее соглашаясь с его возражениями. – Но почему бы и нет? Кэтрин предпочитает детективы любовным романам, у нее изворотливый ум, а здесь, в Вуденкерсе, ей совершенно нечем заняться. Вам повезло, кстати, что Кэтрин по какой-то причине не положила на вас глаз. Уверена, она бы действовала куда хитрее, чем мисс Блювенгейз с ее пирожками. Больно признавать, но, кажется, вы ей не нравитесь.

– Я переживу.

– К тому же в этой версии мне нравится одна деталь.

– Какая же?

– Ваше фото. Подумайте сами. Зачем преступнику использовать именно вашу фотографию? Вы – инспектор полиции. Это дополнительный риск. Да, вы хороши собой...

– Благодарю.

– ...но далеко не единственный привлекательный мужчина в Англии. Да и так ли важна внешность? Джейн бы приехала, если бы мужчина на фото был просто приятным на вид. Ведь письма, что она получала, были такими проникновенными, личными.

– Мне приятнее думать, что мое фото стало решающим фактором.

Миссис Пампкин фыркнула и покачала головой.

– Письма. В них вся соль. Кстати, я не пересолила?

– Все чудесно. И утка, и картофель, и вы, дорогая миссис Пампкин, восхитительны.

– Думаю, эти письма сочиняла женщина. Мало какой мужчина способен так тонко чувствовать женскую душу.

Ральф закатил глаза и промолчал.

– Ваше фото было отправлено специально, – упрямо заявила она. – Кто-то хотел свести вас с мисс Уокер. Можно было бы решить, что преступник проигнорировал дополнительную вероятность разоблачения, но в таком случае он попросту глуп. А письма писал не глупец.

– Есть еще один вариант, – сказал Ральф. – Мое фото взял тот, кто знал, что я инспектор полиции, и вполне понимал, что привлечет мое внимание. И при этом он не дурак. Что это значит, как вы считаете?

– Что?

– Что однажды он уже ушел от полиции. Совершил преступление и остался безнаказанным. Он находит извращенное удовольствие в том, чтобы водить полицию за нос. Ему нравится чувствовать свое превосходство. Я видел таких, когда работал в Лондоне.

Миссис Пампкин помрачнела и задумалась.

– И это возвращает нас еще к одной детали, – продолжил Ральф, накалывая золотистый ломтик картофеля на вилку. – Максимилиан Олдброк. Почему он? Не потому ли, что письма писал его убийца, которому удалось выйти сухим из воды?

– Его загрыз волк, – сказала миссис Пампкин, но без привычной уверенности в голосе.

– Я просмотрел материалы его дела, и кое-что показалось мне странным. Вскрытия не было. Осмотр повреждений поверхностный. Почему?

– Я не знаю... – растерянно ответила она.

– Все это беспокоит меня, – признался Ральф, с сожалением глядя на опустевшую тарелку. Миссис Пампкин поднялась и налила ему чай, и он обхватил большую кружку ладонями. – Если я правильно оценил его характер, преступник не остановится. И в таком случае мисс Уокер в большой опасности.

* * *

– Вы так редко навещали меня, милый Грэг, что я почти обиделась, – кокетливо произнесла миссис Олдброк. – Но теперь у вас появился веский повод заезжать ко мне почаще.

Она бросила многозначительный взгляд на Джейн, а после подмигнула мужчине. Кажется, хозяйке дома было весело. Мэр тоже сиял белозубой улыбкой и сыпал любезностями, и только Джейн было не по себе.

Она сто раз пожалела о том, что послушалась миссис Олдброк и переделалась к ужину. Шелковое синее платье теперь казалось ей слишком открытым, особенно когда взгляд мэра медленно скользил по ее шее, чтобы быстро нырнуть в декольте. А ей вовсе не хотелось привлекать внимание мистера Эдверсона, которого Сильвия звала «милым Грэггом».

Чуть раскосые серые глаза, красивые губы, ямочка на подбородке – несмотря на то что мэр годился ей в отцы, Джейн не могла не признать, что он вполне привлекательный мужчина. Если бы оборотни действительно существовали, Грэгори Эдверсон превращался бы в большого валяжного кота, который, тем не менее, может выпустить острые когти.

А еще обрывки фраз, услышанные, когда она, переодевшись, спускалась по лестнице, не давали покоя:

- Уверены, что она не знает?
- Да, но скоро...
- ...опасно...
- ...время волков...

Сильвия и мэр быстро перевели тему, заслышав ее шаги, и, когда Джейн вошла в гостиную, уже обсуждали погоду.

– Вместе с вами, дорогая Джейн, у нас словно задержалось лето, – сказала миссис Олдброк. – Такие теплые дни стоят, да и ночи хороши...

– Мисс Уокер сама словно солнышко, – улыбнулся мэр, сидя в кресле у камина.

Огонь отражался в его серебряных пуговицах и блестящих ботинках, но серые глаза оставались холодными.

– Я подумываю, не отправить ли вас, Джейн, на бал дебютанток в Лондоне, – сообщила миссис Олдброк. – Самое время устроить вашу судьбу.

– Уверен, мисс Уокер произвела бы фурор, – кивнул Грэгори, а его взгляд снова скользнул по ее шее, задержавшись в вырезе платья. – Однако зачем ехать в Лондон, если и здесь, в Вуденкерсе, можно

составить хорошую партию... К тому же этот город обладает особой магией. Из него не так-то просто выбраться.

– А ведь вы пытались, милый Грэг, – подтвердила Сильвия. – Сначала обучение в Оксфорде, потом ваш краткосрочный брак, который, увы, распался...

– Я не был готов к женитьбе, – признался он, рассматривая свои безупречно отполированные ногти.

– Но теперь-то вы наверняка созрели, – усмехнулась она. – А у Джейн как раз сорвалась свадьба, если можно так сказать...

– Я знаю о письмах, – сообщил мэр, мрачно глянув на портрет над камином. – Какая глупая и жестокая шутка.

– Я рассказала Грэгу, как ты здесь оказалась, дорогая, – добавила Сильвия. – Ему можно доверять.

– Неужели, – сухо сказала Джейн.

То миссис Пампкин, то теперь мэр. Такими темпами письма поддельного Максимилиана скоро будут читать в книжном клубе.

– Мы дружили с Максом, – вздохнул мистер Эдверсон, прижимая руку к груди. – И я до сих пор чувствую боль от его утраты.

– Сочувствую, – сказала Джейн.

– Он всегда с нами, – строго произнесла миссис Олдброк, а за окном вдруг волком взвыл ветер. – В наших сердцах, – добавила она. – Пройдемте в столовую. Ноирин приготовила нечто особенное. Я чую дивный аромат.

Грэгори под руку с Сильвией отправились в столовую, а Джейн поплелась следом. Слова миссис Олдброк о том, что Максимилиан «с нами», прозвучали несколько пугающе, особенно после версий, высказанных в книжном клубе.

– А тут ничего не изменилось, – удивился мэр. – Хотя я успел отвыкнуть от индийского колорита вашей столовой.

– Я все думала сделать ремонт и сменить эти павлиньи перья на что-нибудь более английское, вроде роз, но никак не соберусь, – ответила миссис Олдброк, садясь в голове стола. – А ведь обои, страшно сказать, выбирал еще мой муж. Он любил все экзотическое. Надеюсь, последние годы жизни, которые он провел в Индии, были счастливыми.

– Он там работал? – поинтересовалась Джейн, садясь на стул, любезно отодвинутый для нее мистером Эдверсоном. – Или просто

путешествовал?

– Он туда от меня сбежал, – лукаво улыбнулась Сильвия. – Грэг, милый, налей нам вина.

Мужчина с готовностью разлил вино по бокалам, хотя сегодня за столом прислуживала девушка, которую Джейн уже видела в день приезда, и сел напротив.

– Марта, принеси еще морс, – попросила хозяйка. – Я так давно не пила, что, боюсь, как бы мне не опьянеть. Тост! За вас, сидящих за этим столом. Пусть ткачихи судеб будут к вам благосклонны.

Она пригубила вино и, поставив бокал, вонзила вилку в мясо.

Вино оказалось терпким и вкусным, и Джейн незаметно для себя выпила полбокала.

– За вас, прекрасная Сильвия, за хозяйку холмов, – произнес мистер Эдверсон и осушил бокал до дна.

Ужин проходил в благодушной атмосфере, но сын Сильвии словно и вправду незримо был с ними. Ветер гулял по вентиляционным шахтам старого дома, вздыхая, точно привидение, а снаружи мерещились тени, как будто Максимилиан Олдброк бродил там, заглядывая в окна... Джейн поежилась и вдруг ощутила тепло, обнявшее ее плечи.

– Так лучше, дорогая? – спросила Сильвия, заботливо укрывая ее своей накидкой.

Джейн кивнула, кутаясь в серую шерсть.

– Ужин бесподобен, – похвалил мистер Эдверсон. – За это каре ягненка можно душу продать. Я подумываю переманить вашу кухарку.

– Вы же знаете, Ноирин меня не оставит. Марта, десерт, – взмахнула она рукой, и служанка, стоящая у стены, тут же принялась убирать тарелки.

Джейн исподволь рассматривала ее: темные волосы, кроличьи зубки, круги под глазами, как будто она плохо спит по ночам. Она точно не видела Марту до приезда в поместье, так может, тот взгляд, полный непонятных эмоций, ей померещился. Тем более сейчас служанка вовсе избегала на нее смотреть.

– Еще вина? – предложил мистер Эдверсон, вновь наполняя ее бокал.

– Спускаясь к ужину, я случайно услышала, что вы говорили о волчьем времени, – сказала Джейн. – Что это?

– Местные легенды, – ответил он. – Якобы в это время просыпается чудовище.

– Волк?

– Волк, – подтвердил он.

– И что же ему нужно? – спросила Джейн. От накидки миссис Олдброк она согрелась и словно почувствовала себя увереннее. А может, от вина, пахнущего ягодами зеленых холмов...

– Откуда мне знать, – усмехнулся он. – Если бы чудовищем был я, то, пожалуй, украл бы самую красивую девушку... Вы были бы в опасности, Джейн. Можно я буду звать вас по имени?

– Чудовища не просыпаются, – пробормотала миссис Олдброк, незряче глядя куда-то в окно. – Потому что они никогда не спят.

Марта принесла блюда с крохотными пирожными, украшенными сливками и джемом, расставила десертные тарелки и принялась раскладывать приборы.

– Однако легенды часто имеют в своей основе какое-то реальное событие, – сказала Джейн. – Волчье время... Это как-то связано с тем самым волком, которого убил ваш давний предок?

Крохотные вилочки выпали из рук Марты и рассыпались по полу с отчаянным звоном.

– Принеси новые, – приказала Сильвия, – и впредь не будь такой неуклюжей.

– Да, мэм, – прошептала та и, быстро собрав вилки, убежала на кухню.

– Откуда вы знаете про Эдварда Олдброка? – поинтересовалась миссис Олдброк.

– В книжном клубе сказали.

– Кто? – пытливо спросила она, и ее глаза сверкнули.

Сильвия злилась! Она пыталась выглядеть спокойно, но эмоции так легко читались на ее выразительном лице.

– Не помню, – пожав плечами, соврала Джейн и поправила сползающую с плеч накидку.

Подставлять безобидную миссис Пампкин под гнев «старой волчицы», как называли миссис Олдброк, ей не хотелось.

– Это было так давно, – сказал мэр, – Эдвард Олдброк убил большого волка, держащего город в страхе. Волков часто убивают. Вот

хоть новый инспектор. Подстрелил какого-то беднягу, что крал овец миссис Доуксон.

– Кстати, инспектор, кажется, заинтересовался нашей Джейн, – подхватила Сильвия, явно радуясь возможности перевести тему.

– Вот как, – усмехнулся мэр. – Я только решил приударить за вами, и у меня уже есть соперник. Тем интереснее.

– Зачем я вам? – прямо спросила Джейн, и мэр вздернул брови, а миссис Олдброк оторвалась от стакана с морсом. – Почему вы, Сильвия, так охотно приютили меня? Почему вы, мистер Эдверсон, увидев меня впервые, проявляете такой явный интерес. Многие дамы Вуденкерса наверняка были бы рады осчастливить вас собой. Вы ведь мэр города, – она обвела его вновь опустевшим бокалом, – и видный мужчина.

– Мне приятно, что вы так считаете, Джейн, – улыбнулся он.

– И я не давала вам разрешения звать меня по имени, – недовольно заметила она. – Так почему? Я ведь совершенно обычная!

– Вы ошибаетесь, дорогая, – мягко возразила миссис Олдброк. – Вы совершенно особенная.

– Полностью с вами согласен, Сильвия. Вина, Джейн? – спросил мэр, выделив интонацией ее имя, и, не дожидаясь ответа, налил еще.

* * *

После ужина мистер Эдверсон откланялся, клятвенно заверив Сильвию, что станет заезжать почаще. Джейн куталась в меховую накидку, пряча в нее руки, так что лобызать ее Грэгори не стал, но так хитро ухмыльнулся, будто разгадал этот маневр. Потом миссис Олдброк, сославшись на усталость, поднялась к себе, хотя выглядела она вполне бодрой и оживленной: непривычный румянец окрасил ее щеки и глаза ярко блестели.

Джейн тоже вернулась в спальню. Распахнув окно, подставила лицо ночной прохладе. Сегодня она не получила ни одного ответа, а вопросов стало еще больше.

Молодой месяц высовывал рожки из облаков, ночная птица тихо ухала вдали. И запахи... Джейн закрыла глаза, вдыхая полной грудью, а сердце ее забилося чаще, словно подгоняя – туда, к зеленым холмам с

бархатной травой, к замшелым камням, еще теплым от солнца, к лиловому вереску, что пахнет медом.

Лучше бы уехать отсюда.

Мысль эта была столь очевидной, что Джейн и сама удивилась, почему она еще не шагает по садовой дорожке, волоча за собой чемодан. Но что потом? Она не боялась работы, но возьмут ли в приличный дом американку без рекомендательных писем? И что делать с маминой рукописью? Нужно ее закончить, тогда общество этнографии выплатит оставшуюся сумму. Хотя Джейн толком не знала, сколько. Договор она так и не нашла. Да и дело было не в деньгах. Ей хотелось увидеть, что мамины труды были не напрасны. Видит бог, мама так старалась вникнуть в индейские обычаи и обряды, словно от этого зависела ее жизнь.

Закрыв окно, так что конец белого шарфа остался снаружи, Джейн повернулась к столу. Может, в этом все дело? Кто-то, увлеченный легендами Вуденкерса, заманил ее сюда вместе с рукописью, чтобы узнать и тайны индейцев? Но это неразумно. Во-первых, нет никаких тайн и она с радостью рассказала бы все сама. А во-вторых, можно немного подождать и купить книгу. Это куда дешевле, чем билет на пароход, и проще, чем сочинять письма от имени погибшего мистера Олдброка.

Вспомнив о портрете Максимилиана, Джейн вынула его из сумочки. Очертила пальцем линию скулы, провела по твердому подбородку.

– Кто ты? – прошептала она, подойдя ближе к окну, чтобы лучше рассмотреть черты мужчины. – Вервольф? Убийца? Жертва?

Ветер снова вздохнул где-то под крышей, и Джейн, вздрогнув, оторвала взгляд от портрета, чтобы заметить быструю тень, мелькнувшую в холмах. Она стремительно прижалась к стеклу, вглядываясь во тьму, но луна вместе со звездами, как назло, спряталась в облака, затянувшие небо беспроглядной дымкой. Показалось? Или это Максимилиан Олдброк рыщет по холмам в поисках жены? Нервно хихикнув, Джейн поставила его портрет на стол и легла в постель, однако сон не шел. Ей мерещились стоны призрака в завываниях ветра, а старый сад под окном шумел, и в его шорохе слышались легкие шаги. Ветка царапнула стену – или это когти вервольфа

заскрежетали о камни и сейчас он толкнет оконную створку и запрыгнет в спальню?

Джейн отвернулась от окна и, протянув руку, погладила бусины на ловце снов. У нее слишком живое воображение – так говорила мама. Но даже миссис Пампкин, вполне приземленная дама, верит, что в Вуденкерсе есть нечто особенное. А даже если нет, то где-то рядом ходит человек, который завлек Джейн в поместье Олдброков, и она до сих пор не понимает – зачем.

Она впала в забытие, где все сплелось в один узор, точно нити на ловце снов: мистер Эвдерсон, глядящий на нее, точно кот на сметану, миссис Олдброк в траурном платье, вороной конь, фыркающий в сторону рощи, будто чуя опасность. Джейн бежала от кого-то, платье путалось в ногах, а ветки хлестали ее по лицу, рвали волосы...

Ночь вдруг прорезал волчий вой, и Джейн, вскрикнув, села в кровати, прижав руку к груди. Сердце ее билось как бешеное, а сорочка прилипла к телу. Вой ей тоже приснился? Она потрогала щеки – ее лицо горело, а ладони казались ледяными. Ей не хватало воздуха, и Джейн, откинув одеяло, попыталась встать, чтобы открыть окно, но ее ноги подкосились, и она рухнула на пол, больно ударив колени.

Ее отравили – вот что произошло. Милый Грэг добавил что-то в вино, которое так любезно ей подливал. Или миссис Олдброк приказала кухарке сделать джем из волчьих ягод.

Джейн, сглотнув вязкую слюну, поползла к окну, цепляясь дрожащими пальцами за покрытые лаком доски. Ее колотило, и сердце то замедлялось, то снова пускалось вскачь. Как глупо. Она должна была уехать отсюда, лишь только узнав, что Максимилиан мертв. Она вовсе не должна была сюда приезжать. Но ей так хотелось обрести свою семью и не чувствовать себя одинокой.

Ее пальцы вдруг погрузились в жесткий мех, и в голове словно прояснилось. Она не овца на заклание. Она не позволит так с собой поступить. Погладив ладонями накидку, упавшую со стула, Джейн собралась с силами и, сделав рывок, уцепилась за створку шкафа и поднялась на ноги. Открыв дверцу, ухватила за конец красного шарфа и, выдернув его, бессильно осела на пол.

Накидка миссис Олдброк была из крашеной овчины. Волк в овечьей шкуре. Что, если это она убила своего сына, а может, и мужа?

Закопала их где-нибудь под розами, и теперь решила, что им не хватает компании.

Джейн добралась до стены, приподнялась на колени и, потянув на себя оконную створку, сдернула белый шарф. Ее дыхание сбилось, точно после долгого бега, а на лбу выступил холодный пот. Хотя бы мистер Ррр успел ей на помощь. Глубоко подышав, Джейн перекинула красный шарф и захлопнула окно, а после без сил опустилась на меховую накидку и поджала колени к груди.

К запахам холмов добавилась нотка тлена, и, приоткрыв глаза, она увидела перед собой вазу с розами. Наверное, служанка забыла поменять в ней воду. С этой мыслью Джейн отключилась.

Глава 7

Кровь на траве

Ральф бежал легкой трусцой вдоль рощи, и прошлогодние листья, устлавшие дорогу плотным ковром, мягко пружинили под его ногами. Облачко пара вырывалось изо рта при каждом выдохе, но тело, разогретое бегом, только радовалось утренней свежести. Ральф свернул в глубь рощи, когда вдали показались кованые ворота, сбавил темп на быстрый шаг и обогнул поместье Олдброков, чтобы не попасться на глаза садовнику.

Куда проще было бы поселить мисс Уокер в городе. А еще лучше – в свободных комнатах над полицейским участком. Однако Ральф понимал, что это вызовет неизбежные пересуды и, как джентльмен, он должен будет обелить репутацию девушки.

Жениться ему не хотелось. Человек рациональный и прагматичный, Ральф понимал пользу брака и для карьеры, и для быта, а в качестве совместного предприятия по продолжению рода и выращиванию детей семья была единственным приемлемым вариантом. Но его родители любили друг друга, искренне и до конца, и Ральф, выросший в атмосфере любви, не мыслил для себя брака по иным причинам. Так что когда дочь начальника лондонского отделения полиции, где он работал раньше, вознамерилась стать миссис Рейнфорд, а ее папаша заговорил об этом как о решенном деле – ведь Джемма хороша собой, с солидным приданым и нужными связями, что еще надо, – Ральф выбрал перевод в Вуденкерс.

И кто бы мог подумать, что в этой глуши он столкнется с загадкой, ответа на которую нет.

Обойдя поместье, Ральф снова перешел на бег и, взобравшись на холм, остановился. За ночь трава покрылась изморозью и теперь напоминала поседевшую шкуру. В прозрачной вышине крохотная птичка заливалась отчаянными трелями, и тревога вдруг сжала его сердце. Он обнаружил ее причину сразу: примятая трава, сломанные кусты. Сбежав вниз, Ральф быстро направился к холму, где виднелись следы борьбы. Обошел раздавленные ягоды, чтобы не повредить

возможные следы, раздвинул ветки, и сердце его подскочило, а в ушах зашумело.

В траве лежала девушка, и, даже толком ее не видя, Ральф понимал, что она мертва: неестественно вывернутые ноги, измаранная кровью одежда, по тонкому запястью деловито спешит цепочка муравьев.

Почему он не заставил ее переехать?! Почему не оставил у себя?! Пусть бы досужие языки чесали что вздумается, пусть бы ему даже пришлось жениться! Заставив одеревеневшие ноги сделать еще несколько шагов, Ральф судорожно вздохнул, и из его груди вырвался то ли всхлип, то ли неуместный смех. Волосы убитой были темными и прямыми. Не она.

Вернув себе самообладание, Ральф обошел тело и быстро отметил детали. Убитой лет двадцать пять – тридцать, серое платье с когда-то белым, а теперь испачканном кровью и травой фартуком – форма служанки. Наверняка женщина работала на миссис Олдброк. Присев, осторожно повернул ее голову, чтобы лучше рассмотреть лицо. Особые приметы: чуть скошенная нижняя челюсть, крупные верхние резцы. Глаза, недвижно уставившиеся в небо, карие. На шее рваная рана, на боку платье разодрано и все в крови. Приподняв руку женщины, Ральф придирчиво ее осмотрел и, нахмурившись, снял одну из приставших шерстинок – темно-серую, жесткую. Во второй руке, прижатой телом, женщина что-то держала. С трудом разогнув окоченевшие пальцы, Ральф вытянул белый платок. Пятно подсохшей крови, вышитые инициалы «Дж. У.».

– Джейн, – выдохнул он, выпрямляясь и глядя на поместье, которое отсюда, с холма, виднелось как на ладони.

Красный шарф стекал по серой стене ручейком крови, и Ральф, забыв обо всем, бросился к Джейн.

Он взлетел по стене, оттолкнулся от карниза над первым этажом и запрыгнул в окно. Она лежала в кровати, на животе, и рыжая кудрявая копна рассыпалась по белой коже. Не дышит? Он опоздал?

Ральф обхватил ее плечи и рывком повернул Джейн к себе.

Джейн снилось лето, в той жаркой его поре, когда земля трескается от жажды и даже хищникам лень выходить на охоту. В небе, широко раскинув крылья, парил орел, а легкий ветер едва заметно пах стоячей водой. Джейн хотелось пить, так сильно, что язык прилипал к нёбу. Она готова была вылакать лужу, запах которой чуяла, до самого склизкого дна. Но она все шла и шла, и никак не могла до нее добраться.

А потом на нее рухнула тень и орел схватил когтистыми лапами ее плечи, чтобы вздернуть ввысь, и она забилась, вырываясь, открыла глаза и...

– Джейн! Вы в порядке?

Инспектор Рейнфорд тряс ее за плечи, а на его красивом лице читалась явная тревога.

– Какого черта вы тут делаете! – выкрикнула она, подтягивая одеяло выше. – Прочь из моей спальни!

Инспектор поднялся и отвернулся, заложив руки за спину.

– Прошу прощения, – церемонно ответил он, хотя его голос странно дрожал.

Джейн быстро закуталась в одеяло до самого носа. Где, кто бы знал, ее сорочка? Ей было так жарко во сне, может, она ее стащила... И пить хочется. Какое коварное вино у миссис Олдброк. Хотя голова свежая и вовсе не болит.

– Хочу все же заметить, – произнес тем временем мистер Рейнфорд, – что если вы не хотели меня видеть, то не стоило вывешивать красный шарф. Я решил, что-то случилось.

– Красный шарф? – переспросила Джейн.

– Какая отвратительная привычка – переспрашивать, – зло выпалил он, снова повернувшись к ней. – Интересно, от кого вы ее подхватили.

– Дурной пример заразителен!

– Так что с шарфом?

– Я... Я не помню, – растерянно призналась она, запустив руку в волосы. Проведя пальцами через спутанные прядки, стряхнула сухую травинку.

– Мисс Уокер, если вы сделали это специально...

Инспектор побелел от гнева, а его пальцы сжались в кулаки.

– Что я сделала специально? – рассердилась она. – Говорите прямо!

– Вы заманили меня в свою спальню, разделись догола и теперь надеетесь на предложение! Я джентльмен и вынужден сделать это. Становиться на колено не буду, уж простите, – он выдохнул, как перед прыжком. – Мисс Уокер, не окажете ли мне честь...

– Засуньте свое предложение знаете куда? – вспыхнула она. – Я не звала вас и видеть не хочу ни вашу лощеную физиономию, ни ваши несимметричные брови, ни все остальное.

Инспектор пристально на нее смотрел, и Джейн, вздернув подбородок, не отвела взгляд. Она бы никогда не опустилась до таких подлых способов! Больно надо!

– Мне лучше и вправду уйти, – пробормотал он, сглотнув. – Все это слишком...

Он отвернулся, подошел к подоконнику.

– Пойдите, – неуверенно попросила Джейн, заметив красный конец шарфа, свешивающегося с окна. – Я ведь и правда подала сигнал...

Инспектор быстро повернулся, облизнул губы и шагнул к ней.

– Вы подаете очень противоречивые сигналы, мисс Уокер...

– Ночью я вывесила шарф, – медленно произнесла она, – потому что...

– Вы хотели, чтобы я пришел? – спросил он со странной интонацией, присаживаясь на край кровати.

– Да, – она наморщила лоб, пытаясь поймать ускользающее воспоминание.

– Джейн, – нежно произнес ее имя инспектор и, протянув руку, накрутил прядь ее волос на палец. – Не надо играть со мной в эти игры. В конце концов, мы взрослые люди. Можно просто признать, что между нами проскочила искра, и если вы не боитесь, так сказать, поджечь фитиль... распалить этот пожар, то я...

Он слегка подвинулся ближе.

– Какой, к дьяволу, фитиль? – недоумевающе спросила Джейн. – Я вспомнила! Вчера меня отравили!

– Что? – переспросил он, убирая руку.

– Да! – воскликнула она. – Так и было! Мне стало плохо: ноги не слушались, тело ватное, в глазах мушки. Я едва сумела доползти до

шкафа, чтобы взять шарф. Мистер Эдверсон весь вечер подливал мне вино. Этот мог подсыпать какой-нибудь порошок, пока я не видела. А миссис Олдброк вечно нахваливает ягоды, что растут на холмах. Вдруг ядовитые? А может, она ест их всю жизнь, и организм привык, знаете, как принимают яд малыми дозами, и поэтому даже не подумала, что они опасны.

– Вчера у вас был мэр? – вычленил он главное.

– Да, милый Грэг, – скривилась она и брезгливо оттерла об одеяло тыльную часть ладони. – Очень подозрительный тип. Я думаю, может, это он писал письма? Но зачем ему представляться кем-то другим...

– Джейн, – вздохнул он и прикрыл глаза рукой, – я не могу вести допрос в таких условиях...

Она прижала к груди сползающее одеяло и продолжила:

– Но меня могла отравить и служанка. Она меня невзлюбила. Такая темненькая, с зубками, – Джейн поджала нижнюю губу, передразнивая Марту, и взгляд мистера Рейнфорда прояснился.

– Расскажите о ней все.

– Да что рассказывать, – отмахнулась Джейн и снова подхватила одеяло. – Когда я приехала, она так зло на меня смотрела, будто я успела в чем-то провиниться. Видно, не хотела дополнительной работы – приготовить постель, убрать, постирать... Хотя она не так уж старается. Воду в розах не поменяла. Чувствуете, воняет?

– Нет, – честно ответил он.

От мисс Уокер пахло розовым мылом и лесными ягодами, и вся она, такая растрепанная, с припухшими после сна губами, молочной кожей и всем тем прекрасным, что он успел увидеть, была манящей и восхитительной.

– Вчера Марта прислуживала за ужином и уронила вилки, – вспоминала Джейн. – Миссис Олдброк сделала ей замечание. Было бы логично отравить ее, а не меня. Но, может, Марта хотела таким образом насолить хозяйке? Мало кому понравится, если в его доме обнаружат труп.

– Или возле дома, – задумчиво добавил Ральф.

– У меня не было сил, чтобы уйти, – сказала Джейн, не вполне поняв его слова. – Но вчера я об этом думала. Причем твердо так – взять чемодан и прочь...

– Очень разумно. Я помогу вам вынести вещи.

– А сегодня такой чудесный день, – мягко улыбнулась она, и он вцепился пальцами в простыни. – Наверное, у меня было несварение, но теперь я чувствую себя превосходно. Здесь, в поместье Олдброков, мне снятся удивительные сны, такие реалистичные, я словно проживаю их на самом деле.

– Джейн...

– Да.

Ральф замялся, глядя в распахнутые голубые глаза. На холме за яблоневым садом лежит труп женщины – вот что он должен сказать. Но это совсем не те слова, что вертелись у него на языке. Впрочем, сейчас он бы предпочел обойтись вовсе без слов. Мисс Уокер сбивала его с толку раз за разом. Он так испугался, когда решил, что это она лежит там, в траве, что это по ее руке ползут муравьи, а теперь она сидит здесь, в постели, как ни в чем не бывало, такая нежная, сладкая, и он знает, что ее кожа теплая и гладкая, а под одеялом на ней совсем ничего нет...

– Значит, вчера миссис Олдброк рассердилась на служанку, – сделав над собой усилие, произнес он. – Марта, верно?

– Не то чтобы рассердилась, – пожала плечами Джейн. – Почему вы спрашиваете?

– Это ваше? – Ральф достал из кармана платок, встряхнул его двумя пальцами и положил на одеяло.

– Да, – тут же подтвердила она. – Этой мой платок. Видите, инициалы? Я сама вышивала. Где вы его взяли? Я уколола палец розой и промокнула кровь. Мистер Рейнфорд, что происходит?

– Еще один вопрос, если можно, – сказал он, старательно глядя в сторону. – Скорее всего, не относящийся к делу, но кто знает... Когда я вас разбудил, то одеяло сползло, и я увидел нечто такое... необычное... прямо под вашей...

Он сбился, вздохнул, а Джейн, мучительно покраснев, наконец осознала, что произошло. Она сползла вниз по кровати, накрылась одеялом с головой и простонала:

– Боже мой, я только поняла... Вы видели меня голой?

– Нет! – воскликнул он. – Не полностью. Уверяю вас, мисс Уокер, вам нечего стыдиться. Во-первых, вы прекрасно сложены...

Она застонала еще громче.

– А во-вторых, я ведь инспектор полиции, это почти как доктор. И мне вы можете сказать все...

В дверь вдруг заколотили, так что Джейн, взвизгнув, подпрыгнула от испуга, а Ральф инстинктивно обнял ее, но тут же отпрянул.

– Откройте немедленно! – потребовала из-за двери миссис Олдброк. – Джейн, я знаю, вы там не одна.

* * *

Джейн оттолкнула Ральфа, отчаянно указывая рукой на окно и делая большие глаза, но он, вздохнув, поднялся с кровати, подошел к двери и, открывая, сказал:

– Доброе утро, миссис Олдброк.

Сильвия, в привычном траурном платье, выглядела заспанной и взъерошенной: седые волосы, обычно гладко убранные назад, торчали над высоким лбом вихрами, пуговицы на манжетах были не застегнуты, точно она собиралась впопыхах. Но ее комната находится в другом крыле, в самом конце коридора. Не так уж они шумели, чтобы пожилая женщина слышала их разговор из противоположной части дома!

Она постояла на пороге, раздувая ноздри, а потом перехватила трость удобнее...

– Нет! – воскликнула Джейн. – Это не то, что вы думаете!

– Я думаю, что этот подлый мерзавец воспользовался наивностью юной девушки! – с угрозой произнесла Сильвия, шагнув в комнату.

– Я не воспользовался, – возразил Ральф, отступая.

Трость в руке миссис Олдброк выглядела куда более грозным оружием, чем зонтик мисс Уокер.

– Наглый! Самодовольный! Лондонский ловелас! – хлестала его словами женщина.

– Я живу здесь уже три года, – сказал он, отгородившись от нее стулом. – Почти местный.

– Влез в окно, как вор...

– В дверь вы меня не впустили.

– Украл честь...

– Она все еще при мне, – встряла Джейн, краснея. – Сильвия, пожалуйста, не судите мистера Рейнфорда строго. Это я виновата.

– О, милая, – покачала женщина головой. – Ты так молода и полна жизни, тебя я как раз судить не собираюсь.

– Я тоже молод! – напомнил он.

– Вы не можете не понимать, что у ваших поступков могут быть последствия! – рявкнула она. – Это так низко! Непорядочно! Недостойно!

– Он предложил мне выйти за него замуж, – тихо сказала Джейн.

Сильвия остановилась, перевела взгляд на нее.

– А ты что?

– Отказалась, – ответила она, краснея еще гуще.

– Прекрасно, – одобрительно кивнула женщина и повернулась к Ральфу. – А теперь, проваливайтесь!

– Не так быстро, – возразил он. Вся эта ситуация, в которой он на самом деле выглядел не лучшим образом, ему осточертела. – Миссис Олдброк, что вы делали этой ночью между тремя и шестью часами?

Брови Сильвии поползли вверх.

– Это не ваше дело, мистер Рейнфорд, – надменно произнесла она. – Хотя я, разумеется, спала.

Утренний свет падал на ее породистое лицо, безжалостно выделяя каждую морщинку. Ей лет шестьдесят или около того, но горе состарило миссис Олдброк куда больше, чем время. Однако держится женщина прямо, а тростью замахивается так, словно и не слышала об артрите – биче сырой Англии. Могла ли она убить нерадивую служанку? Но за что? Не за вилочки же, в конце концов.

– Это мое дело, миссис Олдброк, – возразил он, чувствуя себя наконец в своей тарелке. – Я расследую убийство, которое произошло этой ночью на холме позади вашего сада.

Сильвия стремительно побледнела, покачнулась и вцепилась в трость. Джейн порывисто дернулась к ней, но осталась в постели, прикованная к ней наготой.

– Кто? – выдохнула миссис Олдброк.

– Мне понадобятся люди, чтобы опознать тело, но, судя по описанию, которое дала мне мисс Уокер, это ваша служанка, Марта.

– Волк? – тихо спросила женщина.

– Выглядит именно так, – кивнул Ральф. – Однако я уверен, все не так просто. Я бы хотел опросить всех, кто работает в поместье. Надеюсь, мне не придется для этого лезть в окно.

– Конечно, – ответила Сильвия, с которой разом смыло всю спесь и злость. – Вы получите доступ в дом.

– Сначала побеседуем с вами, – тоном, не допускающим возражений, сказал он. – Может, перейдем в другую комнату, где будет удобнее?

– Разумеется, – снова согласилась она и побрела к двери, отмеряя каждый шаг стуком трости. Интересно. Пятью минутами раньше казалось, она ей нужна только в качестве оружия.

– Мисс Уокер, – повернулся Ральф к девушке. – Надеюсь также побеседовать и с вами, когда вы... будете готовы.

– Я оденусь и сразу спущусь, – кивнула она.

Да, так будет куда лучше. Смотреть на нее, кутающуюся в одеяло, с рыжими кудряшками, рассыпавшимся по плечам, было одно удовольствие, но мысли при этом начинали путаться и думать о работе становилось куда сложнее. А ведь у него наконец появилось настоящее дело. Только Ральфа это совсем не радовало.

Глава 8

Все это очень подозрительно

Когда дверь спальни закрылась за инспектором, Джейн вскочила и, быстро подбежав к двери, задвинула засов, а после отправилась в ванную. Она быстро помылась, закрутила волосы в тугий узел на затылке, почистила зубы и тщательно прополоскала рот, прогоняя неприятный привкус, оставшийся после ночи.

«Что вы делали между тремя и шестью часами?» – так спросил инспектор. В ее спальне не было часов, но, возможно, именно в это время она проснулась от волчьего воя. А потом ей стало очень плохо. Так плохо, что она думала, что умрет.

Теперь же во всем ее теле такая легкость, как будто все это было не с ней. Может, приступ ей тоже приснился? Но тогда бы на окне не появился красный шарф и мистер Рейнфорд не забрался бы к ней в окно.

Протерев ладонью запотевшее зеркало, Джейн раздвинула полы халата, который накинула после ванны.

Инспектор так смотрел на нее, что от одного лишь его взгляда кровь бежала быстрее, и Джейн впервые ощутила силу своей женственности и упоение властью, которую та давала.

Она обвела кончиком пальца маленький рисунок под грудью. Мама отвела ее к шаману, когда ей было лет десять. Джейн помнила высокий костер и искры, летящие к небу, бой барабанов и монотонное пение, от которого в груди словно вибрировала какая-то струна. Боли почти не было, только кожа слегка зудела еще неделю после татуировки, зато потом Джейн перестала ходить по ночам и просыпаться с криками.

Рисунок на ее коже напоминал ловец снов: закольцованное переплетение белых линий. Джейн полагала, что единственным, кто это увидит, будет ее муж. Но инспектор уверял ее, что он почти как доктор, и нес что-то про горящий фитиль...

Джейн мотнула головой, прогоняя неуместные мысли. Сейчас не время об этом думать. В поместье произошло убийство. Кто знает,

может, это как-то связано с ней? И как у инспектора оказался ее платок?

Вернувшись в комнату, Джейн быстро оделась и еще раз пригладила волосы, которые так и норовили выбиться из прически. Она подняла накидку миссис Олдброк, стряхнула прилипшую к ней грязь и повесила на стул. Видимо, инспектор наследил. Сегодня он так спешил забраться к ней в окно, что даже не успел разуться. Под стулом, которым мистер Рейнфорд так ловко отгораживался от Сильвии, лежала какая-то тряпка. Взяв ее, Джейн развернула скомканную ткань и, ахнув, тут же выронила, и ее сорочка, изорванная в клочья, упала на пол.

* * *

Миссис Олдброк сама вызвалась опознать тело, и теперь Ральф шел рядом с ней между яблонь.

– Это на том холме, – сказала она с утвердительной интонацией, указав тростью вправо.

Ральф споткнулся о выступающий корень и едва не растянулся под яблоней.

– Вы знаете, где тело? Миссис Олдброк, это вы убили девушку? – выпалил он.

– Нет. На том же месте я нашла тело своего сына, – глухо ответила она, сворачивая к колючим кустам, усыпанным алыми каплями ягод.

Возможно, миссис Олдброк была талантливой актрисой, но Ральф ей верил. Новость об убийстве словно оглушила ее, да и теперь женщина выглядела подавленной и растерянной.

И может ли оказаться случайностью то, что служанку убили там же, где и Максимилиана Олдброка? Ральф в это не верил. Слишком много совпадений, переплетающихся, точно линии на татуировке под высокой грудью мисс Уокер.

У него перехватило дыхание от одного лишь воспоминания. Вся эта девушка была точно удар под дых. И она отказала ему! Он сделал предложение – впервые в жизни, между прочим, а она сказала «нет». Это следовало обдумать, но не сейчас.

Ральф нахмурился и, обогнав миссис Олдброк, раздвинул ветки кустов.

– Вам хорошо видно? – спросил он женщину, которая остановилась в нескольких ярдах. – Можете подойти ближе.

– Я вижу, – кивнула миссис Олдброк, и по ее щекам сбежали быстрые слезы. – Это Марта.

– Мне очень жаль, – вздохнул он. – Не могли бы вы отправить Томаса в город за доктором и фотографом.

– Фотограф зачем?

– Новый способ сбора улики.

– Разве все не достаточно очевидно? – поинтересовалась миссис Олдброк, вынимая из кармана платья платок и промокая им морщинистые щеки. – Даже мне понятно, что на нее напал дикий зверь. Волк.

– А мне непонятно, – возразил Ральф, глядя на тело. – Мы не в лесу. Здесь открытое пространство. Волк не станет устраивать поблизости логово, которое ему бы пришлось защищать. Допустим, он гнался за какой-нибудь мелкой добычей вроде зайца и вместо него напал на девушку.

Миссис Олдброк внимательно смотрела на него, и Ральфу вдруг почудилось нечто волчье в ее желтых глазах.

– Я так и подумала, – спокойно произнесла она. – Марта стала случайной жертвой. Оказалась у волка на пути. Он охотился. Хищник, законы природы.

– Выглядит логично, – кивнул Ральф. – Правда, есть одно «но».

Он посмотрел на тело, неподвижно застывшее в траве, и поморщился: по руке теперь ползла целая вереница муравьев. Надо поскорее убрать его отсюда.

– Отчего же волк ее не съел? – задумчиво спросил он.

Миссис Олдброк вздрогнула, а после повернулась и пошла назад к поместью.

– Я отдам приказ Томасу, – донеслось до него. – И буду ждать вас внизу, в гостиной.

– Я скоро приду, – ответил он, рассматривая место преступления.

Кусты были сломаны лишь с одной стороны холма. Почему Марта, заведев волка, побежала сюда? Инстинктивно она должна была броситься к поместью, или хотя бы выбрать более легкий путь –

тропинку, вьющуюся вниз по лиловому ручью вереска. Кто, убегая от зверя, выбрал бы заросший кустарником холм? Выглядело так, будто Марта сначала пришла сюда. А потом, во время нападения, кусты слегка пострадали. Что же привело девушку на место, где однажды уже произошло убийство? Неужели она несла кому-то измарианный платок мисс Уокер?

Ему очень не нравились выводы, к которым приводили его рассуждения. Мелькнувшая ранее мысль, что письма от Максимилиана писал преступник, ушедший от правосудия, нашла еще одно косвенное подтверждение. Картина пока что была зыбкой. Но если допустить, что первое убийство совершил человек, то второе, на том же месте и тем же способом, наверняка произошло от его же руки, или, вернее, зубов.

Серийный убийца в Вуденкерсе? Максимилиана Олдрифа убили двадцать лет назад. По описаниям, он был высоким и сильным мужчиной. Значит, убийца тоже мужчина. Сейчас ему больше сорока, он в хорошей физической форме и, похоже, был знаком с Мартой. Впрочем, в Вуденкерсе все друг друга знают, так что последний вывод мало что дает. Орудие убийства оставалось неясным. Жуткие раны на горле и теле жертвы больше всего походили на следы укусов от длинных и острых зубов. Возможно, убийца натравил на жертву собак? Доктор должен сказать точнее, хотя Ральф, обладавший завидным здоровьем, пока не имел возможности ознакомиться с его квалификацией. Как жаль, что здесь, в глуши, нет настоящего судмедэксперта!

Ральф обошел весь холм, но не нашел отпечатков ни ног, ни лап. Солнце растопило утреннюю изморозь, и трава снова торчала зеленой густой щеткой, скрывая следы убийцы. Тяжело вздохнув, Ральф спрятал руки в карманы и пошел назад к поместью.

* * *

Допрос хозяйки поместья не принес ровным счетом ничего. Марта работала у нее четыре дня в неделю, а остальное время – где-то в городе. Никакой личной информации миссис Олдриф о ней не знала.

Не слишком расторопная, ленивая, трусливая — все характеристики, которые дала она погибшей, были в негативном ключе.

— Чего она боялась?

— Всего, — ответила дама. — Вечно вздрагивала, как заяц.

— Отчего вы не уволили ее?

— Она хорошо мыла окна. Никаких разводов.

— Спасибо, что уделили мне время, — вздохнул Ральф.

— Я бы хотела сказать кое-что еще, — добавила миссис Олдброк.

— Слушаю. Любые мелочи, предположения...

— Держитесь подальше от Джейн.

Ее тонкая верхняя губа чуть дернулась вверх, точно хозяйка поместья едва сдерживалась, чтобы не зарычать.

— Это не ваше дело, миссис Олдброк, — отрывисто произнес Ральф.

— Ошибаетесь. Я вынуждена открыть для вас двери моего дома, но если вы еще раз влезете в окно...

— Что вас связывает с мисс Уокер?

Сильвия помолчала, разгладила черную ткань на коленях.

— Считайте, я вас предупредила, — сказала она и добавила, не поворачиваясь к двери: — Входи, дорогая, мы с инспектором уже закончили.

Джейн, застывшая на пороге, неуверенно ступила в гостиную, а миссис Олдброк плавно поднялась с кресла, бросила напоследок взгляд, полный угрозы, на Ральфа и ушла.

Джейн села на ее место, и ее волосы вспыхнули от солнечного света, падавшего в окно.

— Боюсь, я уже сообщила вам все, что могла, — сказала она, положив руки на колени и держась строго и сухо, но ее щеки тут же предательски порозовели.

Ральф откинулся на спинку кресла, рассматривая девушку. Она надела скромное серое платье и волосы закрутила туго, как старая дева, но рыжие кудряшки выбились надо лбом, а одна прядка закручивалась вдоль длинной шеи.

Могла ли Джейн убить ленивую служанку, не поменявшую воду в вазах? Воспоминания о первой встрече, когда мисс Уокер пыталась отходить его зонтом, были еще свежи, а синяк на ребрах только начал

светлеть. Она вспыльчива и импульсивна. Но тот, кто убил Марту на холме, ждал ее, выбрал особое место... Совсем другой характер.

– Вы что-то скрываете, – вздохнул Ральф. – Здесь все что-то скрывают, и мне это очень не нравится. Ночью убили человека, мисс Уокер. Все очень серьезно. И если вы можете что-то сообщить...

– Я слышала вой волка, – сказала она. – Как раз перед тем, как мне стало дурно.

– Все пытаются подвести меня к мысли, что Марту загрыз волк, – недовольно заметил он.

– А это не так?

– Нет, – ответил Ральф и осознал, что твердо в этом уверен. Это преступление совершил человек. Хитрый, коварный и жестокий.

– Могу я взглянуть на тело? – неожиданно спросила Джейн.

– Зачем вам это, мисс Уокер? Индейский вождь научил вас искать следы?

– Отчего мне кажется, что вы на меня злитесь? – вспыхнула она.

– Может, оттого, что это на самом деле так? Что означает ваша татуировка? Это какой-то индейский символ?

Ее румянец стал пунцовым.

– Это никак не относится к делу.

– Кто знает... Угадайте, где я нашел ваш платок. В руке у жертвы!

Разволновавшись, Ральф вскочил с кресла и принялся ходить туда-сюда по комнате. Его раздражало само это место: темная мебель, остывший камин, пахнувший пеплом, портрет в мрачной траурной раме.

– Это ведь Максимилиан Олдброк? – спросил он, остановившись напротив него.

Темноволосый парень надменно улыбался, глядя на него с картины сверху вниз, точно зная гораздо больше, чем инспектор.

– Да, – тихо ответила Джейн. – Мистер Рейнфорд, мне лучше уехать.

– Я скажу миссис Пампкин, – кивнул он.

– Не из поместья. Из Вуденкерса.

– Это исключено, – тут же заявил он, сам удивившись своей резкости. – Я не позволю вам уехать. Вы... как-то связаны с убийством.

– Вы меня подозреваете?

Ральф оторвал взгляд от портрета и повернулся к девушке.

– Нет, – покачал он головой. – Не ваш почерк. Почему вы отказали мне, мисс Уокер?

– Разве могла я согласиться? – она вздернула подбородок, сразу поняв, о чем он. – Ваше предложение было сделано в унижительной манере!

– А если бы я сделал его по всем правилам, вы бы сказали «да»?

– Не думаю, – фыркнула она.

– Почему нет?

– Я вас совсем не знаю.

– А его, – он кивнул на портрет, – знали? Я прочитал все его письма. Он не сказал о себе ровным счетом ничего. Лишь как он гуляет по лесочку и думает о вас, драгоценная мисс Уокер. Это как раз то, чем я занимаюсь последние дни.

– Я вас об этом не просила!

– Да вы мне выбора не оставили! Свалились как снег на голову, избили зонтом...

– Какой вы нежный! Совсем размякли на пирожках мисс Блювенгейз.

– Дались вам эти пирожки. Или... вы ревнуете?

– Еще чего, – хмыкнула она. – Вы будете прекрасной парой.

Ральф шагнул к ней, склонился и оперся на оба подлокотника кресла, так что Джейн оказалась в кольце его рук.

– Я скомпрометировал вас, – вкрадчиво прошептал он. – Любая добропорядочная девушка на вашем месте приняла бы мое предложение хоть от безысходности. Я видел вас голой.

– Не полностью, – пробормотала Джейн, вжимаясь в спинку кресла.

– О, я увидел достаточно много.

– Вы никому не расскажете. И как джентльмен, вы должны пообещать мне, что сейчас же забудете о произошедшем.

– Ни за что.

Она вспыхнула от гнева и выпрямилась в кресле, так что их лица оказались совсем близко друг от друга. Запустить бы руку в рыжие кудри, освободить их от шпилек, чтобы буйная рыжая грива рассыпалась по спине, впиться в нежные розовые губы...

– Защита от темных сил, – выпалила Джейн, оттолкнув его обеими руками.

– Что? – не понял он.

– Моя татуировка, – пояснила она, поднимаясь с кресла. – Индейский символ. Что-то вроде ловца снов. Еще вопросы?

– Ваша мать, похоже, не была ревностной прихожанкой.

– Это не мешало ей быть хорошим человеком.

– Вы похожи на мать или на отца? – спросил Ральф.

– На маму, – ответила Джейн. – Все говорили, я ее копия.

– Доктор приехал, – сказал он, бросив взгляд в окно. – Мы еще поговорим с вами, мисс Уокер. И я обязательно выясню все до последней детали.

Ральф вышел из дома, захлопнув за собой дверь, и наткнулся на миссис Олдброк, которая стояла на веранде, опираясь на тяжелую трость.

– Вы мне не нравитесь, – сообщила она.

– Я уже заметил.

– У меня есть связи в Лондоне, я помогу вам перевестись на хорошую должность.

– Не надо, – отказался Ральф, спускаясь по ступенькам навстречу кебу, медленно гремящему колесами по дорожке, усыпанной гравием.

На козлах, правя крупным черным жеребцом, сидел мрачный садовник, заросший бородой по самые брови. Мужчина, старше сорока, силен и опасен – отличный кандидат на роль убийцы. Вчера тут к тому же ужинал мэр, мистер Эдверсон, еще один подозреваемый, подходящий по всем параметрам. Пора приниматься за работу.

В окошке кеба мелькнуло встревоженное лицо фотографа, мистера Дидлби, и одутловатая физиономия доктора, которому, как подозревал Ральф, и самому бы неплохо подлечиться.

– Я, знаете ли, полюбил Вуденкерс, – добавил он, обернувшись к хозяйке поместья. – Очень милый город.

* * *

Мистер Дидлби был блее мела, но сделал все, чего хотел от него Ральф. Расположение трупы, сломанные ветки, пятна крови – фотограф

отснял все, и лишь после этого доктор осмотрел тело. Потом они укрыли его простынями, закрепив ткань ремнями, и перенесли в кеб, чтобы доставить в мертвецкую.

– Мистер Рейнфорд, – обратился к Ральфу фотограф. – Вы заходили ко мне на днях.

– Да, – кивнул он, наблюдая, как Томас, сняв сиденья, укладывает тело на пол кеба.

Он успел допросить садовника, если это можно назвать допросом. Не видел, не слышал – точно как обряд, что бормотала на днях женщина по соседству: «Не увидишь, не услышишь, не почувешь, не съешь»... Ох, что начнется в Вуденкерсе, когда разнесется весть про волка! Его ждет охапка дел об украденных курицах.

Томас положил тело, завернутое в простыни, по диагонали. Придется двум джентльменам устроиться на козлах, либо вовсе идти пешком. Но, судя по цвету лица фотографа, он бы и не согласился возвращаться в город рядом с трупом. Вот доктор, кажется, не испытывал никаких сантиментов. Несмотря на жесткий запах вчерашней попойки, он действовал безупречно профессионально, подтвердив предположения Ральфа о времени смерти по степени окоченения. Миссис Олдброк стояла в отдалении, сжав губы в тонкую линию, и больше не высказывала ни предположений, ни угроз. Очень странная женщина. Сначала Джейн его отвергла, а потом и пожилая дама высказала неприязнь. Определенно, не его день.

– Так вот, я подумал, может, это важно... – напомнил о себе фотограф. – Хотя я обещал полную конфиденциальность. Такой деликатный момент... Но вдруг это связано с убийством. Не просто так ведь вы вспомнили про разбитую витрину.

– Говорите, – повернулся к нему Ральф. – Любая мелочь важна.

– То ваше фото, что было в витрине, получилось очень хорошим. Вы могли бы стать моделью. Мужской одежды, к примеру. Плюс и свет был выставлен удачно.

Ральф только вздохнул. События сегодняшнего утра сильно поколебали его уверенность в собственной неотразимости.

– И, думаю, для вас не секрет, что многие дамы испытывают к вам симпатию.

Многие, да не все. Он бы с радостью променял все пироги мисс Блювенгейз на черствый кусок хлеба из рук мисс Уокер.

– И мисс Блювенгейз...

Ральф нахмурился, услышав имя, которое только что мелькнуло в его мыслях.

– ...попросила сделать ей ваше фото. Дубликат, – мистер Дидлби покраснел пятнами, как девчонка.

– Давно это было? – спросил Ральф, лихорадочно соображая, могла ли мисс Блювенгейз стать отправителем злосчастных писем. Миссис Пампкин уверяла, что их, скорее всего, написала женщина.

– Уже порядком. Вот как фото появилось на витрине, так сразу.

– Продолжайте.

– Это, собственно, все, – смутился фотограф, глядя на носки своих блестящих туфель. – Я сделал фотографию, мисс Блювенгейз за нее заплатила, тройную цену, если быть откровенным. А я обещал держать это в секрете. Прошу вас, если это не связано с гибелью бедной Марты...

– Может и связано, – сурово произнес Ральф. – Благодарю за сведения, мистер Дидлби.

– Что ж, если это как-то поможет... Рад оказаться полезным, инспектор.

– Больше никто мое фото не покупал?

– Нет. Остальные дамы только смотрели.

– Прекрасно. Мистер Дидлби, в тот день, когда я пришел к вам с мисс Уокер, вы сказали, что она кого-то напоминает. Вы не вспомнили, кого?

– Очаровательная леди, – кивнул фотограф. – Боюсь, что нет, не вспомнил. Она, наверное, уедет из поместья после всех этих страшных событий?

Ральф лишь неопределенно пожал плечами. Может, увезти ее силой? Взять под личное наблюдение как особо ценного свидетеля?

– Готово, – возвестил Томас, захлопнув дверь кеба. – В город?

– Думаю, я управлюсь к обеду, – сообщил доктор, глядя на Ральфа мутноватыми глазами и стаскивая перчатки с пальцев. – Хотя и так все понятно. Зверь. Вероятно, волк. Порваны артерии, обширная кровопотеря. Женщина потеряла сознание секунд через пять, так что смерть ее была хотя бы быстрой.

– Вы давно работаете в Вуденкерсе? – спросил Ральф, вспоминая, чью же фамилию видел в медицинском заключении в деле Олдброка.

– Лет двадцать с небольшим, – сказал доктор. – Я понимаю, к чему вы клоните. Да, тело мистера Олдброка осматривал тоже я. Оно лежало на этом же месте, за ягодником.

– Почему вы не провели полный осмотр со вскрытием?

Управившись наконец с перчатками и сложив их в карман пиджака, доктор приблизился к Ральфу и, склонившись почти к самому уху и обдав перегаром, прошептал:

– Она мне не позволила.

А после многозначительно повел бровью в сторону миссис Олдброк, черной и мрачной, точно символ скорби.

– Вы что, испугались старушку?

– Это сейчас она старушка. А тогда была зрелая дама. И такая, простите мою откровенность, с яйцами. Но знаете что, мистер Рейнфорд, – он снова покосился в сторону миссис Олдброк, которая, стоя у кеба, что-то тихо говорила Томасу, а тот только молча кивал. – Я бы и сейчас не стал переходить ей дорогу.

* * *

Джейн вышла на веранду и обняла себя руками, пытаясь унять озноб, охвативший ее то ли от утренней свежести, то ли от тревоги, что чувствовалась в воздухе, как приближение грозы.

Мимо дома прогремел экипаж, и Томас, правящий конем, так глянул на Джейн, будто это она загрызла несчастную Марту. Рядом с ним сидел уже знакомый ей фотограф, мистер Дидлби. Он прижимал к груди квадратный чемоданчик, а на его бледном и несчастном лице застыло искреннее потрясение. На запятках примостился мужчина, которого Джейн до этого не видела: слегка обрюзгший, с печатью усталости на одутловатом лице. Мужчина вежливо кивнул ей и приподнял шляпу в знак приветствия, однако едва не свалился и, быстро вернув шляпу на плешь, ухватился за обод.

– Мисс, – окликнули ее сзади.

Обернувшись, Джейн увидела кухарку, которая стояла в дверях, теребя цветастый фартук. Тюрбан на голове Ноирин был черный, а глаза – без подводки и покрасневшие от слез.

– Надо священник, – сказала она. – Похороны. У Марты никого. Только хозяйка.

– Миссис Олдброк должна организовать похороны? – поняла Джейн. – Я помогу, разумеется.

Сильвия, тяжело ступая и опираясь на трость, появилась из-за угла дома. Выглядела она уставшей и убитой горем, и даже ее яркие глаза как будто погасли.

– Такой удар, – Ноирин часто покачала головой, как китайский болванчик. Яркие серьги, показавшиеся из-под траурного тюрбана, засверкали зеленью. – Надо новая служанка, хозяйка, – громко обратилась она к миссис Олдброк. – У меня есть хорошая девушка. Работает и молчит.

– Да, – коротко ответила дама и, остановившись у ступенек, повернулась к воротам, выпустившим экипаж. – Ноирин, сходи к священнику, пусть сделает все, что надо.

– Я не ступаю в чужую церковь, – мрачно возразила кухарка.

– Я схожу, – встряла Джейн.

Сильвия посмотрела на нее, слегка вскинув брови, словно размышляя.

– Мне жаль, Джейн, что все так вышло, – вздохнула она. – Но в то же время я постыдно рада, что рядом со мной есть человек, на которого я могу рассчитывать.

Она выглядела такой хрупкой, седые волосы разлетались от ветра, точно пух у одуванчика, и Джейн стало немного стыдно – ведь совсем недавно она собиралась удрать из поместья и бросить в беде пожилую даму, которая так великодушно дала ей приют.

– Мне... тяжело сейчас, – призналась Сильвия. – Все это так напоминает прошлое...

Она покачнулась и вцепилась в трость обеими руками. Джейн быстро спустилась к ней и, взяв под локоть, помогла подняться по ступенькам.

– Ты ведь не уедешь? – спросила миссис Олдброк, пытливо на нее глядя. – Не оставишь меня одну?

– Нет. Конечно, нет, – уверила ее Джейн. – Если я могу вам чем-то помочь...

– Прекрасно, – произнесла Сильвия, как-то сразу приободрившись. – Знаешь, дорогая, я действительно попрошу тебя об

одной услуге – сообщеи о произошедшем Грэгу.

– Мистеру Эдверсону?

– Ему стоит узнать об этом, – кивнула Сильвия. – Мэрия буквально в двух шагах от полицейского участка. Грэг всегда там по утрам.

– Думаю, он и так узнает...

– Ты должна сама сказать ему. Он давний друг семьи и обидится, если останется в стороне. Грэг захочет мне помочь, он сам сходит в церковь и все организует. Он очень милый, – доверительно сообщила Сильвия, увлекая Джейн в дом. И теперь ей казалось, что это не она поддерживает старушку, а та тащит ее за собой. – Такой надежный мужчина. Всегда готов подставить плечо. Кстати, он хорош собой, не правда ли? Импозантный, солидный. Не какой-нибудь юнец, что скачет в окна, а зрелый достойный джентльмен, с которым женщина будет как за каменной стеной...

– Вы что же, пытаетесь меня сосватать? – возмутилась Джейн, отстраняясь от Сильвии.

– Грэгори Эдверсон – идеальный вариант, – не стала отрицать дама. – Но сейчас не самый подходящий момент, чтобы спорить об этом, не так ли?

Джейн молча кивнула.

– Так чего же мы ждем? – спросила миссис Олдброк. – Отправляйся прямо сейчас. Передай Грэгу, что я была очень рада его видеть вчера. Чудесный получился вечер.

– Я думала, что должна рассказать про погибшую девушку, – не сдержалась Джейн.

– Это само собой. Правда, Томас как раз повез тело в город... Может, подождешь его, это вряд ли займет много времени.

– Пройдусь пешком, – ответила Джейн, которой совсем не хотелось сидеть там, где только что лежал истерзанный труп.

– Хорошо, – согласилась Сильвия. – Погода прекрасная, но постарайся вернуться к обеду, будет дождь.

Джейн глянула в окно на чистое небо, но спорить не стала. Она вернулась в свою комнату и, накинув кардиган и надев шляпку, взяла сумочку.

Шляпка ее была в цвет глаз, голубая, а в сумочке лежал пистолет, однако Джейн все равно чувствовала себя глупой девочкой, которая с

корзинкой пирожков собирается идти через темный лес, где опасный серый хищник скрежещет зубами и ждет подходящего момента, чтобы напасть.

Но отчего миссис Олдброк даже не подумала, что идти пешком может быть опасно?

Если она и вправду дорожит Джейн, то почему так легко отправляет ее одну?

Почему она за нее не боится? Вчера сердилась, а сегодня вдруг поняла, что Джейн способна постоять за себя?

Выйдя из дома, Джейн не удержалась и, завернув за угол, прошла через яблоневый сад к холму, у которого утром толпились люди. Следы преступника, если они здесь и были, исчезли под ногами инспектора, фотографа, доктора и садовника. Вмятины от трости миссис Олдброк тоже виднелись в траве. Сломанные ветки, раздавленные ягоды, засохшая кровь – Джейн сразу определила место, где лежало тело. Трава постепенно выпрямлялась, муравьи сновали по ржавым пятнам, и совсем скоро от трагедии не останется и следа.

Поежившись, Джейн быстро пошла прочь. И лишь когда поместье осталось позади, на нее пахнуло фермой, а вдали показались серые крыши Вуденкерса, она смогла признать себе в том, что искала на месте преступления и чего боялась больше всего. Не увидеть волка, не наткнуться на оружие преступления и даже не встретить Максимилиана Олдброка, который то ли умер, то ли нет.

Больше всего она страшилась найти на колючих ветках кустарника лоскутки своей сорочки.

Глава 9

Волчье время началось

– Мисс Уокер!

Инспектор Рейнфорд собственной персоной спешил за ней следом, перешагивая ракитник.

– Снова вы, – недовольно выпалила она.

– А кого вы ожидали увидеть? Максимилиана Олдброка? – поинтересовался он, догнав ее. – Почему вы ходите здесь одна?

– Вы тоже без сопровождения, как я погляжу, – не слишком зло огрызнулась Джейн, почувствовав себя в компании мистера Ррр куда спокойнее. Инспектор выглядел уверенным и вполне благодушным, как будто не он этим утром осматривал труп.

– Полагаете, мне нужна компаньонка? – усмехнулся он.

– Что вы вообще тут делаете? Я думала, вы поехали в город с остальными джентльменами.

– Я задержался в поместье, чтобы опросить слуг. Не густо там, прямо скажем. Кухарка, садовник, да бедная Марта. А дом большой.

– Почти все комнаты заперты, – сказала Джейн и прикусила язык.

– Что вы искали? – уловил ее оплошность инспектор.

– Образец почерка миссис Олдброк. Но потом она нарисовала мне карту Вуденкерса, – Джейн остановилась у забора фермы и вынула карту из сумочки. – Миссис Пампкин согласна, что почерк совсем другой.

– Значит, вы уже в курсе, что миссис Пампкин читала письма, – произнес инспектор, разглядывая карту. – Наверное, я должен попросить прощения...

– У вас накопилась масса поводов для извинений и помимо этого, – фыркнула Джейн, пряча карту назад.

– Совесть моя чиста, – улыбнулся мистер Рейнфорд. – Я действовал в соответствии с ситуацией и ни о чем не жалею. Мисс Уокер, куда вы направляетесь?

– Миссис Олдброк попросила меня сообщить о произошедшем мистеру Эдверсону, – вздохнула Джейн.

– Он наверняка уже в курсе. Уже весь Вуденкерс знает. Новости тут разлетаются со скоростью света.

– Сильвия сказала, он друг семьи. К тому же она надеется, что он поможет с организацией похорон.

– Я провожу вас, – сказал он. – Я как раз тоже хотел заглянуть к мэру. В котором часу он ушел?

– После ужина. Он не стал долго засиживаться. Часов в девять-десять.

– Вы не заметили ничего необычного? Он не разговаривал со служанкой?

– Нет, ничего такого.

Приподняв юбку, Джейн перешагнула упавшую на дорогу сухую ветку, демонстративно не обратив внимания на предложенную руку инспектора. Мистер Эдверсон за ужином выглядел уверенным и спокойным. Наверное, человек, который планирует убийство, должен вести себя по-другому. Но, может, все произошло спонтанно.

– Я все думаю, почему убили служанку. Это – не случайное преступление, – произнес инспектор. – Тот же холм, где нашли тело Олдброка. Марта не могла оказаться там ночью без причины. В руке у нее был ваш платок. Допустим, она несла его кому-то. Кому мог понадобиться платок с каплей вашей крови? Может, его хотели использовать для какого-то ритуала? Не удивлюсь, если так. В Вуденкерсе прискорбно темный народ.

– Вы так презрительно говорите об этом, – с осуждением сказала Джейн, остановившись и повернувшись к нему. – Чуть больше уважения, инспектор. В конце концов, вы не можете знать точно, что их верования ложны.

– Мне не надо верить во всю эту чушь, – сказал инспектор, опершись о забор. – И вовсе не обязательно самому воровать куриц или чем там еще занимаются на досуге почтенные жители Вуденкерса. Кстати, хорошие курицы у миссис Хокинс, поглядите.

Пестрые несушки копошились во дворе, а петух, захлопав крыльями, взлетел на забор, так что мистеру Рейнфорду пришлось отдернуть руку. Петух уставился на него с подозрением, и инспектор, взяв Джейн под локоть, пошел вперед.

– Главное, что в это верит убийца, – продолжил он. – Тогда у нас появляется какой-то мотив. Кровь для ритуала. Служанка принесла ее,

но пригрозила рассказать, попыталась шантажировать. Кухарка охарактеризовала Марту как жадную и нечистую на руку. За покупками ее не отправляли.

– Вот только платок остался у Марты, – заметила Джейн. – Значит, дело не в ритуале. Может, она его просто украла. Это хороший платок, отличный хлопок.

– Я не верю в такие совпадения, – покачал головой инспектор.

– Но что тогда?

– Я бы предположил, что преступника интересовал ваш запах.

Джейн споткнулась, и он придержал ее под руку.

– В таком случае это не человек, – сдавленно сказала она. – А вервольф.

– Или хозяин большой злобной собаки. Слишком прозаично для вас?

– Знаете что, мистер Ррр, – возмутилась она. – Мне надоел ваш снисходительный тон. Занимайтесь своими делами и оставьте меня в покое!

– Вы мое дело, мисс Уокер, – возразил он. – Самое интересное и увлекательное за последние годы, да и, пожалуй, за всю мою жизнь. И я собираюсь разгадать вас полностью.

– Вам стоит выражаться точнее, – сухо заметила она. – Ваши слова звучат неоднозначно.

– Рад, что вы это уловили, Джейн, – слегка улыбнулся он.

Она хотела возмутиться его нахальством, но решила, что лучше вовсе закрыть скользкую тему. С мистером Рейнфордом все стало проще и понятнее. Какой-то человек выдрессировал пса и натравил его на бедную девушку. Марту убил не волк, не вервольф и, уж конечно, не она, Джейн. Ей всего лишь приснился бег под луной и волчий вой, а сорочку она разорвала, когда ей спросонья показалось, будто она запуталась в кустарнике.

– Вы ничего не хотите мне сказать? – спросил инспектор. – О чем вы так напряженно размышляете, Джейн?

Она не давала ему позволения звать ее по имени, но отчего-то это не раздражало, как в случае с мэром, а напротив...

– Какое ваше второе имя, мистер Ррр? – спросила она. – Ральф Р. Рейнфорд. Что значит средняя «р»?

– Ох, мисс Уокер, – вздохнул он. – Вы сейчас метите в очень личное.

– Вы тоже знаете кое-что очень личное обо мне, – напомнила Джейн, почувствовав, как кровь тут же прилила к щекам. – Будет справедливо, если и я узнаю какой-нибудь ваш секрет.

– Что ж, – согласно кивнул он. – Хорошо. Но пообещайте, что это останется между нами.

– Клянусь, – улыбнулась она.

Инспектор повернул к городу, откуда уже доносился шум улицы и голоса людей, а после над серыми крышами вдруг поплыл колокольный звон.

– Мое второе имя... – неразборчиво пробормотал мистер Рейнфорд.

– Что? – переспросила Джейн, перекрикивая колокола. – Скажите громче, я не расслышала!

– Розмари, – отчетливо произнес он. – Мое второе имя – Розмари.

Джейн опешила, а после расхохоталась.

– Мой отец очень любил мою мать, – пояснил инспектор. – А она мечтала о дочери и собиралась назвать ее в честь своей матери.

– Это так мило, – улыбнулась Джейн. – Вам даже идет. Можно я буду звать вас по имени?

– Ваша улыбка – вот что действительно мило, мисс Уокер, – заметил он. – Разумеется, вы можете звать меня по имени. Ральф. Но насчет Розмари вы поклялись.

– Ладно, – согласилась она. – Спасибо, что поделились этим со мной.

– Всегда пожалуйста, Джейн.

У городских ворот они, не сговариваясь, отпрянули друг от друга, внезапно осознав, что от самой фермы идут рука об руку.

* * *

– Джейн, как я рад вас видеть! – Мистер Эдверсон вскочил с кресла и, стремительно подойдя к Джейн, схватил ее ладони. – Чудесный сюрприз, – промурлыкал он, припадая с поцелуем поочередно к обеим ее рукам.

Джейн высвободила ладони, но мэр тут же обнял ее за плечи.

– Как вы? – с отеческой заботой спросил он. – Я все знаю. Ужасное, ужасное событие! Я соберу охотников. Они прочешут лес вдоль и поперек.

Джейн попыталась отстраниться, но широкие ладони мэра лишь погладили ее предплечья и обхватили локти.

– Вы наверняка перепугались, – вздохнул он, настойчиво привлекая ее к себе в объятия. – Бедная девочка.

– Все со мной в порядке! – не выдержала она и оттолкнула его руки. – Раз вы уже все знаете, я пойду. Это миссис Олдброк попросила сообщить новости вам лично. Еще надо договориться о панихиде со священником, но я могу сделать это сама...

– Не спешите, – спохватился мэр, отодвигая кресло у своего стола. – Садитесь же. Вас привез Томас? Я прикажу ему отправляться в поместье, а после сам доставлю вас. Сходим к преподобному, совершим небольшой променад по городу. Вуденкерс...

– Милый городок, – закончил фразу инспектор, входя в кабинет. – Добрый день, мистер Эдверсон.

– Мистер Рейнфорд? – мэр слегка приподнял брови. – Чем обязан?

– Произошло убийство, – ответил он. – А я, разумеется, его расследую.

– Но ведь это был волк, – мистер Эдверсон хохотнул, но быстро понял, что радость его неуместна. – Вы ведь не посадите в тюрьму волка.

– Посажу, – сказал инспектор, занимая кресло, любезно отодвинутое для Джейн. – Если придется. Я бы хотел задать вам несколько вопросов, мистер Эдверсон. Вы ужинали вчера в поместье Олдброков, не так ли?

– Мы можем соблюсти эти формальности позже? – холодно спросил мэр. – Я сейчас несколько занят. Джейн, дорогая...

– Подождите меня в участке, – попросил мистер Рейнфорд, повернув голову к ней. – Я бы хотел уточнить у вас кое-какие детали, Джейн.

Он интонацией выделил ее имя, а после с вызовом посмотрел на мэра. Их взгляды скрестились, как шпаги. Серые глаза мистера Эдверсона сверкнули сталью, зеленые – инспектора – хищно прищурились.

– Всего хорошего, джентльмены, – сказала Джейн, сдерживая улыбку, и вышла из кабинета.

Прикрыв за собой дверь, она попрощалась с секретаршей мэра – высокомерной блондинкой, так непохожей на уютную миссис Пампкин, – и, оказавшись на улице, повернула в сторону виднеющегося над крышами домов шпиля церкви.

Вуденкерс гудел растревоженным ульем. «Убийство, всюду кровь, бедная Марта», – обрывки фраз летели из дворов и приоткрытых окон.

– Ух, проклятые Олдброки, – ворчал старик, вытряхивая трубку на крыльце. – Проклятое волчье время.

Джейн открыла рот, чтобы спросить, при чем тут Олдброки, но старик угрюмо глянул на нее и ушел в дом. Задвижка громко лязгнула. Дверной косяк был измаран толстым слоем грязи, которая растрескалась и кое-где отвалилась кусками.

Вуденкерс точно готовился к осаде: с улиц уносили садовую мебель и цветы, хозяйки снимали белье с протянутых над дорогой веревок и загоняли в дома детей. На крепких ставнях, которыми закрыли уже половину окон, торчали металлические шипы – город ошетинился, словно еж.

Дойдя до церкви, Джейн запрокинула голову. С колокольной башни больше не доносился звон, а острый шпиль, направленный в небо, от старости или ветра слегка искривился, точно звериный клык. Перекрестившись и поправив шляпку, Джейн переступила порог церкви.

Внутри было пусто, и звук ее шагов отдавался гулом под сводчатым потолком. Старые стены были расписаны фресками, которые растрескались и местами совсем стерлись. Где-то тут должен быть и святой Эдвард, давний предок Олдброков, от которого они получили фамильный герб с волчьей головой на пике...

– Это здесь.

От голоса, громко прозвучавшего в церкви и подхваченного эхом, сердце Джейн подпрыгнуло и затрепетало, как птичка. Высокий священник в черной рясе вышел из приоткрытой дверки за алтарем и, подойдя ближе, остановился в луче света, падающего через узкое окно. А Джейн подумала, что на его проповедях наверняка не протолкнуться: высокий лоб, изогнутые брови над миндалевидными глазами, одухотворенное лицо – священник сам был похож на икону.

– Вы ведь ищете фреску со святым Эдвардом, – уверенно сказал он, указывая рукой в угол. – Она там.

Джейн кивнула и подошла к стене.

– На удивление хорошо сохранилась, – заметила она.

Святой Эдвард стоял, широко расставив ноги и навалившись всем весом на копье, а внизу, на колючей траве корчился волк. Острие вошло ему в незащитный живот, длинный язык выпал из пасти, и все четыре лапы были воздеты к небу.

– Мне говорили, что у Олдброков гостя, – нарушил тишину преподобный.

– Джейн Уокер.

– Рад, что вы нашли время для молитвы, мисс Уокер.

Джейн молча кивнула, не в силах отвести взгляд от фрески. Неудивительно, что в городке пошли слухи об Олдброках. Эдвард выглядел куда опаснее бедного волка: сведенные брови, злобная гримаса, искажившая рот. Краска кое-где стерлась, а то и отвалилась вовсе, и казалось, что белые зубы мужчины длиннее волчьих клыков. Трещины на фреске рассекали лоб глубокими морщинами. Он был удивительно похож на Максимилиана Олдброка, этот святой: те же крупные черты, тот же хищный взгляд.

– Вы знали Максимилиана? – спросила вдруг Джейн, поворачиваясь к священнику. – Сына миссис Олдброк.

– Конечно, я знал его, – ответил он. – Жаль... Очень жаль, что все так произошло...

– Как думаете, эти все рассказы о вервольфах, призраках... – Джейн запнулась, понимая, как нелепо звучат ее слова, но все же договорила: – Это может быть правдой?

– В мире много удивительного, – улыбнулся священник, и от его глаз разбежались лучики морщин. – А я привык верить в то, что недоступно людскому глазу.

Джейн потупилась, понимая, что пришла со своими суевериями не по адресу.

– Могу сказать точно, – твердо добавил преподобный. – Максимилиан Олдброк мертв. Его похоронили в фамильном склепе. Вы можете сами взглянуть, если захотите, он позади церкви.

Джейн кивнула, рассматривая линии, покрывавшие пол церкви затейливым узором.

– Так что это не он виновник смерти бедной Марты, – с прискорбием произнес священник. – Миссис Олдброк наверняка хотела заказать панихиду по своей служанке.

– Верно, – спохватилась Джейн, поднимая взгляд на преподобного. – Я ведь за этим и пришла.

– Хорошо, – кивнул он. – Я все сделаю. Может, хотите исповедоваться?

И тогда ей придется рассказать этому чужому человеку все свои тайны, и даже то, что произошло сегодня утром.

– Я немного спешу сейчас, – с виноватой улыбкой произнесла она, пятясь к выходу, и на красивом лице преподобного мелькнула тень сомнения. Ну вот, еще и соврала священнику.

– Показать вам склеп Олдброков? – предложил он. – Если вы, конечно, найдете минутку.

– Да, – подумав, кивнула Джейн. – Да, я бы взглянула.

* * *

Фамильный склеп Олдброков возвышался позади скромных кладбищенских надгробий, даже издали пугая мрачным изваянием, вырастающим из каменного фасада. Святой Эдвард, высеченный из гранита, протягивал руку со скрюченными пальцами к Джейн и так злобно скалил зубы, словно хотел вырвать ее сердце и тут же его съесть.

– У него было копье, – пояснил преподобный. – Украли. Забавный факт: в склепе похоронен и волк. Тот самый, которого убил святой Эдвард.

– А сам он? Тоже здесь?

– Нет. Его останки захоронены под алтарем. В церковных архивах есть записи о чудесных исцелениях, произошедших благодаря мощам святого. Две записи, если говорить откровенно, – немного лукаво улыбнулся священник. – Святой Эдвард скорее воин, а не целитель.

Джейн кивнула, рассматривая тяжелую дверь, украшенную фамильным гербом. Мох покрывал доски, особо уютно чувствуя себя в углублениях резьбы, и оттого волчья голова получилась зеленой и

пушистой. Не задумываясь, Джейн протянула руку и погладила волка по шкуре из мха, а после взялась за потемневшее медное кольцо.

Холод пробежал по ее позвоночнику снизу вверх, и волосы на затылке встали дыбом. Пульс отчего-то участился. Впрочем, что удивительного? Она собирается спуститься в могилу к Максимилиану Олдброку, а ведь совсем недавно думала, что отправится с ним под венец. Каким же он был на самом деле, этот потомок человека, убившего волка, сам погибший от его зубов.

— Давайте я, — предложил священник, когда она застыла столбом. — Сюда редко ходят, заело.

Отпустив дверное кольцо, тихо легшее назад в ложбинку мха, Джейн продолжала прокручивать в голове очевидную аналогию, только сейчас пришедшую ей на ум.

Святой Эдвард убил волка. Какого-то особенного. Большого и матерого хищника, наводившего ужас на всю округу. А потом, вполне вероятно, его съел. Почему нет? Не самое вкусное мясо, но чего только не съешь в голодные времена. Кости оставил, чтобы похвалиться перед гостями. Или — кто знает — преисполнившись уважением к сильному зверю.

Не об этом ли она совсем недавно читала в рукописи мамы? Индейцы верили, что таким образом могут заполучить дух животного, убитого на честной охоте, завладеть его силой и смелостью.

Вождь Быстрый Охотник подстрелил орла. А после съел его и кости похоронил с почестями. Орел стал его частью, его тотемом. Вождь носил украшение из орлиных перьев с такой гордостью, словно это корона Британской империи. Он верил, что и сам теперь наполовину орел.

Жители Вуденкерса считают, что на Олдброках проклятие. Но индейцы полагали это величайшим даром — принимать облик тотемного животного. В их легендах такое благословение получали только лучшие воины, но иногда и целый род. Если это вовсе не легенды, то Олдброки на самом деле могут оказаться вервольфами? Но тогда Максимилиану не были страшны все волки в округе, раз уж он один из них.

— Я пойду, — выпалила Джейн, быстро отшатываясь от двери с волчьей головой, покрытой зеленым мхом.

– Но как же... – священник протянул к ней руку, точно пытаюсь удержать, но Джейн уже бежала по дорожке, плутающей между серых могильных камней.

Посмотрит она склеп в другой раз. Лежал тут Максимилиан Олдброк двадцать лет, подождет и еще денек.

Инспектор наверняка посмеется над ее размышлениями и выставит легковой дурочкой, но сейчас Джейн даже хотела этого. Пусть уверит ее, что миссис Олдброк с ее янтарными глазами – не матерая волчица. Пусть скажет, что на холмах орудует не вервольф, а какой-то злобный пес с не менее злобным хозяином. Пусть просто окажется рядом, ненароком поддержит под руку, улыбнется и посмотрит на нее своими зелеными глазами с заплутавшими в них солнечными искорками.

Только бы оказаться подальше от этого мрачного кладбища и фамильного склепа, могильный холод которого пробирал до костей, даже когда ты туда не зашел.

* * *

Мистер Эдверсон, как и остальные фигуранты этого дела, ничего не видел и не слышал и отвечал нехотя, цедя каждый ответ сквозь зубы, отменно белые и здоровые.

Вот бы пересчитать их ему на ринге.

Они с мэром никогда не были друзьями, предпочитая вежливое равнодушие, но сейчас, похоже, их пути пересеклись, и лишь один станет победителем.

Ральф видел, как мистер Эдверсон смотрел на Джейн, едва не облизываясь, как тянул к ней руки, как обращался по имени. А ведь они знакомы всего ничего! Откуда эта бесцеремонность, словно они близкие друзья или даже пара? Что, если это он писал те письма и поэтому мнит, будто Джейн – уже его?

– Напишите, пожалуйста, несколько строк, – попросил Ральф.

– Зачем? – искренне удивился мистер Эдверсон.

– Здесь я задаю вопросы.

– Не зарывайтесь, инспектор. Не забывайте, кто платит вам жалованье.

– Городская управа, а не лично вы. Я прекрасно помню об этом.

Мэр с отвращением придвинул к себе письменные приборы, макнул перо в чернильницу и принялся писать. Ральф наблюдал за ним, но, кажется, мистер Эдверсон не прилагал усилий, чтобы изменить почерк. Буквы появлялись из-под его пера стройными, одинаково округлыми, крепкими, как новобранцы, еще не вкусившие лиха солдатской жизни.

Отложив перо, мистер Эдверсон аккуратно встряхнул листок и протянул его Ральфу. А после встал и подошел к двери.

– Джейн – милая девушка, попавшая в сложную ситуацию, – сказал он, открывая кабинет и тем самым давая понять, что допрос окончен. – Ей нужен надежный мужчина рядом. Тот, кто позаботится о ней.

– Совершенно с вами согласен, мистер Эдверсон, – ответил Ральф, поднявшись с кресла и подойдя к мэру.

– Она достойна самого лучшего, – с нажимом произнес тот.

– И снова вы правы, – согласился он, задержавшись у двери.

Они постояли так, сверля друг друга взглядом, и мэр растянул губы в улыбке. Получилось плохо.

– Надеюсь, мы поняли друг друга, инспектор.

– Надеюсь, – кивнул он.

И вот теперь, стоя перед зданием мэрии, он читал несколько слов, выведенных мистером Эдверсоном: «Если вы не отступите, то сильно пожалеете об этом». Почерк был не тот.

Ральф скомкал лист и сунул его в карман брюк. Сперва миссис Олдброк пыталась ему угрожать, теперь мэр.

Он точно пожалеет об одном – если никогда больше не увидит тонкий рисунок под нежной грудью мисс Уокер. А от одной лишь только мысли, что его увидит кто-то другой, вроде напыщенного мэра с его скользкими манерами и наглой ухмылкой, зубы сжимались, а в глазах темнело от бешенства.

Выдохнув, Ральф перешел дорогу и поднялся на три дома выше по улице. Раз уж он здесь, надо закончить еще с одним делом.

У дома с резной дверью Ральф остановился и нервно пригладил волосы. Неловкая ситуация, но он должен узнать, зачем мисс Блювенгейз понадобилась его фотография. А заодно и выяснить отношения. Вернее, дать понять, что отношений нет и не будет.

Глава 10

В любви как на войне

– Мне искренне жаль тебя, Бетти, – сказала Кэтрин, лениво помешивая чай серебряной ложечкой.

Элизабет же сидела напротив, силясь понять, как оказалась в такой ситуации. Раньше она и подумать не могла, что посмотрит на полицейского с интересом – ее уровень гораздо, гораздо выше. Единственная дочь владельца лесопилок Вуденкерса, наследница, красавица. Все партнеры отца наперебой предлагали своих сыновей, но он ее не торопил и, уж конечно, не принуждал. Ведь главное, чтобы Элизабет была счастлива.

Мать относилась к отцу с легкой прохладцей, но он обожал и ее, и дочь. Элизабет видела свою будущую семью такой же и приготовилась снисходительно принимать ухаживания будущего мужа – инспектора Рейнфорда. Пусть он не богат, не влиятельного рода – это все мелочи. Главное – счастье Элизабет. А глядя в зеленые глаза мистера Ррр, она испытывала неведомое доселе чувство: в животе порхали бабочки и земля уплывала из-под ног. Выбор был сделан.

Однако красавчик-инспектор не спешил верить своей удаче. Элизабет дарила ему улыбки и нежные взгляды, задавала вопросы о делах и расследованиях, даже попыталась подружиться с его секретаршей – он вел себя вежливо, обходительно, но не сделал ни шага, чтобы сократить дистанцию между ними, а миссис Пампкин отчего-то смотрела на нее с жалостью, и от этого в груди Элизабет просыпалась яростная злоба.

– Право слово, ты бегаешь за ним, как собачонка, – добавила Кэтрин, промокнув губы салфеткой. – Смотришь влюбленными глазами, кормишь, зазываешь на вечера... Он хоть раз пришел к тебе?

Мистер Рейнфорд не пришел к ней ни разу, хотя Элизабет устраивала все эти ужины только ради него. Казалось, не хватает какой-то мелочи, легкого толчка, чтобы инспектор наконец понял – ему здесь рады, его ухаживания будут приняты, но раз за разом он ускользал из ее сетей, блеснув прохладной улыбкой.

– Если он выберет американку, – Кэтрин вздохнула, покачала головой, – ты станешь посмешищем всего города.

Когда только Кэтрин успела возненавидеть ее? Элизабет всегда относилась к подруге доброжелательно: давала советы, как лучше подать невзрачную внешность и замаскировать оттопыренные уши, она свела ее с управляющим лесопилкой отца и их помолвку можно считать решенным делом. Тот, конечно, неказист и старше на целых пятнадцать лет, но отец отчего-то ему благоволит.

Что и говорить, Элизабет даже одолжила ей свою горничную, которая делает прекрасные кремы для белизны кожи. Если бы не Элизабет, Кэтрин уже покрылась бы веснушками до самых кончиков оттопыренных ушей. И теперь она сидит напротив, в розовом кресле ее гостиной, цедит чай и смотрит на Элизабет с явным превосходством.

В дверь постучали, и служанка, открыв, произнесла:

– Да, мисс Блювенгейз дома, инспектор...

Сердце Элизабет затрепетало, как пойманная рыбка, и она прижала руки к груди.

– Сейчас, одну минуту... Мисс, – обратилась к ней служанка, заглянув в гостиную. – К вам инспектор Рейнфорд.

– Зовите, – выдохнула она. – И проводите мисс Гоглстен, она уже уходит.

– Вообще-то я еще не...

– Ты уходишь, Кэтрин, – твердо произнесла Элизабет, поднимаясь с кресла. – Прямо сейчас.

Как хорошо, что сегодня она надела это платье. Оно отлично подчеркивает и тонкую талию, и высокую грудь. Впрочем, она во всех платьях хороша. Но это станет ее любимым. Он пришел к ней. Сам. Без приглашения. Наконец-то понял, что пора... А может, рассмотрел ее по контрасту с американкой. Их вообще нельзя сравнивать! Невоспитанная лохматая девица, что едва не сшибает люстры головой, и нежная, утонченная Элизабет. Может, позвать мисс Уокер подружкой невесты? Впрочем, нет. Рядом с ней Элизабет будет казаться коротышкой. И Кэтрин тоже недостойна этой чести. Кто тогда? Мередит? Она простовата и бледновата, и еще и сутулится. Да, идеальный вариант.

– Мисс Блювенгейз, – склонил светловолосую голову инспектор, заходя в гостиную. – Мисс Гоглстен.

– Я собиралась уходить, – протянула Кэтрин, которая будто приросла своей пухлой задницей к креслу.

– Всего доброго. Я как раз надеялся поговорить с вами наедине, – сказал он, повернувшись к Элизабет, и в душе ее запели райские птицы.

Это будет предложение. Так сразу... Впрочем, чего тянуть? И так все понятно. Они объявят о помолвке, а после окончания зимы поженятся. Можно и раньше, но если она забеременеет сразу же, то злые языки начнут болтать всякое: вроде как спешная свадьба была вынужденным решением. Кэтрин так точно не упустит возможности уколоть ее побольнее. Мысль о брачной ночи обдала Элизабет таким жаром, что она опустила назад в кресло, не в силах устоять на ногах.

– Это... деликатный вопрос, – вздохнул он, садясь на диванчик и косясь на дверь.

– Понимаю, – прошептала Элизабет. – Вы можете спросить меня о чем угодно, инспектор.

Он кивнул, сцепил пальцы в замок, явно собираясь с духом.

Бедный. Так долго скрывал свою страсть, что теперь его прямо колотит. Можно жениться и сразу, раз ему так невтерпеж. Пусть болтают, что вздумается.

Входная дверь наконец захлопнулась, но мистер Рейнфорд, привстав, выглянул в окно убедиться, что Кэтрин ушла. Забавный. Элизабет улыбнулась. Так стесняется. Пусть бы даже Кэтрин присутствовала – Элизабет не стала бы возражать. Лишь бы увидеть, как превосходство в ее глазках сменяется завистью. Жалко, что он пришел без цветов. Надо будет потом деликатно ему намекнуть, что она любит лилии.

Инспектор постучал пяткой по полу, явно нервничая, а после опустил ладони на колени. Руки у него были такими сильными, мужскими, с длинными красивыми пальцами... Решившись, Элизабет пересела к нему на диван и взяла его ладонь.

– Ральф, – тихо произнесла она его имя. – Говорите же...

Он недоуменно глянул на нее, осторожно высвободил свою ладонь, а после и вовсе встал с дивана и отошел к окну.

– Мисс Блювенгейз, сегодня ночью произошло убийство.

Что? Какое еще убийство? Она нахмурила брови, пытаясь понять, что происходит.

– Погибла служанка миссис Олдброк. Выглядит все как нападение волка, однако... Я должен спросить вас кое о чем.

Элизабет молча кивнула. Прекрасное видение в ее мечтах, где она, в белом платье, с фатой и букетиком лилий в руках шла навстречу инспектору, ожидающему у алтаря, пошло рябью, точно от камня, пущенного в воду.

– Мистер Дидлби, фотограф, делал для вас мое фото. Это правда?

Кровь хлынула к ее щекам, и Элизабет снова кивнула, начиная понимать, что букет невесты останется там, в мечтах. Лилии все же смотрятся громоздко. Разве что одну в центр, а к ней дельфиниум...

– Вы отправляли кому-нибудь мое фото?

Она покачала головой.

– Могу я его увидеть?

Элизабет поднялась и, чувствуя себя марионеткой, которой управляет кто-то другой, сходила в свою спальню, взяла из стола фотографию и вернулась в гостиную. Мистер Рейнфорд лишь мельком глянул на карточку и кивнул.

– Прошу прощения, – произнес он. – Я вынужден был уточнить этот момент. Мисс Блювенгейз... Элизабет...

Она с надеждой вскинула на него глаза. Теперь-то он понимает! Не может не понять, что она к нему испытывает!

Мистер Рейнфорд взял фотографию из ее рук и спрятал в карман пиджака. Помнется...

– Вам не нужно мое фото, – сказал он твердо. – И я вам не нужен.

Поклонившись, он вышел. Вскоре входная дверь закрылась, и Элизабет вздрогнула от резкого звука. Стоя посреди гостиной, она вдруг увидела за окном мистера Рейнфорда. Он перешел дорогу, хмурый и все такой же невозможно красивый, и вдруг на лице его вспыхнула улыбка и весь он словно засиял от света, озарившего его изнутри. Не в силах сдержаться, Элизабет подошла к окну, чтобы увидеть, на кого он смотрит так, как никогда не смотрел на нее.

Мисс Уокер, с сумочкой и зонтом, в голубой шляпке со старомодными полями, шла ему навстречу. Мистер Рейнфорд тут же отобрал у американки зонт, что-то сказал и они оба рассмеялись, а

после пошли куда-то вместе, оставив Элизабет наедине с ее разбитым сердцем.

– Мисс, тут можно убрать? – спросила служанка, и Элизабет, повернувшись к ней, спокойно ответила:

– Конечно, Лизи, прибери тут все.

Ярость, приступы которой она испытывала так часто, никуда не делась. Но теперь Элизабет мало было переколотить сервиз или потопать ногами, как в детстве. Отец всегда умилялся ее характеру и говорил, что однажды она всем покажет... Что ж, он был прав. Ее гнев превратился в хищного злобного зверя, который хотел крови. И он ее получит.

* * *

– Давайте подытожим, – предложил Ральф, шагая бок о бок с мисс Уокер.

Ему не приходилось подстраиваться под ее походку: Джейн шагала уверенно и быстро, а не семенила, как, к примеру, мисс Блювенгейз. Глухая тоска грызла Ральфа после объяснения, но он надеялся, что не слишком ранил сердце Элизабет. Интуиция подсказывала ему, что эта девушка далеко не такой нежный цветок, каким пыталась казаться.

– Разве я выражаюсь непонятно? – возмутилась мисс Уокер, чуть задрав свой аккуратный носик.

– Что вы, Джейн, все очень понятно, – миролюбиво ответил он. – Святой Эдвард убил волка в честной охоте, съел его и похоронил со всем почтением, и тем самым исполнил индейский ритуал, после которого дух волка перешел в его тело. Верно?

– В вашем исполнении это звучит как-то не так, – проворчала она.

– А поскольку Эдвард был великим воином, то дух волка стал покровительствовать и всему роду Олдброков.

– Это ведь очень логично!

– Конечно, – с иронией подтвердил он, покосившись на девушку. – Это все объясняет.

– Не все на самом деле, – вздохнула Джейн. – Так и неясно, кто писал мне письма. И почему Максимилиана Олдброка загрызли волки,

если он сам наполовину волк. Но если миссис Олдброк – вервольф, то это она могла убить Марту.

– Да, вы говорили, служанка рассыпала вилочки, – покивал он.

– Посмотрите, – Джейн махнула рукой влево, где очередная жительница Вуденкерса обмазывала дверной косяк грязью, смешанной с кровью. – Эти ритуалы не могли появиться из ниоткуда. В городе Олдбровок считают проклятыми, я слышала.

– Если они вервольфы, то, выходит, не зря.

– В индейском племени с вами бы не согласились, – покачала она головой. – Это великая честь – получить способность обращаться в тотемного зверя.

– А ваш вождь имел духа-покровителя? – заинтересовался Ральф.

– Да. Его тотем – орел, я вам говорила. Быстрый Охотник один из самых ловких и метких мужчин, что я встречала. Стреляет белке прямо в глаз!

– Такого жениха упустили, – вздохнул он и поцокал языком, и Джейн, остановившись, с подозрением на него посмотрела.

– Вы ведь не принимаете всерьез мои слова, – поняла она.

– Боюсь, эта версия не кажется мне правдоподобной, – уклончиво ответил он. – Но мне очень интересно, продолжайте.

Рыжие кудряшки выбивались из-под шляпы, обрамляя лицо мисс Уокер. Он потянул за рыжую прядь, выпрямляя ее, и отпустил, и она снова завилась пружинкой. У мисс Блювенгейз тоже хорошие волосы – густые, русые, всегда тщательно уложенные. Идеально ровный пробор – словно под линейку. Если из прически и выбивались локоны, то аккуратно, с математической точностью подчеркивая линию шеи, и ему никогда не хотелось их потрогать. А вот мисс Уокер как-то так действовала на него, что хотелось немедленно распустить руки и потрогать ее всю...

– Вы ведете себя неприлично, инспектор, – одернула его Джейн.

– Зачем очередной удар зонтом? – предложил он. – У меня их осталось штук пять, не меньше. И пепельница.

– Что вы делали у мисс Блювенгейз? – спросила она вдруг.

– Я был там по делам, – ответил Ральф. – Кстати сказать, со всеми этими делами я с утра ничего не ел. Не составите ли мне компанию за обедом, мисс Уокер?

– У вас припасен очередной пирожок?

– С пирожками покончено.

Зря он не послушал миссис Пампкин и не сделал этого раньше. Словно гора с плеч!

Конечно, Ральф думал о мисс Блювенгейз как о возможной невесте. Это была выгодная партия, как ни посмотри, но брак с ней представлялся душной тюремной камерой. А вот с другой девушкой, яркой, спонтанной и рыжей, это могло бы стать настоящим приключением...

– Давайте зайдем в местный паб, – предложил он. – Не совсем подходящее место для леди, но вариантов нет. К тому же днем там пусто.

– С удовольствием, – ответила Джейн, улыбнувшись.

* * *

Кэтрин вернулась и вошла, не постучавшись, и Элизабет глянула на нее со всей надменной холодностью, на которую только была способна.

– Ты что-то зачастила ко мне, дорогая, – процедила она.

– Милая Бетти, мое сердце разрывается от горя, – сообщила Кэтрин, прижав руки к груди. – Не говори ни слова, я вижу все по твоему лицу. Так больно видеть тебя униженной, раздавленной...

Элизабет молча смотрела на нее, и Кэтрин продолжила вдохновенно вещать:

– Три года ты добивалась его, но он так и не сумел разглядеть в тебе ничего привлекательного. А в мисс Уокер влюбился с первого взгляда. Предпочел яркую красоту скромной утонченности. Знаешь, дорогая, он тебя недостоин...

– Ты права, – согласно кивнула она.

– Да? – не смогла сдержать удивления Кэтрин.

Брови ее, поднявшись вверх, скрылись под густой челкой. Круглые щечки, локоны, кружева – Кэтрин выглядела милой глупышкой, но Элизабет как никто другой знала, какая изощренная злоба кроется в этой голове с дурацкими бантиками. Поэтому она и приблизила ее к себе. Такую змею лучше держать на виду. А еще лучше – сделать ее своим союзником.

– Он, конечно, очень красив... – протянула Кэтрин.

– Внешность не главное в мужчине, – отмахнулась Элизабет, садясь на диван. – Папа давно мне это твердит, но я пропускала его слова мимо ушей. А сейчас понимаю, что зря.

– Ты не сможешь забыть того, кто забрал твое сердце, – неуверенно возразила Кэтрин, чувствуя подвох.

– Мое сердце все еще при мне, – заметила Элизабет. – Бьется там, где и положено.

– Оно кровоточит, израненное равнодушием...

– Другой мужчина исцелит эти раны, – нежно улыбнулась она. – К примеру, мистер Фелстон...

Кэтрин прищурила глаза и села в кресло напротив.

– Бетти, милая, – сказала она, улыбнувшись, но ее голос едва заметно дрогнул, – ты ведь знаешь, что мы с ним почти помолвлены...

– Да, – подтвердила Элизабет и притворно вздохнула. – Ты мне как сестра, дорогая, и отец, видя нашу близость, решил посодействовать твоему браку. А мистер Фелстон всегда готов порадовать начальника... Но куда с большей радостью он бы женился на его дочери. Ты понимаешь меня, Кэти?

Кэтрин стиснула зубы, так что выступили желваки, а после прошипела:

– Если ты расстроишь мою помолвку...

Элизабет улыбнулась, расправила юбку на коленях.

– Расстрою, – кивнула она. – Можешь не сомневаться. Я сама выйду за этого плешивого уродца. Если только...

– Чего ты хочешь?

– Не чего, – ответила Элизабет. – Кого. Представляешь, Ральф сказал, что не нужен мне. Но ведь это мне решать, не правда ли? А я решила, что именно он мне и нужен. Так что, милая Кэти, или ты поможешь мне стать миссис Рейнфорд, или я буду миссис Фелстон. Он не так уж плох. Отец очень его хвалит и даже собирается передать ему часть дел.

– Ладно, – с неприязнью выплюнула Кэтрин. – Я тебе помогу. Но ты ведь понимаешь, что появилась помеха...

Элизабет многозначительно изогнула бровь.

– Разберемся, – пообещала подруга.

Глава 11

Доктору виднее

Над входом в паб «Пасть и корона» висела деревянная вывеска с вырезанной на ней волчьей головой, зубья короны торчали из шерсти, точно рога. Внутри оказалось пусто, как и говорил инспектор, и до странного чисто. Свежевымытый пол влажно блестел, и аромат цветочного мыла почти заглушал пивной запах.

Девушка-подавальщица шустро накрыла деревянный стол свежей скатертью, расставила приборы и замерла в ожидании. Мистер Рейнфорд заказал картофельное пюре с телячьими ребрышками, а Джейн выбрала бифштекс с овощами.

Морс оказался приторно-сладким, и Джейн, отпив маленький глоток, отставила кружку в сторону.

– Здесь неплохо кормят, – сказал мистер Рейнфорд. – Вы не отравитесь.

– Напиток так себе, – заметила она. – Морс миссис Олдброк куда вкуснее. Его делают из ягод, что растут на холмах за домом.

Инспектор едва заметно помрачнел, и она добавила:

– Я была на месте убийства сегодня утром.

– Конечно, – пробормотал он. – Это ведь так сложно – остаться в стороне.

– Мне кажется, я как-то связана с Вуденкерсом, – призналась Джейн. – Я видела эти зеленые просторы во снах, я чувствовала запах травы и вереска, я уже была здесь.

– Дежавю. Знаете, что это?

– А вы понимаете, что с таким подходом не раскроете дело? – поинтересовалась она. – Я, в конце концов, тоже подозреваемая! А вы отметаєте все мои слова как несущественные.

Мистер Ррр откинулся на спинку стула и пристально посмотрел на Джейн.

– Поверьте, мисс Уокер, я отношусь к вам очень серьезно, – с бархатными интонациями в голосе сообщил он. – Так серьезно, что самому страшно.

– Это очень подозрительно, согласитесь: в город приезжает чужестранка, и тут же происходит убийство.

– Там было животное. А вы прибыли без собачки, не так ли? Или вы полагаете, что сами загрызли бедную Марту. Простите, Джейн, в это я поверить не могу.

подавальщица принесла еду, и они замолчали, пока та не ушла на кухню. Джейн отрезала кусочек бифштекса, макнула его в соус и положила в рот. Мясо было сочным, хоть и жестковатым, но она почти не чувствовала вкуса. Тревога грызла ее изнутри, как не раз бывало перед неприятностями.

– Моя интуиция говорит, что все только начинается, – мрачно сообщила Джейн.

– Еще и интуиция, – вздохнул инспектор, ловко расправляясь с ребрышками. – Хотите попробовать? Отлично получились.

– Давайте, – согласилась она, и Ральф переложил ей одно на тарелку. – Мне вообще кажется, что все в этом городе очень подозрительные. Миссис Олдброк. Приютила незнакомку и заботится обо мне, как о родной.

– Гостеприимная, великодушная женщина, – сказал инспектор. – Хоть я ей и не нравлюсь. Это странно, согласен.

– Угрюмый садовник с мрачным взглядом. Молчит, смотрит, хмурится.

– Обычный работяга. Такие не любят болтать попусту.

– Кухарка. Она из Индии, похоже. Что привело ее сюда?

– Покойный мистер Олдброк привез ее в свое последнее возвращение. Она так сказала. Индия – бедная страна. Здесь Ноирин получила спокойную сытую жизнь.

– Мэр, мистер Эдверсон. Он слишком явно проявляет симпатию ко мне, – покачала головой Джейн и впила зубами в ребрышко. – Вы правы, очень вкусно, – добавила она, прожевывая.

– В том, что вы ему понравились, нет ничего странного, – заметил инспектор, огладив ее взглядом. – Вы очень привлекательная девушка, Джейн.

– Благодарю, – сказала она. – Но все же он не пылкий юноша, а немолодой мужчина...

– Почти старик, – охотно согласился мистер Рейнфорд.

– Наверняка богат...

– Не факт.

– При должности...

– Все эти должности – такая скука. Наверняка перекладывает бумажки с одного места на другое – вот и вся работа.

– А я, прямо скажем, не самая выгодная невеста.

– Брак не должен строиться на выгоде, – сказал он. – Но я соглашусь с вами, что мэр – очень подозрительный. Вам не стоит оставаться с ним наедине. Лучше не общайтесь с ним вовсе.

– А еще вы, инспектор.

– Меня можно исключить из подозреваемых, – заверил он.

– Ваше фото в тех письмах, осведомленность о деле Олдброка, ваша готовность помочь...

– Это моя работа, Джейн.

– Ваша физическая форма, – добавила она, и инспектор не смог сдержать довольной улыбки. – Я пыталась взобраться на стену – это сложно. Похоже, у вас большой опыт.

Он помолчал, поковырялся вилок в пюре, подбирая слова.

– Жизненный опыт должен быть у каждого мужчины. У меня его достаточно, чтобы понять, какая вы необыкновенная девушка, Джейн.

– Вот. Это тоже очень подозрительно. Я только появилась, и вы вдруг... говорите такое. Все дело в том, что я побила вас при первой встрече? Это произвело на вас неизгладимое впечатление? – Джейн улыбнулась, пытаясь перевести разговор в шутку.

– Возможно, – не стал отрицать инспектор. – А может, дело в том, что я хочу внимательнее рассмотреть вашу татуировку и не вижу иного способа, как только начать всерьез ухаживать за вами.

Он посмотрел прямо ей в глаза, и Джейн, смутившись, опустила ресницы.

После обеда мистер Рейнфорд сказал, что ему надо навестить доктора, чтобы узнать, что дал осмотр тела, и предложил Джейн отправиться с ним, раз уж она, как сама заявила, связана с этим делом.

Может, он просто бабник, решивший поухлестывать за американкой. А может, и вправду подозревает ее, и поэтому держит на виду. Но Джейн нравилось думать, что ему просто не хочется с ней расставаться.

Оставив Джейн ждать в приемной, Ральф спустился вместе с доктором в мертвецкую, расположенную в подвальном помещении. Остро пахло спиртом и немного – застарелым перегаром, но Ральф даже был этому рад – другие запахи позорно отступили. Свет проникал через частые оконца у потолка, полосую холодную белую комнату. Тело несчастной Марты, прикрытое белой простыней, лежало на лавке в одном из солнечных пятен, и Ральф с трудом отвел от него взгляд. Поежившись от холода, он подошел к стеллажу, стеклянные дверки которого были открыты, протянул руку к черепу...

– Не трогайте, – строго предупредил доктор. – Гипс еще не высох.

Нехотя убрав руки за спину, Ральф с интересом посмотрел на череп животного, лежащий на полке.

– Я замерил следы зубов, оставшиеся на теле, – пояснил доктор. – Посчитал угол, расстояние и сделал слепок челюсти. А потом немного увлекся.

– У вас прекрасно получилось, доктор Филиппс, – не покривил душой Ральф. – Такое чувство, будто это далеко не первый ваш череп.

– Так и есть, – подтвердил он. – Несколько моих статей о краниологии, науке, изучающей черепа, даже были опубликованы в «Медицинском вестнике». Хоть, боюсь, я и не совершил прорыва в науке. Однако для наших целей мое хобби очень кстати. Взгляните сюда, – доктор провел пальцем вдоль изгибающегося клыка, – это определенно волк. Матерый, крупный хищник.

Ральф с нарастающей тревогой смотрел на зубы, слепленные из гипса. Тело женщины, ставшей жертвой этих клыков, лежало позади.

– Точно волк? Не собака?

Версия с убийцей, натравившим на жертву пса, трещала по швам.

– Слишком длинные клыки. Три дюйма. Это и для волка рекорд. Однако... – в голосе доктора послышалась растерянность. Он потер подбородок, цыкнул зубом.

– Что-то не так?

– Есть одна аномалия, – вздохнул он. – На теле жертвы множество ран, следы укусов, один из них особенно четкий, по нему я и сделал этот слепок. Понимаете, инспектор, на верхней челюсти волка должно быть двадцать зубов, если, конечно, часть из них он не потерял, – доктор указал на зияющую дырку в гипсовых зубах. – У нашего отсутствуют два моляра слева.

– И общее количество зубов меньше, чем положено, – быстро подсчитал Ральф.

– Верно, – кивнул доктор. – Это странно. Если бы след укуса не был таким четким, я бы предположил, что сначала жертву укусил человек. Хотя челюсти человека уже и не раскрываются под таким углом...

Он пожал плечами и отошел к столу. Взяв лист бумаги, исписанный едва разборчивым почерком с сильным наклоном вправо, протянул его Ральфу. Почти привычно сравнив его с почерком отправителя писем, Ральф мысленно вычеркнул доктора из списка подозреваемых в деле мисс Уокер.

– Значит, аномально беззубый волк? – уточнил Ральф.

– Выходит, что так, – ответил доктор не слишком уверенно.

– А может ли этот волк, или кто бы то ни было, оказаться тем же, что убил Максимилиана Олдброка?

– Они живут лет десять, а между нападениями прошло в два раза больше времени.

– Если только не поверить в сказки Вуденкерса о вервольфах, – добавил Ральф, но доктор Филиппс посмотрел на него с такой иронией, что ему стало стыдно.

– Есть еще кое-что, инспектор.

Встав, доктор подошел к телу и сдвинул простыню в сторону.

– Синяки на предплечье, – указал он пальцем на красноватые отпечатки. – Гематомы едва успели сформироваться. Совсем свежие. Кто-то очень сильно схватил ее за руку незадолго до смерти.

– Там был человек, – с облегчением понял Ральф, которого разговоры о волке совсем сбили с толку.

– Мужчина, – подтвердил доктор. – Или женщина с крупными руками.

Он приложил руку к бледному предплечью, растопылив пальцы. Ладони доктора Филиппса были широкими, с длинными крепкими пальцами, поросшие короткими жесткими волосками, и ложились на синяки, оставленные на теле жертвы, идеально.

– На втором предплечье то же самое, – добавил он.

– Кто-то схватил ее, – понял Ральф.

– Вероятно. На щеке также небольшой отек от удара, но тут я не могу сказать точно. Может, она ушиблась при падении. В заключении

полный перечень повреждений. Первоначальная версия подтвердилась. Смерть от кровопотери.

– Благодарю.

Бросив последний взгляд на тело, Ральф направился к двери.

– Внучка миссис Олдброк очень мила, – сказал доктор, и Ральф, уже взявшийся за ручку двери, застыл.

– Что вы сказали? – пробормотал он.

– Рыженькая мисс, что пришла с вами. Она стояла на крыльце рядом с миссис Олдброк, когда мы уезжали, и я сразу обратил внимание на фамильное сходство, – пояснил доктор. – Я всячески порицаю внебрачные связи. В моей профессии часто приходится сталкиваться с нежелательными последствиями таковых. Если бы все блюли целомудрие, а потом верность в браке, то мне куда реже пришлось бы рассматривать язвы на гениталиях... Но в данном случае я рад, что Максимилиан Олдброк успел оставить потомство. Это грустно, когда род угасает.

– Они ведь совсем не похожи! – воскликнул Ральф, обернувшись. – Мисс Уокер рыжая, с голубыми глазами...

– Издержки моего хобби, – улыбнулся доктор, продемонстрировав желтоватые от табака зубы. – Я сразу подмечаю такие детали: расстояние между глазами, форма челюсти, угол лба. Готов поспорить, она ее внучка, или, по крайней мере, находится в близком кровном родстве. Уверен, в ближайшее время старуха объявит ее наследницей.

– Вот как, – только и смог пробормотать он.

– Полагаете, это важно в вашем деле?

Доктор Филипс заботливо укрыл простыней плечо Марты со следами синяков.

– Я не знаю, – честно сказал Ральф.

Он вернулся в приемную на первом этаже, и Джейн поднялась ему навстречу.

– Узнали что-нибудь интересное? – спросила она.

Угол лба? Челюсть? Перед ним стояла красивая девушка, и Ральф, хоть убей, не находил в ней сходства с угрюмой старухой. Доктор Филипс ошибается. Он проспиртовался насквозь, как лабораторная лягушка, его словам нельзя доверять!

– Доктор считает, что миссис Олдброк ваша бабушка, – выпалил он.

Голубые глаза мисс Уокер расширились, она покачнулась, и Ральф быстро обнял ее, не давая упасть. Похоже, он совершенно не умеет сообщать важные новости.

* * *

Джейн молча шла рядом с инспектором, а тот иногда поглядывал на нее с искренним беспокойством в глазах.

– Хватит так на меня смотреть, – проворчала она наконец.

– Как – так? – уточнил он, явно обрадованный тем, что затянувшаяся пауза прервалась.

– Как будто вот-вот потрогаете мой лоб или прикажете одеваться потеплее.

– Как заботливая бабушка? – невинно уточнил он, и Джейн сжала зубы так, что те едва не закрипели. – Понял, пока рано шутить над этим, – быстро добавил Ральф. – Джейн, но ведь это так очевидно и логично! Вот что связывает вас с Вуденкерсом! Вот почему миссис Олдброк заманила вас в поместье!

– Почему было не написать как есть? – растерянно спросила Джейн. – Зачем выдумывать жениха?

– Женская логика, если она вообще существует, очень странная штука, – глубокомысленно произнес инспектор, и Джейн в шутку замахнулась на него зонтом. – Допустим, миссис Олдброк решила, что к будущему мужу вы поедете куда с большей охотой, чем к пожилой женщине. Или она не была уверена в вашем родстве. Захотела убедиться.

– Не смейте говорить ничего такого, что бросает тень на мою мать! – возмутилась Джейн.

– Вы допускаете, что ваш отец – не ваш отец? – прямо спросил мистер Рейнфорд, забирая ее зонт.

Джейн молчала не меньше квартала, меряя шагами брусчатку улицы. Поднялся ветер, принес с собой запахи леса и сухие листья. Небо над городом пока оставалось чистым, но на горизонте собрались тучи, изредка перечеркиваемые вспышками молний. Вечером будет дождь.

– Да, – сказала Джейн. – Да, я допускаю. И ситуация, в которой он решил помочь женщине, попавшей в беду, кажется мне очень правдоподобной. Он видел в этом свою миссию – спасти заблудшие души.

– Как они познакомились?

– Мама говорила, что они приплыли из Ирландии вместе. Впрочем, они могли познакомиться уже на корабле. Допустим, Максимилиана убили и мама решила уехать и начать новую жизнь подальше от Олдброков.

– Она ничего об этом не рассказывала? Вы не слышали от нее раньше о Вуденкерсе?

– Нет, никогда, – вздохнула Джейн.

А в памяти всплыли сказки, которые мама рассказывала на ночь. Они отличались от проповедей, что читал отец, как цветущая вишня от прошлогодней травы. Полные красочных описаний и деталей, они оживали в воображении Джейн, и она будто бы сама становилась девочкой, убегаящей от волка. Толстая коса била по спине между лопаток, тяжелая корзинка оттягивала руку, а позади слышался треск веток и частое дыхание... Ей всегда удавалось сбежать. Чудовище оставалось позади, и она слышала его вой, полный боли и тоски.

– Очень жаль, – сказал инспектор. – Возможно, она была свидетельницей убийства и могла пролить свет на детали преступления.

– Я так не думаю, – неуверенно произнесла Джейн.

– Джейн, вам надо поговорить с миссис Олдброк начистоту, – твердо сказал мистер Рейнфорд. – Хватит загадок. В поместье произошло убийство, вам может грозить опасность. Если она ваша бабушка, то должна позаботиться о вас.

– Бабушка, – медленно повторила она, смакуя это слово: такое теплое, как вязаный свитер, с запахом варенья и блинчиков, ласковое и уютное, и совершенно не подходящее миссис Олдброк. Джейн покачала головой. – Я не могу в это поверить.

– Когда ваш день рождения?

– Двадцать третьего июля.

– Вам исполнилось двадцать совсем недавно. И если подсчитать обычную длительность беременности... – Он нахмурил темные брови, принялся загибать пальцы. – Все сходится.

– Если я действительно дочь Максимилиана, значит... – Дыхание ее сбилось, а в голове набатом застучала пугающая мысль. Джейн остановилась, повернулась к инспектору, ошарашенная догадкой.

– Джейн, не стоит так волноваться, – поспешил он ее успокоить. – Даже если ваш биологический отец не тот, кого вы привыкли им считать, вы остались все той же...

– Я вервольф, – выдохнула она и оттолкнула руку инспектора, обвившуюся вокруг ее талии. – Хватит меня обнимать! Еще и на улице!

– Во-первых, я решил, что вы сейчас снова попытаетесь грохнуться в обморок, – пояснил он, нехотя убирая руку. – А во-вторых, уточните, пожалуйста, значат ли ваши слова то, что в помещении мне можно вас обнимать?

– Я вервольф, – потерянно повторила Джейн, вновь идя по улице.

Все эти сны, наполненные ощущениями, вкусами и запахами, разорванная сорочка, непонятный приступ – все складывалось в одну картину, и Джейн зажмурилась и помотала головой, не желая смотреть на нее.

– Мисс Уокер, – окликнул Ральф, догоняя ее, – вы ведь родились в просвещенной стране. Вы проявили себя как женщина, способная мыслить здраво.

Она вновь остановилась и посмотрела ему в глаза.

– Вы не можете превращаться в животное, – с едва сдерживаемым раздражением произнес он. – Это ненаучно, абсурдно и абсолютно невозможно.

– Мистер Рейнфорд, – произнесла она и покусала губы, набираясь решимости. – А что, если это так? Что, если это я убила бедную Марту?

Она всхлипнула, и лицо инспектора расплылось от слез, набрякших в ее глазах.

– Джейн, – он приобнял ее за плечи. – Не говорите ерунды.

Она моргнула, слезы сбегали по щекам, и красивое лицо инспектора вновь обрело четкость.

– Мистер Рейнфорд, Ральф, – его имя оказалось так приятно произносить: твердое и мягкое одновременно, сильное и нежное, уверенное и ласковое, и она повторила еще раз: – Ральф. Я хочу попросить вас кое о чем.

– Что угодно, Джейн, – сразу согласился он.

– Вы могли бы провести со мной ночь сегодня? – выпалила она, глядя ему в глаза.

Инспектор опешил, и его темные брови удивленно приподнялись.

– Так мы сможем убедиться, что я обычный человек, – поспешно пояснила Джейн. – Я смогу снять с сердца груз сомнений. Да, звучит невероятно, но если я – Олдброк, то проклятие могло пасть и на меня. Вы можете не верить, но я убеждена, что в нашем мире есть вещи, которые не объяснить обычной логикой.

– Разумеется, – кивнул Ральф, возвращая самообладание. – Действительно, лучше убедиться. Чтобы без сомнений. Мало ли...

– Спасибо, – от души поблагодарила его Джейн, вновь шагая рядом с ним по улице Вуденкерса. – Мне так неловко обременять вас, инспектор... Не знаю, как вас благодарить.

– Меня это вовсе не затруднит, мисс Уокер, – сказал он, слегка улыбнувшись.

Глава 12

Пропавшая курица и ненависть

Как только Джейн и инспектор вошли в полицейский участок, им навстречу поднялась пожилая дама в коричневом платье, подпоясанном кокетливым серебристым ремешком.

– Мистер Рейнфорд! Случилось ужасное! – возвестила она, бухнув потрепанную кожаную сумку на стол.

Миссис Пампкин, сидящая на своем рабочем месте, вытащила из-под сумки исписанный лист бумаги и демонстративно закатила глаза.

– Мою Симону похитили! Ее убили, я чувствую! – продолжила стенать женщина.

– Еще одно убийство? – испугалась Джейн.

– Она такая доверчивая! Ласковая! – стащив с головы соломенную шляпку и прижав ее к груди, сообщила гостя. – Клевала зернышки у меня с руки и хоть бы раз оцарапала. А перышки нежные, гладкие, чистый шелк!

– Я сделаю чай, – сказала миссис Пампкин и, проходя мимо инспектора, шепотом добавила: – Нет уже сил это слушать.

– Миссис Бервиль, успокойтесь, – попросил мистер Рейнфорд и, глянув на стол, сказал: – Миссис Пампкин уже оформила ваше заявление, я обязательно с ним ознакомлюсь.

– Сделала все в лучшем виде! – донеслось до них из глубины дома. – Но особые приметы полностью запротokolировать не удалось.

– Да, – подтвердила миссис Бервиль и, схватив инспектора за рукав, с придыханием пробормотала: – Черные перья, такие блестящие, что в них можно смотреться, как в зеркало. Шесть зубчиков на гребешке. Походка точно у королевы: важная, неспешная.

Приосанившись и вернув шляпу на макушку, миссис Бервиль медленно прошла по приемной, слегка растопырив локти.

– Но главное... – остановившись посреди комнаты, женщина откашлялась, приподняла подбородок. – Кооо-ко-ко-ко. Я узнавала ее по голосу. Очень нежный тембр для курицы! Симона была моей любимицей. Сидела со мной на крылечке. И теперь, стоит мне

представить, что кто-то жестоко вонзил нож в ее доверчивое сердечко...

Вынув из объемной сумки платок, женщина шумно в него высморкалась.

– Миссис Бервиль, – инспектор осторожно похлопал ее по плечу. – Не стоит так горевать. Куриный век недолог...

– Я знаю, кто убил Симону, – с яростью прошипела женщина сквозь зубы. – Это миссис Хокинс. Ей моя Симона как кость поперек горла. Классический черный орпингтон. Вот увидите, за этой породой будущее. А вовсе не за ее полудохлыми пеструшками, которые едва толще голубя. А может, – глаза ее прищурились с подозрением, – это могла быть и миссис Доуксон. Две старые клячи заодно!

– Послушайте, миссис Бервиль, сейчас начинается волчье время, – произнес инспектор, сохраняя невозмутимое выражение лица. – Скорее всего, вы не первая жертва ритуала...

– Пятая на сегодня, – выкрикнула из кухни миссис Пампкин.

– В Вуденкерсе верят, что таким образом можно защититься от волка, который приходит из леса, – продолжил мистер Рейнфорд, быстро глянув на Джейн. – Вы уже знаете, что в поместье Олдброков произошло убийство?

– Слышала, – кивнула миссис Бервиль. – Как не слышать. Бедная Марта.

– Если случится так, что жизнь вашей Симоны спасет какого-нибудь человека, неужели это не большее, на что только способна курица?

Миссис Бервиль умолкла и нахмурилась, пытаясь осознать слова мистера Рейнфорда.

– Если Симона совершит такой подвиг, пусть и ценой своей собственной жизни, то наверняка это зачтется ее хозяйке на Страшном Суде, – добавила миссис Пампкин, возвращаясь в приемную с подносом в руках. – Джейн, пойдете-ка в гостиную, там меньше дует.

Кивнув, Джейн пошла за секретаршей мистера Рейнфорда, оставив того наедине с безутешной хозяйкой Симоны. Женщина продолжила страдать, но уже без первоначального надрыва.

– Похолодало, – заметила миссис Пампкин, ставя поднос на столик и вынимая из громоздкого шкафа плед. – А вы, Джейн, непривычная к холоду и сырости, так?

– Пожалуй, – согласилась Джейн, хотя особой тоски по пыльным прериям и жаре она не испытывала. В прохладной Англии ей словно дышалось свободнее. Ничего удивительного, если ее корни здесь, а сама она – вервольф. Прикусив губу, чтобы не расплакаться, Джейн уткнулась в чашку чая, поданного добросердечной секретаршей инспектора.

– Что за день, – вздохнула та, укутав Джейн пледом и взяв чашку и себе.

– Коооо-ко-ко-ко, – донеслось из приемной.

– Увы, мне так и не удалось убедить миссис Бервиль смириться с утратой, – добавила секретарша. – Остальных получилось пристыдить, усовестить, ведь куда это годится – отнимать время на поиски кур, когда инспектор занят расследованием убийства.

– А вы что думаете по поводу Марты? – осторожно спросила Джейн.

– Рано делать выводы, – уклончиво ответила миссис Пампкин. – Я пока не успела ознакомиться с наблюдениями мистера Рейнфорда. Он должен запротоколировать все детали, с утра я все прочитаю, и вот тогда...

– Он вам позволяет?

– Нет, конечно, – улыбнулась миссис Пампкин. – Но мы ему не скажем, правда?

Джейн кивнула. Чай пах малиной и медом, плед был теплым и мягким, и она немного успокоилась.

– Мое предложение о переезде все еще в силе, – добавила женщина. – Я вижу, вы сама не своя из-за убийства. Вам наверняка будет спокойнее здесь, чем в поместье.

Джейн обвела взглядом гостиную, которой явно пользовались нечасто: зеленые шторы в мелкий рубчик, темная мебель укрыта чехлами, на комодѣ фотография в рамке: толстый румяный мужчина с заливчатскими усами, а рядом с ним миссис Пампкин, моложе лет на десять и очень счастливая.

– Мы жили здесь с мужем, но после его смерти я переехала, – сказала она ровным тоном. – Наверху две спальни, кухня и ванная. Конечно, если вы останетесь в одном доме с мистером Ррр и об этом станет известно, то наши кумушки из книжного клуба сточат себе все языки.

Джейн кивнула. Это стало таким неважным: чужое мнение, сплетни, слухи. По сравнению с тем, что она, возможно, чудовище, весь книжный клуб во главе с мисс Блювенгейз выведенного яйца не стоил.

– Мистер Рейнфорд ведь инспектор полиции, – сказала она неуверенно. – Это почти как доктор.

– Ну да, ну да, – с долей иронии согласилась миссис Пампкин. – Это он вам так сказал? Джейн, я могу выделить вам диван в своей гостиной. Я живу вниз по улице, дом совсем маленький, но мы сможем сделать так, чтобы вам было удобно.

– Спасибо, вы очень добры, – улыбнулась Джейн через силу. – Но я вернусь в поместье. У нас с миссис Олдброк остались нерешенные вопросы.

Она припрет ее к стенке. Она заставит ее рассказать все!

– Взять вам кеб? – миссис Пампкин, встав, сдвинула штору и, махнув рукой и разогнав поднявшееся облачко пыли, обеспокоенно посмотрела в окно. – Вот-вот начнется гроза. Вы видели молнии над лесом?

В подтверждение ее слов вдалеке прогрехотал раскат грома. Хлопнула входная дверь, а следом в гостиную вошел инспектор.

– Не надо кеб, – сказал он. – Мы с мисс Уокер еще должны кое-что выяснить.

Он сел в свободное кресло напротив и взял чашку в ладони.

– Миссис Бервиль забрала заявление, – сообщил он тоном победителя.

– Как вам это удалось? – с искренним восхищением спросила секретарша.

– Сочувствие, внимание и шантаж. Я спросил, чьей кровью она обмазала свой порог, и глазки миссис Бервиль так и забегали.

– Наверняка и ваша харизма подействовала, – чуть завистливо сказала миссис Пампкин. – Что ж, – она перевела взгляд с инспектора на Джейн и обратно, – если вы не против, мистер Рейнфорд, я пойду домой. Столько дел... И дождь вот-вот начнется...

– Конечно, – кивнул он. – Доброго вечера.

– И вам тоже, обоим, – многозначительно добавила она и быстро ушла. Дверь снова хлопнула, а после Джейн услышала, как в замке повернулся ключ.

– И вот мы одни, – произнес инспектор Рейнфорд, глянув на Джейн. – С чего начнем?

– Что вы имеете в виду, инспектор? – подобралась Джейн.

По окнам застучали первые капли, в комнате сгустился сумрак, и то, что они с Ральфом остались наедине, чувствовалось остро, как приближение грозы.

– Нам надо убедиться, что вы – не волк, – невозмутимо пояснил он. – Полагаю, должны найтись какие-то отличия. Я мог бы провести полный осмотр...

– Не надо, – выпалила Джейн. – Инспектор, вы не могли бы зажечь лампы?

Поднявшись, он зажег светильники, развешанные по стенам. Теплый свет разогнал сгустившиеся тени, но лучше не стало: вернувшись к Джейн, мистер Рейнфорд заботливо подтянул ее плед и будто ненароком провел по руке.

– Вы дрожите? – заметил он. – Возможно, это признак скорого обращения?

– Я просто слегка замерзла, – буркнула она. – Инспектор, вам разве не надо заняться работой? Составить какой-нибудь отчет, перечитать показания свидетелей, подумать...

– Надо, – вздохнул он с долей сожаления. – Принести вам что-нибудь к чаю?

– Да, – кивнула Джейн. – Благодарю.

Мистер Рейнфорд ушел из гостиной и вернулся с миской песочного печенья и кипой бумаг. Устроившись в кресле напротив и пристроив плотную папку на подлокотнике, он принялся что-то писать, иногда заглядывая в бумаги или ненадолго прерываясь, чтобы подумать. Он прикусывал кончик ручки и хмурился, а после возвращался к записям с новым энтузиазмом. Джейн таскала печенье из миски, пила чай, а когда на стол лег первый свежеисписанный лист, взяла его с молчаливого согласия инспектора.

– Если бы вы отправляли те письма, у нас бы ничего не вышло, – заметила она. – Вы так сухо все излагаете. Никаких эпитетов!

– Это полицейский отчет, а не любовное письмо, – ответил он. – Впрочем, вы правы, в эпистолярном жанре я не силен.

– А в чем сильны? – поинтересовалась Джейн и тут же осеклась, поймав на себе взгляд инспектора, такой жадный и жаркий, что она

невольно покраснела.

– Я неплохо играю в шашки, – усмехнулся Ральф, снова опустив взгляд в бумаги. – Вы покраснели, мисс Уокер. Теперь вас бросило в жар? Волк уже близко?

– Вы ведь не верили в возможность этого, – сказала она. – Отчего так быстро согласились... понаблюдать за мной этой ночью?

– Мне куда спокойнее, когда вы под присмотром, – признался он, отрываясь от бумаг. – А все эти вервольфы, ритуалы и краденые курицы – одна сплошная мистификация.

Джейн взяла следующий лист, лежавший на столе, и прочла показания мэра, чье имя на самом верху было подчеркнуто дважды.

– Вы подозреваете мистера Эдверсона? – спросила она.

– Он мой главный подозреваемый, – не стал отрицать Ральф. – Есть причины считать, что Марту и Максимилиана Олдброка убил один и тот же человек.

– Место гибели?

– И характер повреждений. Мистер Эдверсон вхож в семью Олдбровов, он хорошо знал Максимилиана. Грэгори убил его по какой-то причине, а после замаскировал это под нападение волка.

– Он что, изгрыз его тело? – ужаснулась Джейн. – Совсем псих?

– Если и не был им, то после наверняка тронулся, – кивнул Ральф. – Знаете, Джейн, мне даже нравится эта версия. Что, если потом он возомнил себя настоящим волком?

Он вскочил с кресла и в воодушевлении принялся мерить ногами комнату.

– Дело было так: два друга что-то не поделили. Возможно, женщину. Вероятно, вашу матушку. Если вы на нее похожи, она была само очарование.

– Спасибо, – пробормотала Джейн.

– После ужина Максимилиан решил проводить друга, а тот предложил прогуляться и поговорить. А сам, заведя его в укромное местечко, пырнул ножом.

– Было ножевое ранение?

– Необязательно. Допустим, мистер Эдверсон толкнул Максимилиана, и тот неудачно упал и ударился головой о камень. Мало ли. Миссис Олдброк забрала тело, не дав доктору толком его осмотреть.

– Потому что Максимилиан был вервольфом, – кивнула Джейн. – И она не хотела, чтобы доктор заметил что-нибудь необычное.

– Мое предложение осмотреть вас все еще в силе, – напомнил инспектор.

– Вы все же не доктор.

– Но я буду очень внимателен и не пропущу ни дюйма вашего тела.

– Очень любезно с вашей стороны, но нет, – категорично отказалась Джейн, сердито кутаясь в плед.

– Так вот, – продолжил Ральф, с улыбкой отведя взгляд от Джейн, и снова принялся расхаживать по комнате. – Грэгори убил Максимилиана. Навыков прятать тело у него нет. Он понимает, что труп найдут быстро. Он в панике. Возможно, убийство было не запланированным, а спонтанным. Ссора, драка, у Грэгори не было плана. А тут вдали воет волк.

За окном прогрехотал раскат грома, и комнату осветила вспышка молнии. Джейн вздрогнула, будто воочию представив себе произошедшее на холме. Мужчина над бездыханным телом, россыпь звезд на черном небе, а над холмами несется волчий вой. Грэгори Эдверсон, еще совсем не седой, вгрызается в горло мертвого друга, а после отрывается от него и смотрит на Джейн, и черная кровь течет у него по подбородку...

Она поежилась и покачала головой.

– Нет! Невозможно! Я не могу в это поверить!

– А в то, что вы – вервольф, значит, можете, – с сарказмом заметил Ральф.

Он вышел из гостиной, и через минуту вернулся с листком бумаги.

– В заключении доктора Филипса есть кое-что очень интересное. Укусы животного, ладно. Но отчего количество зубов совпадает с человеческими?

– Что? – удивилась Джейн и, вскочив с кресла, выхватила лист у инспектора. Быстро пробежав взглядом по строчкам, она подняла глаза на Ральфа. – Это точно вервольф, – прошептала она. – И это не я.

Она радостно рассмеялась и порывисто обняла инспектора, но после быстро отпрянула.

– У него не хватает зубов слева! – воскликнула она. – А у меня все на месте, посмотрите!

Она открыла рот, провела языком по зубам.

– У вас отличные зубы, мисс Уокер, – улыбнулся Ральф. – Но у меня другая версия.

– Какая же? У человека не может быть клыков длиной в три дюйма, не так ли?

– Человек, убивший лучшего друга и изодравший его тело зубами, получил психическую травму, которая не могла пройти бесследно, – сказал инспектор. – Я полагаю, он возомнил себя волком. Вервольфом. Не в силах принять, что он сделал это сам, убийца решил, что в нем живет неподвластная ему темная сторона.

– Клыки, инспектор, клыки.

– После, перед убийством Марты, он сделал их себе сам. Что-то вроде искусственной накладки на зубы.

– На месте преступления была шерсть, – сказала Джейн. – Я видела ее в списке улики.

– Надевает волчью шкуру, – пожал плечами Ральф.

– Значит, по Вуденкерсу ходит человек в волчьей шкуре и с накладными зубами, воображающий себя вервольфом? – подвела итог Джейн.

– Милый городок, – сказал инспектор. – Мне он все больше нравится.

– Это ужасно, – покачала она головой.

– И, кстати, тот волк, которого я подстрелил...

– Что с ним?

– Его забрал мистер Эдверсон, – сказал Ральф. – Якобы для музея города. Вот только в Вуденкерсе нет никакого музея.

Джейн потрясенно молчала, осмысливая сказанное.

– Мисс Уокер, вы не проголодались? – спросил инспектор как ни в чем не бывало. – Миссис Пампкин наверняка оставила ужин наверху.

– После всех этих разговоров об убийце, грызущем труп, у меня пропал аппетит, – мрачно сказала она.

– А у меня нет, – живо ответил Ральф. – К тому же... Мне неловко об этом говорить, но с улицы вас могут увидеть. Пойдут разговоры... Лучше подняться на второй этаж.

– Хорошо, инспектор, – кивнула она. – Пойдемте.

Взяв один светильник и погасив остальные, Ральф повел Джейн по лестнице.

* * *

Мисс Блювенгейз вытерла ладонью слезы, бегущие по щекам вперемешку с каплями дождя. Она пришла в участок, чтобы поговорить с Ральфом еще раз. Убедить его в искренности своих чувств. Наверное, она была холодна с ним. Наверное, сама как-то оттолкнула, обидела. А может, кто-то подлый наврал, что она предпочтет другого. Ральф сказал, что не нужен ей, и Элизабет решила доказать, что нужен. Очень! И если бы слова не помогли, она готова была отдать ему всю себя и пришла к нему в одном лишь пеньюаре под плащом, как куртизанка, восхищаясь своей смелостью и дрожа от предвкушения... А он пошел вверх с мисс Уокер.

Элизабет зажмурилась, тихо завывала, как раненое животное, и горячие слезы побежали по холодным щекам. Развернувшись, она побрела домой.

– Мисс Блювенгейз, Элизабет, кто же ходит гулять по такой погоде! – возмутилась экономка, когда она переступила порог. – К тому же снова появились волки! Вы слышали, что бедную Марту загрызли у самого поместья Олдброков? Вот где проклятое место! Мисс Блювенгейз, а та американка, что была у вас на собрании клуба... Наверху полно свободных комнат. Может, предложить ей пожить у нас? Она в безопасности?

– О да, – нервно рассмеялась Элизабет. – Ей точно ничего не угрожает.

– Давайте ваш плащ.

– Нет.

– А почему вы так говорите об этой мисс...

– Уокер. Джейн Уокер, – с ненавистью выплюнула ее имя Элизабет и внимательнее посмотрела на экономку. В другой ситуации она бы уже приструнила миссис Фертинг, указав на ее место, но блестящая идея вспыхнула в голове Элизабет, озарив все вокруг словно молнией.

Инспектор женится на мисс Уокер после этой ночи. Он джентльмен. На такой исход, только с ней самой, Элизабет и рассчитывала, когда шла к нему в пеньюаре. А значит, американку надо устранить полностью. Вообще. Стереть с лица земли. Растоптать как насекомое! А грязную работу Элизабет привыкла делать чужими руками.

Миссис Фертинг, как и большинство слуг, та еще сплетница. Стоит подбросить ей пару слов, подтолкнуть...

– Подумайте сами, – нарочито небрежно произнесла Элизабет, снимая шляпку и стряхивая с нее влагу. – Джейн Уокер прибывает в город, селится в поместье Олдброков, где отродясь не принимали гостей, а после на холмах находят истерзанное тело. Стала бы миссис Олдброк селить у себя девушку, которая никем ей не приходится?

– Святые угодники, – прошептала миссис Фертинг, и ее уши заалели.

– Все они прокляты, – припечатала Элизабет. – И теперь в нашем городе новый волк.

Экономка быстро перекрестилась и бросилась на кухню, чтобы рассказать это остальным слугам. Джейн Уокер – вервольф. Элизабет тихо рассмеялась глупой выдумке, медленно поднимаясь к себе в спальню в мокром плаще. Начало положено, но этого мало. Очень мало. Весь Вуденкерс должен полыхать ненавистью к рыжей твари. Ведь волков надо убивать.

Глава 13

Волк!

На небольшой, но уютной кухне – с клетчатой скатертью на столе, пузатыми баночками специй на полках и трепещущим язычком пламени в светильнике – инспектор сразу задернул цветастые занавески и приподнял крышку с блюда на столе.

– Запеканка, – сообщил он. – Еще теплая. Я все же положу вам кусочек.

Джейн нашла приборы и тарелки, взяла из шкафчика чашки, а Ральф разрезал хрустящую корочку, мурлыкая себе под нос какую-то песенку, как довольный кот.

За ужином они перекидывались ничего не значащими фразами о погоде в Англии и Америке, и Джейн изо всех сил боролась с чувством, будто они пара: так все было просто и в то же время интимно. Казалось, вот сейчас после ужина она уберет грязную посуду, а потом они отправятся в спальню, дверь в которую оказалась зазывно приоткрыта, и Ральф поможет ей снять платье, а затем...

– Вы испачкались, – сказал он и, проведя по уголку губ пальцем, облизал его.

Джейн вздрогнула и вскочила со стула.

– Мне лучше уйти, – выпалила она.

Инспектор тут же появился следом, будто ненароком заслонив дверной проем.

– А как же волк? – возразил он. – Только недавно стемнело. У нас вся ночь впереди.

Последние слова прозвучали вкрадчиво и многообещающе, а зеленые глаза инспектора вспыхнули от огня, взметнувшегося в лампе.

– Это и правда абсурдно, – натужно улыбнулась Джейн. – Какой из меня вервольф?

– Но было бы интересно взглянуть, куда при трансформации денутся ваши кудряшки. Ни разу не видел кучерявого волка.

– Еще и рыжего, – добавила она. – Не бывает такого. Я пойду.

– Не думал, что вы так легко отказываетесь от своего мнения, – с заметным разочарованием в голосе произнес инспектор.

– Я и не отказываюсь, – возразила Джейн, задетая за живое. – Но... миссис Олдброк будет волноваться.

– Бабушка вам слегка задолжала, вы не находите?

– Наше родство – всего лишь предположение доктора. А он, кажется, пьющий.

– Миссис Олдброк наверняка решит, что вы задержались у мэра. А ему она благоволит куда больше, чем мне.

Джейн кивнула, соглашаясь со словами инспектора. Да, если бы она осталась с милым Грэггом, старая леди только благословила бы их союз.

За окном шумел ливень, и Ральф демонстративно сморщил нос.

– В такую погоду даже собаку на улицу не гонят, – сказал он. – Я не пушу вас, Джейн.

– Вы не имеете права задерживать меня.

– Вообще-то имею, – возразил он. – Если сочту вас подозреваемой. Вы не чувствуете ничего необычного, Джейн?

Шагнув к ней ближе, он приподнял пальцем ее подбородок, и Джейн непонимающе посмотрела на мистера Рейнфорда. Какие все же красивые у него губы, отросшая за день щетина только подчеркнула их нежный изгиб.

– Что я должна чувствовать? – уточнила она.

– Не знаю, – пожал он плечами. – Какие-нибудь признаки приближающегося превращения в зверя.

Джейн задумалась, прислушиваясь к своим ощущениям, облизала пересохшие губы.

– Вообще-то да, – призналась она. – Сердце будто чаще бьется.

– Правда? – инспектор обхватил ее запястье, погладил большим пальцем трепещущую венку. – Действительно. Что-нибудь еще?

– Даже не знаю. Как-то жарко. Но, видимо, миссис Пампкин хорошо протопила дом.

Взгляд инспектора быстро метнулся по ряду пуговиц на ее платье.

– Если вы начнете превращаться, то платье будет испорчено, – озабочился он. – К тому же вам жарко. Вы могли бы...

– Я не стану раздеваться, – резко ответила она, выдергивая руку из его хватких пальцев. – И нам надо кое-что прояснить, инспектор. Мы

расследуем убийство. И если я дала вам повод думать, что пришла за другим, мне очень жаль.

Ральф вздохнул и убрал ладонь, которая уже устроилась на ее талии.

– Не уходите, Джейн, – сказал он. – Выпейте чай. Там льет как из ведра, и где-то в ночи прячется маньяк.

– У меня с собой пистолет и зонтик.

– Вы во всеоружии, я понял, – улыбнулся он. – Очень предусмотрительно для вервольфа. Вам с сахаром?

– Да, пожалуйста. – Немного успокоившись, Джейн снова села на стул.

Инспектор Рейнфорд подал ей чашку, а сам, выпрямившись, принялся задумчиво расстегивать рубашку.

– Что вы делаете? – сипло спросила Джейн, поставив чашку на стол так резко, что чай едва не расплескался.

– Я тут подумал, – неторопливо произнес он. – А что, если я тоже вервольф?

– Вы?

– Подумайте сами, Джейн. Я убил волка. Сначала подстрелил, но после он набросился на меня, а я вонзил нож ему в сердце. Он испустил дух у меня на руках. Это подходит к определению «честная охота»?

– Возможно, – допустила она, не в силах оторвать взгляд от крепкого торса, обнаружившегося под белой рубашкой инспектора.

– После я отдал его тело властям. Не знаю, что в итоге сделал с ним мэр, но я обошелся с волком весьма почтительно.

– Но вы ведь не съели его, – возразила Джейн.

– Не съел, – согласился он.

– Вот и оденьтесь уже.

– Но! – Ральф расстегнул пуговицы на манжетах. – Волк истекал кровью, и я тоже, и наша кровь смешалась.

Он снял рубашку и аккуратно повесил ее на спинку стула. Джейн, вспыхнув, опустила ресницы, но, не справившись с любопытством, вновь посмотрела на инспектора.

– Вот здесь остались следы его зубов, – сказал он, разворачиваясь к ней боком и слегка напрягая бицепс. – Видите шрамы?

– Впечатляет, – согласилась она и вновь поднесла к губам чашку. – Что ж, вы меня убедили, инспектор. Я понаблюдаю за вами этой ночью. И если вы начнете вести себя странно или агрессивно, без всяких сомнений пущу пулю в лоб.

– Погодите, – нахмурился он и сел на стул. – Зачем сразу пулю?

– А что еще прикажете делать с чудовищем?

– Но я ведь никого не убивал! Кроме, разумеется, волка. Но он крал овец у миссис Доуксон и загрыз ее собачку.

– Вы считаете, что даже вервольф имеет право на жизнь?

– Да, – без колебаний кивнул Ральф.

– У меня к вам есть нескромная просьба, инспектор...

– Да, Джейн... – он придвинулся ближе.

– Не могли бы вы открыть рот.

Изогнув темную бровь, Ральф непонимающе посмотрел на нее, но после улыбнулся и слегка оттянул пальцем губу слева.

– Все зубы на месте, – сказал он.

– Благодарю вас, – пробормотала Джейн. – Теперь мне гораздо спокойнее.

* * *

После ужина инспектор предложил взглянуть на дело Максимилиана Олдброка и уверенно направился в спальню. Джейн остановилась на пороге, в смущении оглядела обстановку: множество книг на полках, пушистый ковер, развешанные на стене ружья.

– Инспектор, вы говорили, вторая спальня пустует? – спросила она.

– Там все в чехлах и пыли, – ответил Ральф, перебирая папки в комод. – И мне не хочется выпускать вас из виду, Джейн. Вдруг вы превратитесь в волка, а после кинетесь на меня спящего? Если вы будете рядом, я хотя бы успею услышать и отреагировать.

– И что же вы станете делать?

– Буду действовать по ситуации. Уверен, я справлюсь с вами в любом облике.

– Очень самонадеянно для человека, который уже несколько дней не может забыть мне несчастную пепельницу.

– Вы застали меня врасплох. Но теперь я знаю, на что вы способны. Хотите посмотреть материалы по Олдброку? – Он протянул ей потрепанную папку, и Джейн пришлось сделать несколько шагов внутрь комнаты, чтобы взять дело.

– Это так странно, – сказала она и, не обнаружив ни стула, ни кресла, опустилась на краешек кровати. – Вдруг Максимилиан Олдброк на самом деле был моим отцом?

– Вам больно читать о его гибели? – озабочился Ральф, который, игнорируя все правила приличия, так и не надел рубашку.

– Я в порядке, – ответила Джейн, стараясь не смотреть на инспектора, и открыла папку. – Его обнаружили на том же холме... Раны на горле...

Увлечшись документами, она едва заметила, как кровать рядом с ней прогнулась от тяжести чужого тела. Обернувшись, Джейн вскочила с кровати и отошла к книжному шкафу.

– Все изучили? – поинтересовался инспектор, закрывая брошенную папку.

– А что, если второе убийство совершил другой человек? – предположила Джейн. – Не тот, который убил Максимилиана. Сходство в деталях может быть преднамеренным, чтобы сбить вас с толку.

– Я и так сбит дальше некуда, – чистосердечно признался Ральф. Он убрал папку в комод и запустил пятерню в волосы. – Проще всего решить, что бедную Марту загрызли волки, и закрыть это дело.

– Как поступил и мистер Пампкин с делом Максимилиана, – кивнула Джейн.

Ральф зевнул, деликатно прикрыв ладонью рот, а после в нерешительности потянулся к пуговицам на брюках, но, подумав, только скинул ботинки.

Джейн отвернулась, с нарочитым интересом уставилась на корешки книг, но, если бы ее попросили повторить хоть одно название, она не сумела бы вспомнить.

– Джейн, – позвал ее Ральф.

– Да, инспектор, – официально сухим тоном ответила она.

– Вы верите в судьбу?

– Что?

Она обернулась и тут же пожалела об этом: он лежал на кровати, подперев голову рукой, все такой же неприлично полуголый.

– Вы ехали в Англию, чтобы быть со мной. Да, не совсем со мной, – заранее согласился он с ее возражениями, – с Максимилианом Олдброком, который, вполне возможно, является вашим биологическим отцом. Но все же... Вы смотрели на мое фото, представляли меня своим будущим мужем. А я в последние дни не могу думать ни о ком другом – только о вас, несравненная мисс Уокер.

– Возможно, при первой встрече я слишком сильно наступала вам по голове зонтом, – грубовато отшутилась она.

Ральф похлопал по кровати рядом с собой.

– Нет, – отказалась она. – Я не стану спать с вами в одной постели. И в судьбу я не верю. Мы сами выбираем свой путь.

– Вы врете. Ваши рассказы о тотемах, покровителях родов – что это, как не предопределенность судьбы? По-вашему, вы могли родиться вервольфом лишь потому, что ваш отец когда-то удачно поохотился.

Джейн снова отвернулась к книгам, провела пальцами по корешкам, будто бы выбирая роман, но буквы так и плясали перед ее глазами.

– Там справочники по криминалистике и судебная психиатрия, – снова подал голос инспектор, а после кровать скрипнула, раздались легкие шаги, щелчок дверного замка.

Джейн быстро обернулась, и Ральф демонстративно показал ей ключ и спрятал его в карман брюк.

– Я буду спать, мисс Уокер, – сказал он, возвращаясь на кровать. – Надеюсь, вы последуете моему примеру. Ванная комната вон за той дверью, если нужно. Чистые полотенца там же, в шкафчике. Если вдруг у вас начнут расти уши или клыки, разбудите меня. А лучше – ложитесь рядом. Обещаю, я не сделаю ничего такого, что вам не понравится...

Что-то в его голосе снова заставило Джейн смутиться, и она не нашла ничего лучше, как шмыгнуть в ванную и запереть за собой дверь. Луна заглядывала в маленькое окошко, и Джейн внимательно посмотрела на свое отражение в зеркале. Рыжие прядки завивались по обе стороны лица, глаза лихорадочно блестели. Но уши все такие же маленькие, и серая шерсть не пробивается на гладкой коже. Она

умылась холодной водой и подождала, пока сердце успокоится, а мысли вновь обретут рассудительность.

Она сама попросила инспектора провести с ней ночь. Она сама пришла в участок, а после поднялась к нему в спальню. Учитывая это, он вел себя очень сдержанно и учтиво. Было бы странно, если бы мистер Рейнфорд, молодой и здоровый мужчина, с таким сильным телом, крепкими мышцами, прорисованными, как на картине...

Джейн снова плеснула себе холодной водой в лицо, поморгала, вытерлась чистым полотенцем из стопки, найденной в шкафу.

...было бы странно, если бы он не попытался соблазнить ее.

Кровать скрипнула, и Джейн замерла под дверью. А что, если инспектор в самом деле вервольф? На его коже шрамы от волчьих клыков, его кровь смешалась с кровью зверя. И пока она прячется в ванной, как трусливая мышка, он превращается в волка.

Сдвинув щеколду, Джейн осторожно выглянула. Ральф перевернулся на живот, сгреб под голову подушку и, кажется, уже спал. На цыпочках пройдя в комнату, Джейн посмотрела на его лицо: длинные ресницы, прямой нос, красивые губы. На упругом предплечье выделялись белые шрамы, и Джейн протянула к ним руку. Дыхание Ральфа было ровным и бесшумным. Осмелев, Джейн легонько прикоснулась к шрамам кончиками пальцев.

Вервольф? Из инспектора получился бы опасный хищник, но куда больше он походил на сторожевого пса, который не побоится целой стаи волков. Джейн присела на край кровати – подальше от мужчины.

Дождь шумел за окном, и глаза сами смыкались. Джейн сползла чуть ниже, устроилась удобнее. От подушки пахло мылом и инспектором Рейнфордом, и этот запах определенно ей нравился.

Было бы так легко и приятно поверить, что это судьба привела ее к нему. Джейн мотнула головой, пытаясь прогнать мысли, которые явно потекли в неправильном направлении. Всего-то надо – придвинуться ближе, поцеловать мягкие губы, позволить этим сильным рукам снять ее одежду... Отчего-то она не сомневалась, что инспектор Рейнфорд умело с этим справится. Его ресницы едва заметно дрогнули.

– Вы ведь не спите, – прошептала она.

– Нет, – ответил он, не открывая глаза.

– Зачем притворяетесь?

– Боюсь вас спугнуть, – признался Ральф, посмотрев на нее. – Джейн. Возвращаясь к пепельнице... Она была мраморная, с острым углом. Поглядите, какой синяк, – он указал на едва заметное зеленоватое пятно на боку.

– Выглядит ужасно, – согласилась она. – Не знаю, чем мне искупить свою вину.

Ральф протянул руку, заправил кудрявую прядь ей за ухо, погладил шею, а после придвинулся ближе – так близко, что дыхание Джейн тут же сбилось, а сердце подскочило куда-то к горлу и затрепетало пойманной птичкой.

– Не бойтесь, – прошептал он, и его губы коснулись ее щеки. – Я не причиню вам вреда, – дыхание опалило ее кожу. – Но я просто обязан поцеловать вас, Джейн. Вы понимаете?

Она кивнула и, прикрыв глаза, сама потянулась к его губам.

* * *

Город спал, окутанный дымкой тумана, и Джейн шла рядом с Ральфом, ни от кого не таясь. Ей бы хотелось верить, что это благодаря ее воспитанию и скромности они не перешли черту, но в душе она понимала, что главную роль сыграла выдержка инспектора. Губы горели от его поцелуев, и от одного воспоминания о его ласках вспыхивали щеки и перехватывало дыхание, а земля будто уплывала из-под ног каждый раз, когда Ральф останавливался и снова находил губами ее губы, и шептал такие слова, от которых сердце пускалось вскачь и последние звезды в лиловом небе начинали кружиться.

У фермы миссис Хокинс их облаял лохматый рыжий щенок, и Джейн с Ральфом, посмеиваясь, убежали от него по дороге, ведущей в поместье Олдброков. Звонкий лай будто послужил сигналом: следом закукарекал петух, недовольно заблеяли овцы.

– Джейн, – инспектор пожал ее руку, и Джейн остановилась, повернулась к нему.

Роща тихо шумела, а внизу, в долине, зажглись первые огни. Вуденкерс просыпался, готовясь встретить новый день. Кто знает, что он принесет... Сейчас душа Джейн пела, и вся она была как бутон, готовый вот-вот раскрыться навстречу солнцу.

– Да, Ральф, – она погладила кончиками пальцев его колючие щеки, очертила губы.

– Вы не спрашивали, верю ли в судьбу я, – серьезно произнес он, поймав ее ладонь, а после нежно поцеловал каждый пальчик.

– А вы верите, Ральф? – спросила она с замиранием сердца, уже понимая, к чему идет разговор.

Она готовилась стать миссис Олдброк, но миссис Рейнфорд звучит ничуть не хуже. Джейн Рейнфорд. Да, ей нравится. Где-то в роще треснула ветка, и Джейн обернулась, всматриваясь в сумрак между тонких стволов.

– Теперь верю, – проникновенно сказал Ральф. – Я ни к кому не испытывал таких сильных чувств, мисс Уокер, которые вам удалось разбудить в моем сердце всего за пару дней.

Джейн улыбнулась, обвила его шею руками.

– Я, конечно, не вождь, но все же достиг некоторых успехов и положения в обществе, – продолжил он, и Джейн шутливо стукнула его кулачком, но после раскрыла ладонь, прижав ее к сильной груди и слушая ускоряющееся биение сердца.

– Мистер Ррр, вы, кажется, волнуетесь, – прошептала она.

– Очень, – признался он и, выдохнув, сглотнул.

Джейн улыбнулась, поцеловала его – легонько, лишь чтобы ободрить. Конечно, она ответит согласием. Но сначала пусть скажет все, что положено.

– Мисс Уокер, – торжественно произнес он.

– Да...

Взгляд его, такой сосредоточенный и серьезный, вдруг метнулся в сторону, глаза расширились.

– Волк! – крикнул Ральф, оттолкнул Джейн себе за спину, и она, выглянув из-за его плеча, увидела посреди дороги серую тень.

Утробный рык, длинные клыки, выглядывающие из-под черной губы, торчащая дыбом шерсть на загривке...

– Бегите, – быстро приказал Ральф, выставляя вперед зонтик, точно шпагу. – Я его задержу!

Волк сделал шаг вперед, зарычал громче, скаля зубы, хвост ударил по бокам. Где-то позади, на ферме, отчаянно взвыла собачка. Волк чуть припал на передние лапы, готовясь к прыжку, и Джейн

дрожащими руками вытащила из сумочки пистолет и шагнула вперед, взводя курок.

– Стреляйте! – выкрикнул Ральф. – Стреляйте же!

Волк был крупным, с широкой мордой и крутым лбом, но бока его впали и вокруг шеи воротником топорщилась седая шерсть. А глаза были яркими, словно из янтаря.

Сейчас эти глаза смотрели прямо на Джейн. Клыки скрылись в пасти, хвост повис метелкой, и злобный рык затих. Джейн медленно опустила пистолет.

– Дайте сюда! – Ральф выхватил у нее «кольт», направил его вперед.

Ветка дерева, клонящегося к дороге, качнулась, и несколько желтых листьев плавно опали на траву.

– Удрал! – в сердцах сплюнул Ральф, вглядываясь в рощу. – Надо же! Прямо у города! Я соберу охотников и устрою облаву. Джейн, вы испугались? С вами все в порядке?

– Да, – сухо ответила она, отбирая у него «кольт» и пряча его назад в сумочку. – Давайте поторопимся, инспектор. Миссис Олдброк наверняка себе места не находит.

– Джейн, – обескураженный холодным тоном Ральф обнял ее, но Джейн дернула плечом, сбрасывая его руку, и быстро пошла вперед.

Позади визгливо надрывалась собачка, затем послышался стук двери, приглушенная ругань, и щенок умолк. Деревья, за которыми скрылся хищник с глазами миссис Олдброк, скупно плакали желтыми листьями. Гнев кипел в крови Джейн, и слезы застили глаза, а пальцы сами сжимались в кулаки, раня ногтями нежную кожу. У нее всегда были крепкие ногти, хорошие зубы. Она прекрасно различала запахи и могла ориентироваться в темноте куда лучше мамы, которая вечно натывалась на тумбочки. Джейн потеряла татуировку, которая начала зудеть, будто ее нанесли только вчера.

– Джейн, что случилось? – встревоженно спросил Ральф, догнав ее и подстроившись под быстрый темп ее шагов.

Она покосилась на него и, хмурясь, ответила:

– Ничего, инспектор.

– Нам повстречался волк, и вас словно подменили!

– Вот такая я непостоянная, – пожала она плечами. – Вы плохо меня знаете.

Похоже, она и сама себя толком не знает.

– Я вижу, что вы что-то себе придумали. Снова вспомнили сказку о вервольфах? – догадался он. – Это был обычный волк! Да, он куда крупнее того, которого я подстрелил. Этот экземпляр точно бы украсил собой музей, если бы его открыли в Вуденкерсе.

Холодная волна отчуждения окатила ее с ног до головы, и Джейн рефлекторно отшатнулась от Ральфа.

– Может, Марту действительно загрыз хищник, как и Максимилиана, – продолжил он размышлять вслух. – А остальное – фантазии, выросшие на почве легенд и сказок, которые так любят в Вуденкерсе.

– Вы так думаете? – спросила она, отчаянно желая, чтобы он сказал «да». Пусть это все на самом деле окажется выдумкой и миссис Олдброк ждет ее на веранде в своей меховой жилетке.

Инспектор замялся на миг, и Джейн понятливо кивнула, чувствуя и горечь, и облегчение – если уж даже рациональный мистер Ррр засомневался, то ее догадки точно верны.

– Перед тем, как появился волк, я хотел кое-что сказать, – начал он. – Кое-что важное. Мисс Уокер...

– Не надо, – остановила его Джейн.

Если она Олдброк, если на ней проклятие, то у нее нет права принимать предложение инспектора. Возможно, они теперь по разные стороны лагеря. Он – охотник, она... А кто она сама – еще надо выяснить.

– Давайте найдем убийцу и разгадаем все секреты, – сказала Джейн, отбирая у него свой зонт. – А после продолжим наш разговор. Если вы все еще будете этого хотеть.

Глава 14

Дела семейные

Тяжелые ворота стояли открытыми нараспашку, и Джейн быстро прошла по шуршащему гравию, слыша позади шаги инспектора.

Темная фигура садовника выросла перед ней, но Джейн лишь обогнула его, предоставив Ральфу самому разбираться с Томасом. Сейчас ей нужна миссис Олдброк и, не мешкая ни минуты, Джейн потянула тяжелую дверь и вошла в дом. Отшвырнув в сторону и зонт, и сумочку, она взбежала по лестнице и остановилась лишь перед спальней хозяйки. Переведя дыхание, постучала и, не дождавшись ответа, вошла. Комната была пуста. Колыхались занавески, шумел яблоневый сад за окном, а рассвет разливался акварелью над холмами, по которым ветер гнал зеленые волны.

Послышался отдаленный стук, и Джейн повернулась к двери. Трость миссис Олдброк отбивала каждый шаг, словно колотушка, предупреждающая о приближении волка. Сильвия появилась в дверном проеме и застыла, пристально глядя на Джейн яркими глазами. Вот и дежавю, о котором говорил Ральф. Это уже происходило, совсем недавно: Джейн и миссис Олдброк напротив, пусть она тогда и выглядела слегка иначе.

– Вы моя бабушка? – спросила Джейн.

– Похоже на то, – ответила Сильвия.

Джейн кивнула, разглядывая небрежно забранные седые волосы дамы, расстегнутую пуговку на манжете платья. Она одевалась впопыхах.

– Вы вервольф?

– Да, – произнесла миссис Олдброк, и короткий ответ будто придавил Джейн могильной плитой.

Она потерла грудь, вдохнула глубже. Окно открыто, а ей вдруг перестало хватать воздуха.

– Значит, это вы убили Марту, – сказала Джейн, и собственный голос показался ей чужим: хриплым и жестким, как воронье карканье.

– Нет, – покачала головой Сильвия. – Я не убивала ее.

Кровь шумела в ушах Джейн, губы пересохли, и она, облизнув их, едва заставила себя задать следующий вопрос:

– В городе есть еще вервольфы?

– Да, – сказала женщина. – Ты.

Солнце выглянуло из-за холмов и плеснуло светом в лицо Джейн, но после все вдруг угасло, становясь черно-белым, откуда-то издали послышался испуганный вскрик Сильвии, взволнованный голос Ральфа. Они звали Джейн по имени, но она убегала прочь, и трава мягко пружинила под ее ногами, которых отчего-то стало четыре.

* * *

Ральф едва сумел отделаться от садовника, который упорно загораживал проход в дом, делая без того невыразительное лицо абсолютно непроницаемым.

– Я расследую убийство, – кипятился Ральф. – Вы понимаете, что сейчас препятствуете полиции?

– Хозяйка не велела, – бубнил Томас на одной ноте.

– Миссис Олдброк сказала, что я могу приходить в поместье в любое время, – слегка приврал он.

– Хозяйка не велела, – продолжил гундосить слуга, однако потом глянул куда-то в сторону, где всходило солнце, и будто по невидимому сигналу отступил, позволяя Ральфу пройти.

Он быстро поднялся по лестнице, следуя на голос, доносящийся из глубины дома, и вбежал в спальню.

Джейн лежала на кровати, а старуха обеспокоенно хлопала ее по щекам, звала по имени и обмахивала ладонью.

– Что вы с ней сделали? – воскликнул он, бросаясь к девушке.

– Это вы что с ней сделали! – рыкнула женщина. – Я предупреждала вас, не так ли?

– Она без сознания!

– И с синяками на шее!

Ральф слегка смутился, заметив след на нежной коже мисс Уокер. Один бог знает, чего ему стоило сдержаться и не воспользоваться ее доверчивостью этой ночью. Джейн была такой красивой, такой

нежной, а ее губы, руки, тело отзывались на его ласки так искренне и пылко, словно были созданы для этого.

– Надо расстегнуть ей платье, – хмуро сказал он и потянулся к мелким пуговкам.

Сегодня ночью он дошел до десятой – ровно столько понадобилось расстегнуть, чтобы его ладонь смогла скользнуть за ткань и сжать упругую грудь с твердым соском.

Трость миссис Олдброк больно стукнула его по запястью.

– Даже не думайте, инспектор!

– Уверяю вас, у меня самые серьезные намерения относительно мисс Уокер, – заявил он.

Ральф вполне осознавал, что обязан сделать предложение. Он мысленно смирился с фактом, что его холостяцкой жизни пришел конец, и даже начал находить в этом свою прелесть. Красивая жена с горячим темпераментом – то, что надо для полного счастья. И Джейн тоже хотела – и предложения, и его самого. В последнем он был более чем уверен.

Но что-то неуловимо изменилось после того, как им на дорогу выскочил волк. Джейн резко отдалилась и стала холодна, как Снежная королева.

Она слабо застонала, и миссис Олдброк заботливо помогла ей сесть, устроив под спину подушку.

– Вот так, дорогая, не волнуйся, – успокаивающе бормотала она. – Все хорошо, ты дома...

– Ральф? – Джейн жалобно посмотрела на него, но миссис Олдброк оттеснила его и сухо сказала:

– Инспектор уже уходит.

– Джейн, что случилось? – спросил Ральф, проигнорировав замечание старухи. – Ты в порядке?

– Да, – ответила она, ее взгляд прояснился, и в голубых глазах снова появился уже знакомый ему лед. – Мне просто стало дурно.

– Неудивительно, – зло прокомментировала старуха. – Похоже, ты вовсе не спала этой ночью.

Еще один взгляд, острый, как кинжал, метнулся в Ральфа.

– Между нами не было... – он замялся. – Мы не...

– Ничего не было, – сказала Джейн, не глядя на него, и сердце Ральфа заныло от тоски.

Так уж и ничего? А ее руки, скользящие по его плечам, а ее губы, такие горячие и нежные, а то, как она шептала его имя...

– Мне жаль, Сильвия, если я заставила вас волноваться, – сказала Джейн и обратилась к Ральфу, глядя куда-то поверх его плеча: – Вы не могли бы оставить нас, инспектор?

– Джейн, я не понимаю...

– Мне надо поговорить с миссис Олдброк наедине, – ответила она твердо. – Это личное. Я благодарю вас за все, что вы сделали для меня, мистер Рейнфорд, но дальше я справлюсь сама.

Ральф сжал зубы, коротко поклонился и вышел из спальни.

«Надо было отбросить все приличия и сделать ее своей этой ночью», – думал он, шагая по ступенькам. Он толкнул дверь так, что она распахнулась и с глухим стуком ударилась о стену. Надо было снять с нее и платье и все белье, и пусть бы она не шептала его имя, а выкрикивала, срывая голос. Впивалась ногтями в его плечи, выгибалась ему навстречу, а после взлетала с ним вместе на вершину страсти. И еще раз. И еще.

А он, дурак, решил сделать все правильно.

– Подвезти до города? – спросил Томас все с тем же каменным выражением лица.

– Сам дойду! – рявкнул Ральф с такой злостью, что садовник попятился от неожиданности, а на его заросшей физиономии наконец-то отразилось удивление.

Старуха что-то ей наплела. А может, Джейн просто застеснялась того, что было этой ночью. Или она действительно устала. На нее столько всего свалилось.

Шагая по дороге через рощу, Ральф постепенно успокаивался. Все наладится. Она полюбит его, как и он ее. Запнувшись о корягу, он едва не упал носом в сухие листья, а после широко улыбнулся сам себе.

Он влюбился. Он наконец-то нашел ту самую женщину, с которой захотел провести остаток дней. Пусть ей надо больше времени, чтобы осознать, что они созданы друг для друга, – он подождет. А пока раскроет дело, а заодно организует облаву на волка, который объявился так некстати.

Жаль, Ральф не успел рассмотреть, сколько у него зубов. Надо будет сосчитать их после охоты.

Джейн чувствовала себя так, будто ее избили пыльным мешком. Тупое оцепенение овладело ею, и рассказ миссис Олдброк казался историей о чужих незнакомых людях, досужей сплетней, которую Джейн и слушать бы не стала, но постеснялась перебивать хозяйку дома.

– Макс привез ее откуда-то из Ирландии. Рыжая, кудрявая, белокожая. Глаза голубые, вот как твои. Мне она, по правде сказать, не пришлась к сердцу, но перечить сыну я бы и не подумала – знала, что толку не будет все равно. Скорая помолвка, свадьба назначена через месяц – быстро, но я удивилась и такой отсрочке, ведь Макс так на нее смотрел... Ну и очевидно, что ждать он не стал.

Сильвия хмыкнула, с придирчивым вниманием рассматривая свои ногти.

– Ее я не осуждаю, – добавила она. – Моему Максиму нельзя было противиться. Если он чего-то или кого-то хотел, то добивался своего. Характер, горячая кровь... И раз уж мы затронули эту тему, твое поведение недопустимо!

– О чем вы? – непонимающе спросила Джейн, прижав руку ко лбу. Кожа была холодная и влажная, а голова слегка кружилась.

– Я ждала тебя всю ночь! Волновалась! – сердито выпалила миссис Олдброк. – А ты заявляешься под утро с этим... – она скривилась, будто съев лимон, и выплюнула: – Инспектором. Ты считаешь это нормой для юной леди?

– А где тут норма? – поинтересовалась Джейн. – Вы признались, что обращаетесь в волка. И я, видимо, тоже. А теперь требуете от меня какого-то правильного поведения?

– Мораль и этикет едины для всех, – назидательно произнесла Сильвия. – Хоть вервольф ты, хоть нет. Ну ничего. Я найду на него управу. Поговорю с Грэгом, он устроит ему перевод. Пусть катится назад в свой Лондон или ко всем чертям, мне все равно. А ты впредь думай, что делаешь. Да, ты молода, но важно выбрать правильного мужчину. А этот...

– А этот, вы считаете, мне не подходит? – уточнила Джейн, хотя весь этот разговор казался безумным фарсом. Она – вервольф, но

сидит и обсуждает со своей новоприобретенной бабушкой кавалеров и приличия.

– Совершенно не подходит, – кивнула миссис Олдброк, успокаиваясь. – Слишком молодой, смазливый, легкомысленный. Убил волка к тому же. Вот Грэг – подходящая партия. Уверена, узнав его получше, ты со мной согласишься. А главное – он знает.

Она многозначительно посмотрела на Джейн.

– Грэгори Эдверсон тоже?..

– Нет. Но он наш друг. Он примет тебя такой, какая ты есть, и не осудит.

– За что меня судить? Я не сделала ничего плохого! – возмутилась Джейн и поморщилась от боли, прошившей ее голову.

Сильвия отвела взгляд, уставилась куда-то в стену.

– Я тоже так считаю, – ровно произнесла она. – Это скорее моя вина. Я не думала, что обращение случится так быстро. Обычно первое происходит в волчье время. Марта не должна была ходить позади дома. Я предупреждала ее...

Джейн сглотнула вязкую слюну, осознав, о чем говорит Сильвия.

– Ты не смогла себя контролировать, – вздохнула миссис Олдброк. – Такое бывает. Макс тоже был совсем дикий.

– Я не убивала Марту, – прошептала Джейн. – Доктор сказал, у волка не хватало зубов...

– Тот самый доктор, который даже не понял, что перед ним тело вервольфа, а не человека? – презрительно сморщила нос Сильвия. – А ведь двадцать лет назад он так не пил. Дорогая, – она накрыла сухой ладонью руку Джейн. – Это был несчастный случай. Мы забудем о нем и не станем вспоминать. А сейчас тебе надо отдохнуть и привести себя в порядок. Мы должны появиться на похоронах. Пусть все увидят, что ты – член семьи. Я подобрала тебе подходящую случаю одежду.

Джейн потеряла виски. Какая одежда, какие похороны...

– Вы хотите, чтобы я пошла на похороны женщины, которую сама же и убила?

– Так будет лучше, – кивнула миссис Олдброк. – Отведем подозрения. Давай, я помогу тебе встать. Ты что-нибудь ела? Или этот... – она подавилась бранным словом. – Даже не угостил тебя ужином?

– Погодите, – попыталась возразить Джейн. – Я еще столько хотела узнать.

– У нас будет время поболтать, милая, – заверила ее Сильвия, ведя по коридору.

– Но почему вы не появились раньше? – спросила она. – Почему не приехали?

– Я собиралась, – ответила миссис Олдброк. – Я потратила целое состояние на частных сыщиков, чтобы найти твою мать, когда она так внезапно исчезла.

– Вы знали, что она беременна?

– Понятия не имела. Я думала, это она убила моего Макса, и хотела ей отомстить.

Миссис Олдброк говорила об этом спокойно, как о планах на ужин, и Джейн почувствовала, как волосы на ее затылке поднимаются дыбом.

– Вы хотели правосудия, – осторожно предположила она.

– Я хотела порвать убийцу на части, – ровно ответила Сильвия. – Вырвать ему сердце, разодрать горло, выпустить кишки... Но у твоей матери нашлось алиби – она уехала несколькими часами ранее. Ее видели и в поезде, и на вокзале. Приметная внешность, как у тебя.

Они подошли к дверям в спальню Джейн и остановились.

– Надеюсь, ты будешь благоразумна, – сказала миссис Олдброк с легкой укоризной в голосе. – И больше не позволишь посторонним мужчинам лазать к тебе через окно. Что скажет инспектор, когда узнает, что ты – вервольф? Что сделает, когда поймет, что ты – убийца?

– Но я...

Джейн запнулась, оперлась о стену. Голова снова закружилась, и волевое лицо миссис Олдброк словно расплылось, превращаясь в морду хищника, на которой горели глаза, яркие, как две луны.

– Ты думала, это сон, – донесся до нее хрипловатый голос. – Ты бежала по траве, все чувства обострились, ночь опьянила тебя. Ты охотилась. Это инстинкты.

Скрипнула дверь, и Джейн прошла в комнату, опираясь на руку дамы, опустилась в кровать. Белье было свежим и пахло мылом, и розы исчезли.

– Отдохни, дорогая. Организму надо много сил, чтобы перестроиться.

Миссис Олдброк заботливо накрыла ее одеялом, убрала с лица волосы.

– А письма? – спохватилась Джейн. – Зачем вы их писали?

– А как иначе, – удивилась Сильвия. – Когда твоя мать написала, что ты – дочь Максимилиана, я не могла не ответить. Хотя и не поверила ей. Однако кое-что нас все же связывало, потому я не оставила ее без помощи в сложное время. Кстати, рукопись действительно примут, и тебе не надо особенно о ней волноваться. С теми суммами, что я влила в общество этнографии, они возьмут и детские каракули.

– Постойте, вы переписывались с моей мамой?

– Не слишком часто. Твоя мать уверяла, что нашла способ держать волка в клетке, но я была уверена, что это наивная ложь, а на самом деле она родила тебя от мужчины, за которого вышла замуж. Ты не похожа на Макса. Но пахнешь как родная. Теперь я жалею, что так и не выбралась в Америку, но в океане столько воды... Я знала, если ты – Олдброк, то однажды сама появишься здесь. Так и случилось. Кровь привела тебя сюда. Зов предков.

– Меня привели сюда письма, которые вы писали от имени Максимилиана, – сердито возразила Джейн и даже привстала на подушках, но после упала на них, обессиленная.

Сильвия погладила ее волосы, потрогала лоб, и Джейн закрыла глаза. Ароматный ветер, которому неоткуда было взяться в спальне, хлестнул ее по лицу, душа понеслась вперед, устремляясь на свободу.

– Я не писала их, дорогая, – донесся издали голос миссис Олдброк. – Думаю, их написал тот, кто убил моего Макса, и тогда я не успокоюсь, пока не найду убийцу и его кровь не обогрит мою землю.

Глава 15

Похороны

Ральф сразу ее увидел. Рыжие кудри Джейн стекали по черному платью языками пламени. Сегодня она выглядела как-то по-другому: бледная, серьезная, собранная. Рядом с ней сидел мэр, жмурясь под витражным окном, как довольный кот, по другую руку расположилась миссис Олдброк. Заметив Ральфа, старуха сжала свою клюку крепче. Желтые глаза смотрели на него не мигая, но он не отвел взгляд, а вместо этого подошел ближе.

– Джейн...

Она быстро подняла на него взгляд, и сердце Ральфа сжалось. Ее ресницы слиплись от недавних слез, вся она была такой несчастной, и, не особенно думая, что делает, Ральф протянул ей руку, собираясь выдернуть из этой компании и увести прочь.

Трость миссис Олдброк почти попала по его руке, но он успел ее отдернуть. Наученный.

– Мисс Уокер, мне необходимо сказать вам что-то важное, – произнес он.

Она самая прекрасная девушка из всех, что он встречал. Ее губы сладкие, как малина. Ее смех – бальзам для его сердца. Это очень важно.

– Мисс Олдброк, – сказала старуха, выделив интонацией фамилию, – не желает разговаривать с вами.

– Значит, это правда? – спросил Ральф, хмурясь и снова глядя на Джейн.

Ее черное платье выглядело роскошным: бархат, атласные ленты на талии, высокий воротник, подчеркивающий белую шею и почти скрывающий свежий синяк, оставшийся от его излишне страстного поцелуя. В ушах были тяжелые серьги с красными камнями, оттягивающими маленькие мочки, а на груди – ожерелье с россыпью камней поменьше, и казалось, что платье Джейн усеяли брызги крови.

– То, что моя внучка не желает общаться с вами? – уточнила миссис Олдброк. – Разумеется, это правда. Прощайте, инспектор.

Ральф постоял, ожидая ответа Джейн, но она больше не поднимала глаз. Кивнув, он отошел чуть к стене, устроившись так, чтобы видеть лицо Джейн и большую часть церкви.

Народу было битком, в основном женщины, и, к своему удивлению, Ральф заметил даже мисс Блювенгейз с подругой. Они шептались о чем-то на самых дальних рядах и почему-то ему казалось, что говорят они о Джейн. Оглядев зал, он понял почему. Все взгляды стекались к ней — к ее тонкой спине, затянутой в черный бархат, и непокорным кудрям.

— Убийца, — зло прошипела тетка, усаживаясь неподалеку от Ральфа. — И как только хватило совести явиться сюда, когда тело Марты не успело остыть.

— Ты уже слышала? — переспросила ее вторая, с жадным любопытством глядя на Джейн. — Старая волчица привела свою внучку.

— А я сразу поняла, что с ней что-то не так, — поддакнула миссис Хокинс, обернувшись с переднего ряда. — Когда она только приехала. У рябого Джо колесо отлетело, на ровной дороге. Не иначе Господь пытался уберечь нас от нее...

Ральф нахмурился, прислушиваясь к гулу, которым наполнялась церковь. Гроб, стоящий на возвышении и украшенный цветами, казалось, никого не интересовал. Уокер, Олдброк, вервольф — доносилось до него со всех сторон.

— Что за чертовщина, — пробормотал он и, быстро пройдя между рядами, сел позади Джейн — тут места были свободны, словно жители Вуденкерса благоразумно держались на расстоянии от этой троицы.

— Мистер Рейнфорд, — обернувшись, мэр посмотрел на него с явным неудовольствием. — Кажется, вам ясно дали понять, что не желают вашего общества.

— Я пришел на похороны, — ответил Ральф и заметил, как тонкая голубая венка на виске Джейн забилась чаще. — Это запрещено?

— Не понимаю, отчего тут сегодня таклюдно, — пожаловалась старуха. — Нечем дышать.

Мэр еще немного попялился на Ральфа, но после отвернулся и демонстративно взял руку Джейн в свою. Однако она тут же отобрала ладонь и сложила руки на коленях, вцепившись в тяжелую ткань юбки. Опершись на спинку стула Джейн, Ральф незаметно провел пальцем

по ее белой шее. Джейн чуть вздрогнула, но не обернулась, а пальцы, сжимавшие тяжелую черную ткань, расслабились.

– Я не знаю, что вам наговорили, – прошептал он, склонившись ближе и тайком вдыхая аромат ее волос, – но прошу – не верьте всему, что слышите. И вы всегда можете положиться на меня, Джейн.

Миссис Олдброк обернулась, и глаза ее полыхнули такой яростью, что Ральф инстинктивно отшатнулся, но тут к алтарю вышел священник, и старуха, проглотив очередную отповедь, выпрямилась на стуле.

* * *

– Преподобный Габриэль похож на ангела, – заметила Кэтрин, склоняясь к плечу подруги. – Высокий, красивый, в белой сутане. Ему бы в руки сверкающий меч.

– Словом он разит не хуже, – прошептала Элизабет. – После его проповеди все преисполняется сочувствием к служанке, которую до этого и знать никто не знал. Мне и самой уже почти жаль невинно убиенную Марту.

– Говорят, она была гулящей.

Элизабет нашла взглядом рыжие кудри мисс Уокер и сжала зубы. Вот кто гулящая. Вот кто отравляет собой все, к чему прикасается, и даже воздух, которым дышит.

– А ты погляди, как старуха ее вырядила, – продолжила шептать Кэтрин и близоруко прищурилась. – Что это? Семейные рубины, или мне кажется? Боже мой, Элизабет, она на самом деле Олдброк?! Значит, это не выдумка? О, как все удачно складывается! Ты погляди, сколько ненависти вокруг, сколько злости. Твоя сплетня разошлась по городу. Если бы не старуха и не мэр, ее бы распяли прямо в церкви.

– Тут одни женщины, которые только и могут, что молоть языками, – недовольно произнесла Элизабет. – Этого мало. Надо задействовать мужчин.

– Сходить на лесопилку? – с сомнением произнесла Кэтрин. – Наш мистер Ррр не отлипает от американки. Может, у них настоящая любовь и нам следует отойти и не мешать истинному чувству?

– Я могу и сама это сделать, – сказала Элизабет, не отрывая взгляда от Джейн. – Зайду заодно к мистеру Фелстону. Передать от тебя привет, дорогая?

– Не надо, – вздохнула Кэтрин. – Схожу. Вижу, что ты не отстанешь.

– Сделай все в лучшем виде, – кивнула Элизабет. – Ты поняла, что говорить?

– Вполне.

* * *

Святой Эдвард поражал волка копьем, и кровь стекала по стене церкви, змеясь в трещинах штукатурки. Джейн будто слышала хриплое дыхание и сдавленные стоны, но их заглушал шепоток, несущийся вверх, к витражам.

Убийца.

Ладаном пропиталось траурное платье, подаренное Сильвией, холодом тянуло в шею, грудь обжигала злоба, сочащаяся со всех сторон отравой.

Убийца.

Все знали. Все это знали, кроме нее самой. Она урод, чудовище, монстр, несущий печать проклятия.

Мама тоже знала об этом. Пыталась удержать зло, сокрытое в дочери, запечатать его индейским символом. Она увезла Джейн за океан, и в ее сказках девочка всегда убегала от волка. Но что, если эта девочка сама волк? Как тогда убежать?

Марта ей не понравилась. И потом, превратившись в зверя, Джейн убила ее. Станный привкус во рту, который она чувствовала с утра, остался от крови, выпитой ею из распоротого горла жертвы.

Джейн вздрогнула, ощутив ласковое прикосновение к шее, и судорожно вздохнула, словно тонущий, которого вдруг вытащили на поверхность.

Ральф. Положиться на него? И как он ей поможет? Застрелит, как того, другого волка, на чье поверженное тело он опирался с видом победителя? Может, это был бы лучший вариант для всех?

Святой Эдвард скалился с фрески, глядя прямо в глаза Джейн и точно видя ее насквозь. Тело Марты лежало в гробу, и душный запах лилий, расставленных вокруг него, смешивался с ладаном.

Священник, появившийся словно из ниоткуда, поднял руки, и обличающий шепот стих. А потом преподобный заговорил, и каждое его слово клеймило Джейн не хуже каленого железа.

— Зло явилось в наш город, — сказал он, и Джейн захотелось съежиться и забиться под стул. — Невинно убиенная девушка отправилась в царство небесное, где душа ее обрела покой и счастье. Но мы все еще здесь, в брэнном мире, и только от нас зависит — куда мы попадем после смерти: в райские кущи или геенну огненную.

Для Джейн остался лишь один путь. Отец не зря читал ей псалмы о грешниках. Вот только он не был ее настоящим отцом. И ничего, кроме обещания страшных мук, он ей не оставил.

— Господь дал человеку свободу воли, и мы сами выбираем между добром и злом.

А она не выбирала. Джейн сцепила зубы крепче и посмотрела на святого Эдварда со злостью. Так нечестно!

— Он смотрит на нас, детей своих, сверху, как строгий отец, и ждет послушания. Он мог бы сам уничтожить зло.

Преподобный посмотрел на Джейн, точно зная все ее метания, и она бы не удивилась, если бы в храме разразился гром, и молния испепелила бы ее на месте. Теплая рука Ральфа опустилась на ее плечо, и она невольно выдохнула.

— Но тогда наши души не пройдут испытаний и не очистятся от скверны.

Она очень скверная. Пусть убийство Марты Джейн даже не помнит, но прошлой ночью она вела себя совсем не так, как пристало порядочной девушке: горячие губы на ее губах, теплая гладкая кожа под пальцами, тяжесть мужского тела... Она не отталкивала Ральфа. Наоборот...

— ... Искоренять зло, выпалывать, как сорняки. Каждый должен стать пастырем своей души, отделить добрые устремления и греховные.

Пусть бы все это прекратилось, как страшный сон. Как один из кошмаров, от которых мама так наивно надеялась защитить ее нитками и бусинками, сплетенными в нужном порядке. Джейн тайком

ущипнула себя за руку, но преподобный Габриэль все так же проповедовал посреди церкви, волк истекал кровью на фреске, а от запаха лилий и ладана к горлу поднималась тошнота.

– Покаяние! – возвестил священник и обвел взглядом притихшую паству. – Вот что спасет каждую заблудшую овечку! Вот что приведет ее к Господу!

Покаяться? Рассказать все священнику? Робкая надежда шевельнулась в душе Джейн. Что, если это на самом деле сработает? Нужно исповедоваться во всем, и тогда...

– ...Как грязь не видна на черном, так и грех не виден на темной душе. Очиститесь покаянием, и божественный свет прогонит тьму.

Кто-то открыл дверь, и сквозняк метнулся к свечам, расставленным под иконами. Лепестки огня вытянулись и снова опали, и Джейн показалось, будто волк на фреске подмигнул ей. Преподобный Габриэль начал читать молитву, и хор голосов подхватил ее, становясь все крепче, сливаясь ручейками в могучую реку.

Миссис Олдброк молчала, не отрывая взгляда от фрески со своим давним предком, и Джейн многое отдала бы за то, чтобы узнать, о чем думает эта женщина. Пыталась ли она достучаться до Господа и узнать, за что на ее долю выпало такое испытание?

После службы священника окружили прихожане, но он, раздвинув толпу, подошел к мэру.

– Преподобный, – без особого удовольствия в голосе произнесла миссис Олдброк. – Прекрасная проповедь.

Она поднялась с места, опираясь на трость с преувеличенным усердием.

– Благодарю, – ответил он и перевел взгляд на Джейн. – Мисс Уокер...

– Я хотела исповедоваться, – выпалила она, боясь передумать. – Прямо сейчас.

– Что за глупости, дорогая, – возмутилась Сильвия и, цепко схватив ее за руку, потянула к выходу из церкви. – Сегодня и без тебя хватает забот.

Мистер Эдверсон заговорил о чем-то с преподобным, отвлекая его внимание, и Джейн, кусая губы, пошла за бабушкой. Уже у выхода она обернулась. Священник, поймав ее взгляд, кивнул.

Она придет. Преподобный Габриэль, так похожий ликом на святых со старых икон, выслушает ее и даст совет. Она понесет любое покаяние, которое он ей назначит, лишь бы снять тяжесть с души.

– Джейн!

Ральф не особенно вежливо стряхнул с руки прилипшую к нему Кэтрин и направился к Джейн, но миссис Олдброк демонстративно закрыла дверь экипажа перед его носом. Мистер Эдверсон поспешил к ним и запрыгнул с другой стороны, прижавшись к Джейн слишком тесно. Томас понукнул коня, колеса запрыгали по дороге, а за окошком мелькнуло растерянное лицо Ральфа и пропало.

– Этот инспектор точно репейник, – с неудовольствием заметил мэр.

– Я как раз хотела попросить вас, милый Грэг, решить эту проблему, – поддержала миссис Олдброк.

– А меня вы не хотите спросить? – возмутилась Джейн. – Он мой друг. Это мне решать – общаться с ним или нет.

– Такая упрямая, решительная, – с долей восхищения заметил мэр. – Вся в вас, любезная Сильвия.

– Милая, – миссис Олдброк взяла Джейн за руку. – Ты ведь хотела поговорить, правда? Некоторые вопросы лучше обсуждать в узком семейном кругу.

– Я бы даже сказал – стаей, – ухмыльнулся мистер Эдверсон. Он снял шляпу и провел пятерней по седым волосам, густым, точно волчья шерсть.

Глава 16

В гостях и в склепе

Дом мистера Эдверсона напоминал настоящую крепость: высокий забор с острыми пиками, колючий кустарник по всему периметру ограды и неприступное здание из серого камня, угрюмо взирающее щелочками редких окон на прибывших. Вокруг особняка не было деревьев, как будто для того, чтобы никакой враг не подкрался незамеченным. Одинокая ворона покружилась над ними и улетела прочь, каркнув на прощанье.

– Чувствуйте себя как дома, Джейн, – любезно предложил мэр, открывая дверь, и Джейн ступила в холл, где пол был выложен черным мрамором, а на стенах горели светильники в виде факелов, точно в пещере.

– Как здесь мило, – восхитилась Сильвия, с любопытством оглядываясь по сторонам. – Я сто лет у тебя не была.

– Вы же знаете, я рад вас видеть, в любое время дня и... – оборвав фразу, мэр виновато улыбнулся.

Пройдя в гостиную, где было чуть повеселее благодаря гобеленам, развешанным по стенам, Джейн опустилась на краешек кресла. Расторопная служанка тут же подала чай и целое блюдо с закусками: рулеты, канапе, сыр – все выглядело аппетитно, но Джейн не хотела есть. Запах церкви преследовал ее, и голова все еще кружилась.

Миссис Олдброк не спешила садиться, а вместо этого прохаживалась по комнате, разглядывая обстановку.

– Джейн, – мистер Эдверсон сел в кресло напротив и будто в нерешительности побарабанил по подлокотнику. – Я бы хотел заметить, что ваше желание исповедоваться – очень похвальное. Это прекрасно, когда девушка религиозна, когда она ведет себя правильно, целомудренно...

Миссис Олдброк бросила на Джейн острый взгляд, но не стала опровергать слова Грэга.

– Однако, – он сжал подлокотники кресла, – вам не в чем каяться, я уверен.

– Вот как, – сказала Джейн, беря в руки чашку.

Чай у мэра оказался крепким, но совсем не таким вкусным, как у инспектора.

– Да, – приободрился мистер Эдверсон. – В самом деле, какие такие грехи могут быть у столь очаровательной девушки?

Убийство, к примеру? Джейн сделала еще глоток, размышляя, почему ее желание исповедоваться так задело мэра.

– Я уже говорила тебе, дорогая, что в произошедшем не было твоей вины, – сказала Сильвия, не поворачиваясь к Джейн. – Ты охотилась. Первый оборот. Все инстинкты обнажены.

– Вы знаете? – спросила Джейн у мэра, слегка ошарашенная внезапным поворотом беседы. – И вам не страшно?

– Я видел, как охотился Макс, – с легкой ностальгией в голосе произнес Грэгори, откидываясь на спинку кресла. – Вот это было страшно. Хотя и захватывающе. Он был настоящим зверем: огромный, хищный, клыки с палец длиной. Я думал, что схожу с ума, но он, став снова человеком, объяснил, что у вашей семьи есть, скажем так, особенность.

Джейн едва не поперхнулась чаем и отставила чашку назад на стол.

– Меня это не пугает, Джейн, – сообщил мэр. – Напротив. Я в восхищении. Гибель Максимилиана стала невосполнимой потерей, но когда я узнал, что у него есть дочь...

– Грэгори помогал мне с поисками твоей матери, – пояснила Сильвия.

– Чтобы выпустить ей кишки, – пробормотала Джейн, – я помню...

– Я был уверен, что Мэйв ни при чем, – поспешил заверить Грэг. – Она была такая... Вы очень на нее похожи.

Серые глаза мэра ощупали фигуру Джейн маслянистым взглядом.

– Давайте перейдем к делу, – предложила она, устав ходить вокруг да около. – Я – дочь Максимилиана Олдброка и внучка Сильвии.

– Прекрасный подарок судьбы, – подтвердил мэр. Он поднялся и, взяв в баре пузатую бутылку, плеснул немного ее содержимого себе в чай.

– На нашей семье проклятие. В волчье время мы превращаемся в волков. По ночам. Так?

– Потом будешь обращаться, лишь когда сама захочешь, – сказала миссис Олдброк. – Но да, по ночам проще.

– Вы, Сильвия, уверены, что Марту убила я.

– А кто еще, – пожала она плечами и потрогала край гобелена. – Грэг, милый, вот этот растрепался. Починить бы. Отличная работа. Жаль будет, если испортится.

– Но ведь кто-то убил моего отца, – последние слова вырвались у Джейн сами собой, и ее сердце забилося чаще.

Она не могла принять, что Максимилиан Олдброк ее отец, а теперь вдруг ощутила, что это правда. Ее жизнь могла бы сложиться совсем иначе, если бы она родилась в поместье Олдброков. Максимилиан бы не стал читать ей на ночь о Страшном суде и вечных муках. Он любил бы ее, заботился, баловал... А потом научил бы охотиться на зеленых холмах.

– Кто-то заманил меня в Вуденкерс, – добавила она.

– И это подталкивает нас к вопросу, который мы должны обсудить, милая, – сказала миссис Олдброк и, подойдя к столу, аккуратно взяла двумя пальцами кусочек сыра. – Я уже стара.

– Вы полны сил, дорогая Сильвия, – охотно заверил ее мэр, отхлебнув чай, от которого остро запахло алкоголем.

– Но я чувствую, что скоро уйду, – вздохнула она. – Холмы зовут меня все сильнее. Появилась новая хозяйка. Но мне было бы спокойнее, если бы рядом был человек, способный защитить тебя, – Сильвия многозначительно посмотрела на мистера Эдверсона, а потом перевела взгляд на Джейн. – Ты еще так молода и не знаешь, каким жестоким может быть мир. Особенно по отношению к тем, кто отличается от прочих. Кто-то действительно привел тебя в Вуденкерс. Кто-то, кто знает нашу тайну.

– Крохотный нюанс, я помню, – кивнула Джейн.

– Со мной вы были бы в безопасности, Джейн, – прямо сказал мистер Эдверсон. – Макс был моим лучшим другом. Я знаю все о вашей семье. Я знаю историю Вуденкерса. И для меня будет честью породниться с Олдброками.

Джейн тряхнула головой, чувствуя себя мухой, попавшей в паутину, из которой не выбраться, как ни пытайся.

– Мне пора, – сообщила вдруг Сильвия, оказавшись у двери. – Столько дел. Надо найти новую служанку... И пересмотреть свои

гобелены. Вдруг тоже требуется починка.

– Погодите! – Джейн вскочила с кресла, но мэр загородил ей дорогу.

– Пообщайся с Грэгом, милая, – улыбнулась миссис Олдброк. – У вас наверняка много общего. Он тоже любит историю, всякие ритуалы и прочее. И столько знает о Вуденкерсе! А потом он тебя привезет. Правда, Грэг?

– Если леди пожелает, – хмыкнул мэр и приобнял Джейн за талию.

Она вывернулась из его объятий, но тяжелая входная дверь захлопнулась, и Джейн будто бы оказалась в одной клетке с тигром. Бежать? Отбиваться? Превратиться в волка и вцепиться в глотку? Шея мистера Эдверсона была морщинистой, с выпуклой веной сбоку, и Джейн невольно скривилась. Пошарив взглядом вокруг, она увидела на каминной полке амфору, весьма тяжелую на вид. Мэр, впрочем, не спешил нападать. Он подошел к окну, за которым раздалось цоканье копыт, и сообщил:

– Сильвия уехала. Мы остались одни, Джейн. И теперь я готов ответить на любые ваши вопросы.

Немного приободрившись, Джейн подошла ближе к камину и будто невзначай оперлась на полку с амфорой.

– Что ж, я бы действительно хотела спросить вас кое о чем, – сказала она.

– Я весь внимание.

– Вы вервольф?

Грэгори криво ухмыльнулся и вернулся в кресло. Джейн оказалась за его спиной. Удобный момент, чтобы опустить тяжелую вазу прямо на седую макушку мэра, на которой розовел крохотный пяточок проплешины.

– Увы, – сказал он и плеснул себе в чашку еще немного янтарной жидкости из бутылки.

– Увы, да, или увы, нет? – уточнила Джейн, обходя стол и садясь напротив Грэга.

– Нет, – сказал он, сделав большой глоток.

Джейн покусала губы. Но, с другой стороны, если мэр и есть убийца, то, конечно, он не признается. Надо действовать хитрее – проверить, все ли его зубы на месте.

– Ясно, – она улыбнулась, пытаясь выглядеть милой. – Что ж, расскажите о себе, Грэгори.

– С удовольствием, Джейн, – ответил он.

* * *

Ральф постоял у церкви, глядя вслед удаляющемуся экипажу, а потом совсем неподобающе месту выругался.

– Мистер Рейнфорд, – преподобный Габриэль выразительно поднял глаза к кресту над входом, и Ральф виновато пробормотал слова извинения и посторонился, чтобы не мешать процессии.

Угрюмые мужики вынесли гроб и направились за церковь, где располагалось кладбище, и Ральф, помешкав, последовал туда же. Женщины причитали, но не слишком искренне. Опросив людей, Ральф понял, что никто к Марте не был особенно привязан. Сирота, не замужем, без детей. Зачем она пошла на холм, окруженный ягодником? Зачем принесла платок с кровью Джейн на место, где убили Максимилиана Олдброка? И почему, черт бы побрал этого мэра, Джейн уехала, даже не попрощавшись?

Что-то он упускал. Деталь, которая бы внесла хоть какую-то ясность в это дело.

Священник стал читать молитву, и Ральф, чувствуя, что вот-вот начнет неприлично зевать от монотонного ритма, отошел подальше. Раньше он не был на кладбище Вуденкерса, и теперь с интересом рассматривал могильные камни. Он нашел мистера Пампкина, на могиле которого лежал свежий букет незабудок, постоял у миссис Пристон, которая два года назад подозревалась в деле о пропаже курицы, а потом свернул к серому склепу, виднеющемуся под тисами.

Остановившись в нескольких ярдах, Ральф склонил голову к плечу, придирчиво рассматривая статую, вырастающую из фасада. Эдвард, которого после смерти признали святым, вытягивал вперед руку и скалил гранитные зубы. Напомнив себе, что это, возможно, предок Джейн, Ральф заставил себя подойти ближе и пожал протянутую кисть.

– Мистер Олдброк, – пробормотал он. – Какая честь. Мистер Рейнфорд к вашим услугам. Позвольте попросить руки вашей

прапраправнучки. И пока вы не высказали вполне ожидаемых возражений, хочу заявить, что я совсем не так плох, как считает миссис Олдброк. Я прилично зарабатываю, у меня есть дом в Лондоне, который сейчас сдается, и ценные бумаги, приносящие пассивный доход.

Эдвард молчал, но гранитная рука будто стала теплее.

– Вы убили волка, и я тоже, – сказал Ральф. – У нас много общего. Хорошие зубы, к примеру.

По оскаленному клыку святого прополз жучок и скрылся в щели между камнями фасада.

– Я, в принципе, очень неплохой вариант, – сердито добавил он, убеждая скорее себя, чем безмолвную статую. – Да, Джейн из древнего рода. У нее, видимо, теперь есть солидное приданое. Но в искренности моих чувств вы можете быть уверенным. Я полюбил ее тогда, когда она была просто американкой, приехавшей в Англию в поисках счастья. Можно сказать, с первого взгляда!

Ральф пнул камень, лежащий у порога в склеп, и вдруг заметил, что тяжелая дверь прикрыта неплотно. Взявшись за бронзовое кольцо, потянул на себя. Дверь открылась на удивление легко, как будто кто-то совсем недавно смазал петли. Возможно, миссис Олдброк часто посещает фамильный склеп?

Оставив дверь открытой настежь, Ральф постоял на пороге, подождав, пока глаза привыкнут к сумраку, а после спустился по каменным ступеням.

Вереница каменных гробов тянулась в глубь склепа, с потолка свисала бахрома паутины, и каждый шаг давался Ральфу с трудом. Больше всего ему хотелось развернуться и выйти наружу, всю сонливость как рукой сняло. Странная неловкость охватила его, словно самозванца, явившегося в гости без приглашения.

На ближнем гробу было высечено имя Максимилиана Олдброка, и Ральф в нерешительности положил ладонь на каменную крышку. Чуть надавил, но она и не думала сдвигаться. Взявшись за края, Ральф поднатужился и, сцепив зубы, приподнял тяжелую плиту. Сдавленный запах ударил ему в ноздри, и он разжал пальцы. Камень с грохотом вернулся на место.

Отдышавшись, Ральф быстро вышел наверх и закрыл за собой склеп.

– Я вернусь, – пообещал он статуе. – Но мне нужен помощник. Один я не смогу снять крышку, не разбив ее. А тогда миссис Олдброк наверняка узнает, что я осквернил могилу ее сына, и не видать мне Джейн как своих ушей.

Сорвав ромашку, он вложил ее в протянутую руку святого Эдварда и быстро пошел прочь.

Он приведет сюда доктора и заставит его осмотреть останки Максимилиана Олдброка, раз уж сразу после убийства этого сделать не удалось. По крайней мере, доктор подтвердит, что отец Джейн не вервольф.

Вспомнив о волке, который утром напугал их с Джейн по дороге в поместье, Ральф повернул к группе мужчин, которые собрались у церкви. У свежей могилы Марты осталось лишь несколько женщин да преподобный, который, судя по печальному выражению его лица, искренне скорбел по убитой.

– В Вуденкерсе снова волк, – сообщил он вместо приветствия. – Надо что-то делать.

– Облаву? – спросил один из мужиков, которые были похожи, как братья: все коренастые, с одинаково прищуренными глазами, задубевшей красной кожей и древесной пылью, въевшейся в морщины.

– А что его загонять, если и так известно, где логово, – другой, с залихватски надвинутой на одно ухо шапкой, сплюнул в траву и переглянулся с соседом.

– Вы знаете? – обрадовался Ральф. На него навалилось столько хлопот, что он был бы просто счастлив, если бы с волком расправились без его участия. – Займетесь этим?

– А вы, инспектор, значит, не будете против? – с подозрением уточнил парень, которого Ральф частенько задерживал по воскресеньям. Он был тихим и спокойным, пока не хлебнет спиртного. Тогда в него будто вселялся другой человек – агрессивный и неуправляемый. Настоящий оборотень. И даже полнолуния не надо.

– Нам лишние проблемы ни к чему, – покивал другой.

– Конечно, никаких проблем, – заверил их Ральф. – Лучше избавиться от него, пока не поздно.

– Надо обмозговать, – шмыгнув носом самый старый и, стащив шапку, протер ладонью лысину. – Жили ведь мирно. Может, волки тоже нужны. Для равновесия.

– Нельзя ждать, – возразил самый молодой и кивнул в сторону свежей могилы. – Вот тебе равновесие.

Старый вздохнул и натянул шапку по самые брови, а Ральф, попрощавшись с ними, направился по дороге к центру. Одной заботой меньше. Но червячок дурных предчувствий так и грыз его сердце.

* * *

У доктора Ральф направился напрямик в кабинет, откуда доносилось успокаивающее бормотание, перемежаемое редкими стонами, однако тяжелая клюка перегородила ему дорогу.

– В очередь, – рявкнула пожилая дама, хмурясь из-под провисших полей соломенной шляпки.

Разумно предположив, что доктор не согласится идти с ним на эксгумацию старого трупа, пока тут есть живые пациенты, Ральф присел на кушетку. Дама не сводила с него пристального взгляда, как будто ожидая, что сейчас инспектор вскочит с места и попытается еще раз проникнуть на прием перед ней. Чтобы избавиться от ее насупленного взора, Ральф прикрыл глаза, и усталость после бессонной ночи навалилась на него вся разом. Мисс Уокер возникла в его воображении: рыжие кудри струились по белым плечам, глаза сияли, а губы были призывно приоткрыты...

– Инспектор.

Тряхнув головой, Ральф протер глаза и с удивлением обнаружил, что за окном смеркается, а дамы, вместе со шляпой и клюкой, и след простыл. Доктор Филипс вынул из кармана белого халата часы, выразительно на них посмотрел, но после кивнул на открытую дверь кабинета.

– Ладно, – вздохнул он. – Прием окончен, но для вас сделаю исключение. Дайте угадаю. Подозрительная сыпь?

– Лучше, – сказал Ральф, поднимаясь и разминая шею. – Я бы хотел, чтобы вы еще раз взглянули на тело Максимилиана Олдброка.

– Двадцатилетний труп? – уточнил доктор, возвращая часы назад в карман. – Это, конечно, очень заманчиво. Давайте проясним, этот вечер я собирался провести с одной вдовой, которая, хоть и не первой свежести дама, все же сохранилась несравненно лучше.

– Признайтесь, вам ведь не дает покоя Максимилиан Олдброк. Загадочная смерть, мать не позволила осмотреть тело...

– Я смирился. Иногда лучше чего-то не знать.

– Я вам не верю. Такой любознательный человек, как вы, не может не стремиться найти ответы...

– Его волк задрал. Вот вам и ответ. И Марту тоже.

– Я в этом сомневаюсь, – сказал Ральф. – И готов хвататься за любую ниточку, которая может привести меня к разгадке. Хотя вряд ли вы сможете сказать что-то толковое по останкам Максимилиана...

– Вы ошибаетесь, инспектор, – раздраженно возразил доктор Филипс. – Его ведь похоронили в фамильном склепе?

– Верно. Каменный гроб на постаменте.

– Труп должен был мумифицироваться. В таких саркофагах обычно тела сохраняются долго и в хорошем состоянии. Вот если бы Марту нашли, скажем, через несколько дней, я бы вряд ли смог снять отпечаток клыков.

– Правда? – выразил интерес Ральф, ненавязчиво беря доктора Филипса под локоть и подводя к выходу. – Значит, вы думаете, что осмотр Максимилиана, даже через двадцать лет, сможет пролить свет на это дело?

– Кстати, о свете, – встрепнулся доктор Филипс. – Там ведь темно. Я ни черта не увижу!

– Возьмем свечи в церкви, – успокоил его Ральф. – Я устрою вам освещение по высшему классу.

– А к чему такая спешка? Это связано с мисс Уокер?

– Возможно, – не стал отрицать он.

Они вышли на улицу, и Ральф нахмурился. Тучи скрыли солнце, делая вечер еще темнее. Редкие прохожие спешили по домам, и ветер играл с опавшими листьями и норовил забраться под пиджак.

– Я вообще не понял, когда успел согласиться на вашу затею, – проворчал доктор Филипс, направляясь тем не менее в сторону церкви.

– Ваш пыливый ум не оставил вариантов.

– Хватит мне льстить, – раздраженно фыркнул он. – Я ведь уже пошел с вами. А что миссис Олдброк? Неужели дала согласие?

– Нет, конечно, – ответил Ральф. – Но мы ей не скажем. А если вдруг это как-то всплывет, я оформлю разрешение на эксгумацию задним числом.

– А у вас в этом деле личный интерес, я правильно понимаю?

В мутноватых глазах доктора блеснуло любопытство, а Ральф посмотрел на него внимательнее. Доктор Филипс – один из участников дела Максимилиана Олдброка и так быстро понял, что Джейн – его дочь.

– Не хотите говорить, – ухмыльнулся доктор Филипс и облизнул желтоватые зубы. – Что ж, джентльмены о таком молчат. Я понимаю.

Он повернул воображаемый ключ у плотно сомкнутых губ и дальше пошел молча.

Мистер Филипс писал статьи в научные журналы и согласился пойти в склеп, стоило Ральфу лишь намекнуть, что он сомневается в успехе. Завышенное самомнение и честолубие налицо. Такой человек мог бы послать девушке фотографию инспектора полиции, просто чтобы посмеяться над его неуклюжими попытками найти отправителя.

А синяки на предплечье Марты могла оставить и его рука. Кисти у доктора были крупными и крепкими, это Ральф заметил еще раньше. Нахмурившись, он прибавил шагу, чтобы не отстать от доктора, который то ли хотел поскорее закончить с делом, чтобы поспешить к вдовушке, то ли горел нетерпением увидеть тело Максимилиана Олдброка.

– Вы знали Максимилиана? – спросил Ральф.

– Да. Но весьма поверхностно. Он никогда не обращался ко мне за помощью, как и его мать. Не знаю, что там насчет проклятия, но наследственность у Олдброков хорошая.

И ему бы не составило труда сделать себе накладные клыки!

Ральф исподтишка рассматривал доктора Филипса. Если версия о маньяке, разгуливающем в волчьей шкуре и с накладными клыками, верна, то доктор Филипс попадает в нее идеально. Но зачем ему Джейн? Что, если он на самом деле верит в вервольфов и, узнав, что у Макса есть дочь, решил выманить ее в Вуденкерс, чтобы заполучить ее тело для изучения? Это нескончаемый материал для исследований и прорыв в науке! Это слава и признание!

Но откуда бы ему знать про Джейн? Впрочем, доктору часто доверяют и рассказывают многое. Та же Марта могла сболтнуть.

– А с Мартой вы были знакомы? – спросил Ральф как можно равнодушнее.

– Немного, – ответил доктор. – Она у меня лечилась. Слабые почки.

Вскоре они разделились: доктор сразу направился к склепу, а Ральф пошел за свечами.

Внутри церкви было пусто. Лавки сдвинули к стенам, и пол был вымыт, но на пороге лежала растоптанная лилия. Ральф подошел к алтарю, перекрестился и мысленно вознес короткую молитву, а после, опустив в щель ящика для пожертвований несколько монет, стреб жменю свечей. Он собрался уходить, но, повернувшись, задержался. Под изображением святого Эдварда ярко горела свеча – длинная, толстая, и Ральф, подумав, вынул ее из подставки.

– Это для блага вашей внучки, – сообщил он святому. – Знать бы еще, где она сейчас.

Хотелось бы верить, что в безопасности, под строгим присмотром бабули. Надо бы как-то расположить к себе суровое сердце миссис Олдброк. Возможно, прийти с цветами или с подарком.

Он подумает об этом на досуге. А сейчас – в склеп, где его ждет труп Максимилиана Олдброка и, возможно, маньяк-убийца.

Глава 17

Зубы и ритуалы

Мистер Эдверсон очень серьезно отнесся к просьбе Джейн рассказать о себе. Настолько серьезно, что уже через полчаса она готова была выть от скуки, а через час – стукнуть саму себя по лбу амфорой с каминной полки, лишь бы не слышать больше бесконечного потока хвастовства, который то затихал, даря надежду на скорое избавление, то возобновлялся с удвоенной силой.

Она узнала, чем мэр болел в детстве – на удивление крепкий мальчик, но бывали отиты; какую кашу предпочитал – овсяную, как истинный англичанин; каким спортом увлекался – крикетом и теннисом, мог бы стать профессиональным спортсменом, но поленился; почему развелся...

– Она флиртовала с другими мужчинами, – вздохнул Грэг и отхлебнул еще из чашки, в которой после многочисленных доливаний остался лишь алкоголь. – Для меня это неприемлемо, как и для вас.

– Почему это? – ухватила за последнюю фразу Джейн.

Если это способ избавиться от навязчивого мэра, то она готова рассказать ему во всех подробностях, чем занималась с инспектором прошлой ночью.

– Потому что... – он снова сделал глоток и, подняв взгляд к потолку, покатал жидкость во рту. – Волки моногамны. Вторая ипостась не позволит вам крутить шашни за спиной единственного мужчины. Которым я готов стать.

Он томно посмотрел на нее покрасневшими и влажными глазами.

– Какая честь, – съязвила Джейн, которой все это уже начало надоедать.

Она внимательно смотрела мистеру Эдверсону в рот, но он ни разу не открыл его настолько широко, чтобы появилась возможность пересчитать все зубы, которые были очень крепкими и белыми на вид.

– Напротив, это для меня честь, – возразил он, не уловив сарказма. – И я уверяю вас, Джейн, что буду хорошим мужем.

– Откуда вам знать? С первой женой у вас не сложилось, второй раз вы не женились.

– Я считал себя одиноким волком, – мэр печально улыбнулся, и Джейн быстро подалась вперед, пытаясь рассмотреть его зубы.

Расценив это как проявление интереса, мистер Эдверсон поднялся и пересел на подлокотник ее кресла, положил горячую и влажную ладонь на плечо Джейн, и она тут же вскочила и отошла к камину.

– С вашим появлением я понял, что ошибался, – сообщил Грэг, садясь в ее кресло удобнее. – Я сделаю все, чтобы наследница Олдброков, хозяйка холмов, была счастлива. Я положу весь мир к вашим прекрасным ножкам.

Его взгляд ощупал ее фигуру сверху вниз до самых красных туфель.

– Одинокий волк – это фигура речи? – уточнила Джейн.

– Моя постель так долго была холодна... – пожаловался он и облизнул губы.

Джейн едва не выругалась одним из тех ужасных слов, что слышала у матросов, пока плыла через Атлантику. Собравшись с духом и переместив ладонь поближе к амфоре, спросила:

– Как вы связаны с миссис Олдброк, Грэг? – Имя мэра далось ей через силу. – Я не могла не заметить, что она относится к вам с симпатией, а ведь ей не так просто понравиться.

– Она разбирается в людях, – покивал он. – Звериное чутье. Скажите, Джейн, что вы чувствуете ко мне?

– Ничего, – соврала она.

Дикое раздражение и физическое отвращение – вот что.

– А мне кажется, между нами уже проскочила искра, – многозначительно произнес он и хрипловато добавил: – Не бойтесь своей страсти, Джейн.

Он попытался подняться, но в поле его зрения попала чашка. Мэр взял ее, сделал еще глоток, а после мотнул головой. Что бы он ни подливал себе вместо чая – это была забористая штука. Подмигнув Джейн, Грэг похлопал себя по колену.

– Серьезно? – высокомерно произнесла Джейн. – Вы рассчитываете, что я прыгну к вам на колени, как болонка?

– Простите, – пробормотал он. – Виноват. Только после свадьбы, да? Соглашайтесь, Джейн. Я все-все о вас знаю. На волчье время у нас будут разные спальни. Ваша – с выходом в холмы. Я привезу из Австралии кроликов отборной породы, с нежным мясом и большими

ушками. А если вдруг вы снова... сорветесь... – мэр отвел взгляд. – Я прикрою вас. Об этом и говорила Сильвия. Вам нужен тот, кто примет вас такой, какая есть.

– Но почему вы? Что вас связывает с Олдброками? – с отчаянием воскликнула Джейн.

– Я – Эдверсон, – вздохнул мэр, с сожалением глядя в опустевшую кружку.

– И?

– Не понимаете? Эдверсон, Эдвардсан, сын Эдварда. Фамилию слегка исказили со временем, но смысл ясен.

– Значит, вы – сын Эдварда? – ахнула она.

– Не сын, конечно. Прапрапра... – он икнул. – Правнук. Мой род идет от старшего сына того самого Эдварда.

– А Олдброки? – растерялась Джейн.

– Олдброки – от дочери, которая родилась после его знаменитого боя с чудовищем и унаследовала тот самый дар. Знаете, Джейн, в архивах я нашел сведения, очень неточные, однако позволяющие сделать вывод, что именно дочь Эдварда, так сказать, приручила волка. После смерти отца она провела некий ритуал, связав дух свободного зверя со своим родом.

– Мы с вами, выходит, родственники?

– Очень дальние, – успокаивающе заверил он. – Очень. Столько крови перемешалось с тех пор.

– Миссис Олдброк – ваша тетя? Или... В девичестве у нее ведь была другая фамилия?

– Нет, – покачал он головой. – Сильвия – урожденная Олдброк. Единственная дочь. Ее отец поставил условие, что фамилия должна сохраниться. Семейная традиция. Муж Сильвии, как же его звали... – Грэг задумался, пощелкал пальцами, но после махнул рукой. – Он согласился. Ему слишком часто приходилось соглашаться. Сильвия его подавляла. С мужчинами так нельзя. Знаете, Джейн, разница в возрасте сыграет нам на руку. Вам придется признать мой авторитет. Ведь я куда опытнее, мудрее...

– Но вы не вервольф, – повторила Джейн на всякий случай.

– Вервольфом был Макс, – мрачно сказал Грэг. – Наша дружба всегда несла в себе долю соперничества, как и бывает у настоящих мужчин. Я был сильнее, умнее, красивее... А потом вдруг в один миг

все переменялось! В нем появилось нечто такое, что мне было недоступно. Он стал с легкостью обходить меня во всем. Согласитесь, это нечестно! – он сердито вернул пустую чашку на стол. – Я старший сын старшего сына, который был старшим сыном...

– Я поняла, – перебила его Джейн.

– И справедливо будет, если дар придет в наш род.

– Проклятие, а не дар.

– У моих наследников будет сила, власть, здоровье...

– А вы болеете?

– Силен как бык. Во всех смыслах.

Пристально глядя на нее, мэр расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, еще одну. Густая поросль седых волос показалась в вырезе, но Джейн не отвела взгляд.

– А зубы у вас хорошие? – спросила она напрямик.

– Вы же не коня выбираете, – криво ухмыльнулся он. – А мужа. Давайте я устрою вам экскурсию по дому, из моей спальни открывается чудесный вид на город. Мы могли бы остаться жить здесь после свадьбы, но вам, конечно, нужен простор...

– Сейчас мне нужна дамская комната, – устало сказала Джейн.

Выйдя из гостиной, она нашла нужную дверь и, вцепившись пальцами в ручку, посмотрела на свое отражение в зеркале.

Итак, мистер Эдверсон заверяет, что он не вервольф, и очень по этому поводу грустит. Остается лишь Сильвия и она сама. Злость на миссис Олдброк слегка утихла. Теперь Джейн немного понимала ее желание поскорее свести внучку с мэром. Мистер Эдверсон – влиятельный человек. Он знает секреты Олдброков, поскольку является дальним родственником. Более того, он относится к оборотням с восторгом и готов даже прятать трупы, если такие вдруг появятся. А муж миссис Олдброк, видимо, сбежал от нее, и она боится, что такая же судьба ждет и Джейн.

Открыв рот, она провела языком по зубам. Все на месте. Робкая надежда, что доктор не ошибся, определив беззубость волка, поддерживала ее. И еще Ральф. Но что, если он испугается, как покойный муж миссис Олдброк, и удерет куда подальше? И что, если она, Джейн, вообще не вервольф? И все это лишь попытки запутать ее и запугать!

Выхватив целую охапку салфеток, Джейн порвала их в клочья и швырнула в стену. Она пойдет сейчас в гостиную и заставит мэра показать зубы, даже если ей придется для этого тукнуть вазой по маленькой трогательной лысине на его макушке.

Процокав каблуками по мраморному полу, Джейн, полная решимости, распахнула дверь гостиной.

Мистер Эдверсон спал, откинув голову на спинку, и его нижняя челюсть расслабленно отвисла. Не веря в свою удачу, Джейн на цыпочках подкралась ближе, присела. Мэр всхрапнул, причмокнул губами, и его рот снова приоткрылся.

Если бы Грэг был жеребцом, то никто не дал бы за него хорошую цену. Ровные белые зубы оказались фальшивой накладкой из фарфора, крепящейся к желтым пенечкам, сохранившимся через одного. Волк с такими зубами может охотиться разве что на лягушек.

Джейн выпрямилась, чувствуя странную досаду и разочарование от того, что мэра можно вычеркнуть из списка подозреваемых. Такой подходящий кандидат!

Она тихо вышла из гостиной, а потом и из дома. Слуг не было слышно. Видимо, мэр отослал их подальше, чтобы не помешали экскурсии, которая должна была завершиться в спальне с отличным видом на город.

По Вуденкерсу плыл туман, и серые соломенные крыши домов, вынырывающие из молочной реки, казались плавниками хищных рыб. С трудом справившись с тяжелыми воротами, Джейн зашагала вниз по улице, обхватив себя руками, чтобы согреться. Наверное, разумнее было бы остаться у мэра, а не разгуливать в сумерках в фамильных рубинах.

Заметив в тумане приближающуюся фигуру, Джейн инстинктивно перешла на другую сторону улицы. Сумочка осталась в экипаже, вместе с «кольцом», до поместья Олдброков далеко, но полицейский участок куда ближе. Приободрившись, Джейн пошла быстрее.

* * *

Кэтрин шла к невысокому домику, уютящемуся у лесопилки, и кляла Элизабет на чем свет стоит. Надо поскорее выдать ее замуж за

инспектора. Хорошо бы вообще сплавить куда подальше, хотя бы в Лондон, но там могут быть подводные камни, которые заранее беспокоили Кэтрин.

Элизабет совершенно не ценила того, что у нее есть: роскошные наряды, украшения, вышколенные слуги – все это она воспринимала как нечто само собой разумеющееся и могла разом потратить на одни лишь ленты сумму, которой Кэтрин хватило бы на месяц разумных трат.

Но однажды они поменяются местами. Кривая ухмылка совершенно преобразила простоватое личико Кэтрин, но она, опомнившись, тут же вернула ему обычное выражение – слегка растерянное и миролюбивое.

Инспектор появился в Вуденкерсе очень кстати, и Кэтрин понадобилось лишь слегка подтолкнуть интерес Элизабет, чтобы та влюбилась в него без памяти и даже думать не стала о мистере Фелстоне – помощнике ее отца. Да, у мистера Фелстона волосы не блестят золотом на солнце, его глаза скучного серого цвета, а зубы слегка кривоваты, зато он уже стал управляющим лесопилками мистера Блювенгейза. И если Элизабет выйдет замуж за кого-нибудь, не проявляющего интереса к банальным делам вроде продажи леса, то вскоре и вся власть перейдет в руки мистера Фелстона.

Который наверняка обрадуется внезапному визиту своей почти невесты.

Поднявшись по ступенькам, Кэтрин задержалась перед дверью, чтобы покусать губы и слегка оттянуть вниз платье. Пусть природа не одарила ее с такой щедростью, как Бетти, но ей тоже есть что показать.

Постучавшись, она толкнула дверь и вошла в небольшой кабинет, где за массивным столом, заваленным бумагами, сидел ее будущий муж, который отчего-то так тянет с предложением.

– Мисс Гоглстен? – удивился он, приподнимаясь с места.

Однако, к обиде Кэтрин, в голосе его скорее слышалась досада, чем радость от внезапной встречи.

– Добрый вечер, мистер Фелстон, – старательно улыбнулась она, зная, что на ее щеках сейчас появились очаровательные ямочки. – А я как раз шла мимо...

– Куда же вы шли? – поинтересовался он.

Не дождавшись приглашения, Кэтрин села напротив, расправив пышные юбки. Она носила это платье и в прошлом году. Элизабет не раз давала понять, что нашитые поверх кружева никого не обманули.

— Ох, вы, наверное, не знаете... — ушла она от ответа и взволнованно прижала руку к груди, оголенной куда больше приличий.

Мистер Фелстон проследил за ее жестом, и его взгляд слегка смягчился.

— В Вуденкерсе творится такое! — добавила она, округлив глаза.

— Я слышал, — сказал он. — На девушку напал волк. Сегодня были похороны. Однако у меня столько дел...

— Мистер Блювенгейз завалил вас работой, — посочувствовала Кэтрин. — Когда он возвращается из Лондона?

— Когда его супруга наконец посетит все званые вечера и театральные премьеры, — усмехнулся мистер Фелстон. — А вы, Кэтрин, любите театр?

Ей вполне хватает книжного клуба.

— Не очень, — призналась она чуть виновато, прекрасно понимая, что именно это мистер Фелстон и хотел бы услышать. — Я по натуре домоседка.

Пока нет новых нарядов, нет смысла куда-то ходить. А вот потом, когда они поженятся и мистер Фелстон приберет к рукам большую часть состояния Блювенгейзов... В том, что именно к этому он и стремится, Кэтрин не сомневалась ни секунды с тех самых пор, как впервые увидела его цепкий холодный взгляд.

— Выбираюсь только к Элизабет, — добавила она. — Вы же знаете, мы с ней как сестры.

— Как она поживает? — с обманчивым равнодушием поинтересовался мистер Фелстон.

Вот зараза! Кэтрин с усилием улыбнулась, опустила взгляд на бумаги на столе, чтобы глаза случайно не выдали эмоции, захлестывающие ее сейчас через край.

Вот поэтому он и не делает предложения — ждет, вдруг прекрасная и богатая Элизабет обратит на него свой взор.

— Не очень, — вздохнула Кэтрин.

— Что случилось? — встревожился мистер Фелстон. — Она, надеюсь, не больна?

– Нет... Физически – нет. Однако... – она передвинула карандаши, стоящие в подставке. – Мне, наверное, не стоит быть столь откровенной, но мне просто надо с кем-то поделиться...

Кэтрин закусил губку и бросила взгляд на мужчину.

– Конечно, – подбодрил он ее. – Говорите же.

– Элизабет влюблена в инспектора Рейнфорда, – выпалила она.

Мистер Фелстон, поморщившись, лишь отмахнулся.

– Мимолетное увлечение, – сказал он не слишком уверенно.

– Увы, нет. Она одержима им, – печально произнесла Кэтрин, внимательно наблюдая из-под ресниц за реакцией мужчины. Раздражен, но этого мало. – Целыми днями от нее только и слышно – мистер Ррр, мистер Ррр, прекрасный божественный Ральф...

– Что ж, это ее личное дело, – пожал он плечами, поскучнев.

– Она не хочет даже видеть никого, кроме инспектора, – добавила Кэтрин, чтобы уж наверняка. – Все остальные мужчины кажутся ей нелепым посмешищем.

– Любовь затмевает разум.

– Согласна. Недавно она так нелестно отзывалась о вас... – будто опомнившись, она прикрыла ладошкой рот.

– Вот как, – процедил сквозь зубы мистер Фелстон.

– Любовь действительно сделала ее сумасшедшей, – кивнула Кэтрин. – Ведь нельзя же не видеть, что вы – самый достойный мужчина в нашем городе!

Снова прикусив нижнюю губку, она опустила ресницы, будто засмущавшись случайно вырвавшегося признания.

– И что же там с инспектором? – поинтересовался мистер Фелстон.

– К несчастью для бедняжки Элизабет, он увлекся другой, – вздохнула она. – Мисс Уокер, американка, вы слышали о ней?

– Та, что гостит у Олдброков?

– Говорят, она дочь Максимилиана, – заговорщическим шепотом сообщила Кэтрин.

– Вот как?

– На них проклятие, вы знаете?

– Мисс Гоглстен, вы ведь не верите во всю эту чушь с вервольфами, – поморщился он, красноречиво поглядывая на бумаги.

– Однако бедную девушку нашли позади поместья с перегрызенным горлом!

– Опасно ходить одной. Вы, кстати, пришли без сопровождения?

Кэтрин пожала плечами. Лесопилка не так далеко от города и в противоположной от Олдброков стороне.

– Люди считают, что это мисс Уокер убила ее, – мрачно сказала она. – И теперь собираются ее... обезвредить.

– Какое мракобесие, – вздохнул он. – Надо бы сообщить в полицию.

– Мистер Рейнфорд и так постоянно рядом с ней, – отмахнулась Кэтрин. Разговор сворачивал не туда. Надо как-то дать понять мистеру Фелстону, в чем его интерес во всем этом. – Мисс Уокер – единственное, что интересует инспектора, помимо полицейских расследований. Наверное, мистер Блювенгейз не слишком оценит такого зятя, как вы считаете?

Мистер Фелстон, который уже приподнялся с кресла, снова сел и внимательно посмотрел на Кэтрин.

– Я часто провожу у них время и не раз слышала, с каким восторгом он отзывается о вас, – не соврала она. После одного из таких подслушанных разговоров Кэтрин и решила прибрать к рукам помощника отца Бетти. – Как-то раз, совсем недавно, мистер Блювенгейз сказал, что если Элизабет выберет в мужья кого-нибудь неподходящего, то придется оставлять все дела вам.

Невыразительные глаза мужчины алчно вспыхнули.

– Конечно, он был бы рад видеть вас своим зятем, – глупо хихикнула Кэтрин. – Но Элизабет ни в какую... Тем более что мы с ней как сестры... И мы с вами...

Она снова опустила ресницы, от души жалея, что не умеет краснеть, когда это так требуется.

– Мисс Гоглстен, – медленно произнес мистер Фелстон. – Я действительно питаю к вам симпатию. И искренний интерес.

Кэтрин прерывисто вздохнула, так, чтобы грудь приподнялась.

– Однако меня привлекли не столько ваши бантики, локоны и очаровательные щечки, сколько расчетливый ум, который вам не спрятать за неловкими ужимками.

Кэтрин озадаченно посмотрела прямо на него.

– Я провел сотни сделок, и в каждой из них меня пытались обмануть. Я вижу вас насквозь. И то, что я вижу, мне нравится, – добавил он, сцепив пальцы рук. – Поэтому давайте начистоту. Чего вы хотите?

Кэтрин молча смотрела на него, быстро оценивая ситуацию, но потом, набрав в грудь побольше воздуха, выпалила:

– Я хочу, чтобы вы поддержали слух о том, что мисс Уокер – вервольф, или хотя бы не запрещали работникам лесопилки пойти к поместью Олдброков, – сказала она. – Тогда инспектор погорюет и женится на Элизабет, а вы станете старшим партнером и правой рукой мистера Блювенгейза. Иначе он увезет дочь в Лондон, где она сможет найти партию, куда более подходящую ее положению. А заодно и ее отцу. А вы так и останетесь младшим партнером.

– А я ей, выходит, не нравлюсь.

– Она сказала, что вы – плешивый уродец, – безжалостно повторила она слова Бетти. – К тому же мистер Блювенгейз уверен, что вы ухаживаете за мной. Если вы переметнетесь к его дочери, это подорвет вашу репутацию надежного человека, которому можно доверять.

– А вы, значит, часто бываете у них и многое слышите, – задумчиво произнес мистер Фелстон, глядя на Кэтрин как-то по-новому.

– О да, – подтвердила она. – И слышу, и вижу. Мистер Блювенгейз дома ведет себя очень расслабленно. Легкомысленно, я бы даже сказала. Говорит не таясь. Не закрывает двери кабинета. Оставляет важные бумаги на столе...

Брови мистера Фелстона едва заметно дернулись вверх, и Кэтрин не смогла сдержать торжествующей улыбки. Наконец-то они друг друга поняли.

– Занимательный разговор у нас вышел, мисс Гоглстен, – сказал он. – Давайте продолжим его по дороге. Я, разумеется, провожу вас.

– Благодарю, мистер Фелстон.

– Зовите меня Джек, – предложил он. – Нам давно пора перейти на новый уровень близости, мисс Гоглстен.

– Кэтрин, – улыбнулась она.

– Я и надеяться не смел, что встречу в вашем лице столь неординарную личность, родственную душу...

Он обошел стол и подал ей руку, помогая подняться. От мистера Фелстона пахло потом и вареной фасолью, но Кэтрин не стала отстраняться, когда он положил ладонь ей на талию и уверенно привлек к себе.

– Ваши родители дома? – поинтересовался он, убирая с ее щеки локоны.

– Хотите присоединиться к нам за ужином? – спросила она, ликуя от радости.

– Хочу. У меня есть важный разговор к вашему отцу. Но сначала я должен спросить у вас. Кэтрин, вы станете моей женой?

– С удовольствием, – искренне ответила она и подалась вперед, так что сухие губы мистера Фелстона уткнулись в ее.

Он поцеловал ее напористо и с явным знанием дела, а после отпустил и удовлетворенно кивнул.

– Подождите меня минутку. Я зайду на лесопилку, отпущу всех пораньше.

– Может, стоит выдать им какую-нибудь премию, – предложила Кэтрин, прижимая ладони к горящим щекам.

– Чтобы было с чем зайти в паб, – понял мистер Фелстон. – Думаю, наш брак будет весьма выгодным предприятием, Кэтрин.

– Не сомневаюсь в этом, Джек, – согласилась она.

Глава 18

Все в тумане

Крышка с грохотом опустилась на каменный пол, но, к счастью, даже не треснула. Кто бы ни создавал саркофаги для семейного склепа Олдброков, он знал свое дело. Присев на корточки, Ральф поднес свечу ближе к семейному гербу, высеченному в камне, будто бы заинтересовавшись волчьей головой, а на самом деле – оттягивая момент, когда останки Максимилиана Олдброка предстанут перед его взором. В животе замутило от вони, и Ральф порадовался, что не успел пообедать.

– Как интересно, – протянул мистер Филипс, которого, видимо, запахи не смущали.

– Доктор, – спохватился Ральф. – Наверное, надо было взять инструменты!

– Не надо, я и так вижу главное.

Тени метнулись по каменной стене, когда доктор поднес свечу ближе к останкам.

– И что же там? – поторопил его Ральф.

– Взгляните сами, инспектор.

– Думаете, я смогу что-нибудь понять по двадцатилетней мумии? – усомнился он. – Вы слишком высоко оцениваете мои аналитические способности.

– Давайте же, – подбодрил его доктор Филипс. – Вы должны это увидеть. Такое чувство, будто у вас это в первый раз.

В голосе его явственно прозвучала насмешка.

– А вам, значит, без разницы, живой человек или мертвый? – уточнил Ральф, выпрямляясь и глядя на доктора.

Сейчас он выглядел еще старше: глубокие провалы глаз, резкие складки морщин, нездоровый цвет лица, еще более желтый при теплом свете свечи.

– Главное, чтобы это был человек, – рассудительно произнес доктор Филипс и поднес свечу к гробу. – В принципе, я как-то помогал разродиться тельной корове миссис Хокинс, но все же ветеринария – не мой профиль.

Ральф наконец перевел взгляд на останки, покоящиеся в гробу, и остолбенел.

– Как видите, инспектор, инструменты не понадобятся, – продолжил как ни в чем не бывало доктор Филипс. – Я бы, конечно, мог провести вскрытие, однако причина смерти и так понятна. Пулевое отверстие в грудной клетке, ножевая рана вот здесь... Вам это известно и так, верно? Ведь, если я ничего не путаю, это вы его и убили?

Ральф молча смотрел на волка, лежащего в саркофаге Максимилиана Олдброка, подозревая, что сходит с ума. Густая серая шерсть свалаялась и опала, облепив ребра. Оскаленные зубы засыпало каменной крошкой и пылью, осевшей с тяжелой крышки. Однако дно саркофага укрывало стеганое одеяло, а под головой волка лежала атласная подушечка с золотыми кистями на углах.

– Кто-то похоронил его как родного, – заметил доктор. – Миленько. Но куда, хотел бы я знать, подевался Максимилиан?

– Я бы тоже не отказался узнать, – пробормотал Ральф, к которому наконец вернулся дар речи. – А ну-ка...

Он подошел к следующему саркофагу, взялся за каменные углы и кивком указал на противоположные.

– Вообще-то я на это не подписывался, – напомнил доктор Филипс, берясь за противоположные углы.

– Повезло мне с вами, – прокряхтел Ральф, сдвигая крышку. – Впрочем, хороший доктор должен быть любознательным.

– И сильным, – тяжело дыша, добавил мистер Филипс и протер рукавом взопревший лоб. – Только не говорите, что вы хотите вскрыть все саркофаги!

Ральф кивнул, глядя на очередного волка в каменном гробу.

– Ладно, – буркнул доктор, подходя к следующему. – Мне самому интересно.

Через некоторое время он бессильно прислонился к стене и, вынув из кармана портсигар, а затем и сигару, прикурил от толстой свечки, которая успела стать вдвое короче. Затянувшись, доктор выдохнул дым и прикрыл глаза.

– Не спорю, со вдовушкой было бы куда приятнее, – согласился Ральф, медленно идя вдоль волчьих останков.

– Но ей бы точно не удалось меня удивить так, как вам.

– Я польщен. Скажите, доктор, на ваш профессиональный взгляд, это обыкновенные волки?

Доктор оттолкнулся от стены и, подойдя к ближайшему саркофагу, сбил обуглившийся кончик сигары прямо в него.

– *Canis lupus*. Никаких вервольфов, если вы об этом.

Ральф машинально протянул руку и стряхнул пепел с серой шкуры.

– Хочу также отметить, что все останки в хорошем состоянии. Точно не скажу, но вряд ли им больше десятка-двух лет, – добавил доктор Филипс, щуря один глаз от сигарного дыма. – Кроме, разумеется, этого.

Последний саркофаг, над которым им пришлось попотеть дольше всего, стоял в глубине склепа. Волчьи кости на истлевшей обивке белели жемчугом.

– Тот самый волк, которого убил святой Эдвард? – тихо спросил Ральф.

– Видимо, – пожал плечами доктор Филипс, подойдя ближе. – Поглядите, – он ткнул тлеющим концом сигары в два ребра. – Сломаны. А тут бороздки, словно от металла. Я не большой знаток истории, но это вполне можно было сделать копьем. И вы поглядите, какие зубы! – Он приложил палец к загнутому клыку. – Настоящий гигант! Убить такого один на один...

Яростный рык, клыки как ножи, в желтых глазах обещание смерти... Ральф тряхнул головой, прогоняя наваждение. Эдвард явно был не робким малым, но то – дела давно минувших дней.

– Давайте вернем все на место, – предложил он.

– А может...

– Миссис Олдброк, – коротко напомнил Ральф, и доктор, вздохнув и смяв сигару о стену, взялся за крышку со своей стороны.

– Я требую, чтобы вы все мне рассказали, – выдавил он, опершись на колени и сплевывая в сторону, когда все было закончено. – Где останки Олдброков? Почему в гробах волки? Кто их туда кладет?

Ральф знал ответ лишь на последний вопрос, но и этого пока было достаточно.

Он отдал волка, убитого им, мэру, который обещал устроить музей. Оглядев ряды саркофагов, Ральф поправил крышку, которая лежала криво, и она с глухим стуком вернулась на место. Свечи

чадили, и по стенам метались тени, серебрилась густая бахрома паутины под потолком, воняло истлевшей плотью и табаком. Пока что это мало напоминало музейную экспозицию.

* * *

Джейн шла по Вуденкерсу, оскальзываясь на влажной брусчатке, и чувствовала, как паника сжимает ее горло так, что невозможно вздохнуть. Туман, который поначалу казался легкой дымкой, сгустился, словно простокваша, разлитая кем-то недобрым по всему городу. Джейн провела рукой, и плотные белые ручейки скользнули между пальцами, а потом ладонь тоже исчезла в тумане. Взгляд выхватил светлое пятно огня, Джейн метнулась к нему, но остановилась на полпути, едва не расшибив лоб о столб.

– Убьем вервольфа! – выкрикнул грубый мужской голос.

– Убьем! – вторил ему кто-то по другой стороне.

– Сожжем логово!

– Сожжем!

Замерев, как перепуганный птеник, Джейн подождала, пока огонь и крики не растают в молочной реке, а после осознала, что, пока она крутилась на месте, вовсе потеряла направление, куда идти.

Туман заползал в уши, трогал влажными пальцами нос, оседал тяжелыми каплями на ресницах. Хотелось сесть, сжаться в комочек, закрыть глаза и не двигаться с места, пока туман не рассеется и непонятное наваждение не пройдет, но Джейн все же сделала шаг, а потом еще один, и еще. Она пыталась найти какую-нибудь стену, чтобы пойти вдоль домов, но все они словно растаяли и исчезли бесследно, и руки Джейн проваливались в пустоту.

Она посмотрела вверх, чтобы попытаться сориентироваться по звездам, но смогла рассмотреть лишь равнодушный глаз луны, затянутый бельмом. Звуки, запахи – все пропало, перед глазами плавала плотная пелена, словно Джейн умерла и зависла где-то между двух миров. Она успела испугаться, что теперь ее душа будет вечно бродить по туманному безвременью, ожидая Страшного суда, которым грозил ей отец, но потом впереди замаячил свет. Не тусклый огонь

факела, а прямоугольник окна, и Джейн, всхлипнув, бросилась к нему, споткнулась, растянулась на брусчатке и, поднявшись, снова побежала.

Крыльцо полицейского участка вынырнуло из тумана, как нос корабля. Королевский флаг висел над входом мокрой тряпицей. Не сдержав радостного вскрика, Джейн потянула дверь и попала прямо в дружеские объятия миссис Пампкин.

– Джейн! Дорогая! Что случилось?!

Женщина ошарашенно осмотрела неожиданную гостью, но, быстро справившись с удивлением, провела ее в гостиную, укутала пледом и сказала:

– Я сделаю чай.

Она исчезла в дверях, бросив напоследок озадаченный взгляд на Джейн, а та вдруг поймала свое неясное отражение в окне: волосы еще больше закурчавились от влаги, лицо бледное, а глаза... Джейн заставила себя подняться и на негнущихся ногах подошла к окну. Обман зрения? Отражение огонька, пляшущего в светильнике? Отблеск рубинов, украшающих ее грудь? Или ее глаза блестят совсем по-звериному?

Смутная догадка приобретала форму, словно проступая из тумана.

Джейн могла бы поставить все содержимое своего чемодана и даже фамильные рубины Олдброков на то, что мистер Рейнфорд не совершал ритуала, в отличие от остальных жителей Вуденкерса. Джейн попыталась представить, как Ральф закатывает рукава, зачерпывает пригоршню грязи... А ведь сначала еще надо бы украсть курицу!

Она истерично хихикнула, все так же глядя в окно. Перед ней был небольшой пятачок дороги, а после – стена тумана, который кто-то словно отрезал ножом, тумана, в котором она не видела и не слышала, который запечатал ей уши и нос и закрыл глаза...

Что-то обожгло Джейн под грудью, так что она вскрикнула от неожиданной боли, а потом все исчезло, и не было ни тумана, ни зеленых холмов.

Дверь в гостиную была открыта, что само по себе настораживало, поскольку миссис Пампкин не любила в нее заходить, чтобы не будить воспоминания о счастливом замужестве и печальной утрате. К тому же Ральф слышал, что она хлопочет на кухне. Посетителей он принимал в кабинете, а ожидали они обычно в приемной, значит, тот, ради кого в комнате горел огонь, – гость.

Хоть бы не мисс Блювенгейз со своими пирожками. Если она не поняла достаточно ясно выраженного отказа, то придется жениться на мисс Уокер поскорее.

Ральф вошел в гостиную, заранее хмурясь, но тут же забыл обо всех своих рассуждениях и бросился к Джейн, которая без чувств лежала на полу.

– Что вы с ней сделали? – воскликнула миссис Пампкин, появляясь следом с подносом в руках.

– Это вы что с ней сделали? – рассердился он. – Я только что вошел!

– Она влетела в участок пару минут назад, – озадаченно сказала секретарша. Поставив поднос на низкий столик у дивана и присев возле Джейн, обхватила ее запястье. – Вид у нее был, прямо скажем, пугающий: платье в грязи, волосы дыбом, взгляд... Да у нее жар!

Ральф положил ладонь на лоб Джейн и рефлекторно отдернул руку.

– Пульс зашкаливает, – неодобрительно сообщила миссис Пампкин. – Бегите за доктором.

– Его нет дома. И в приемном кабинете тоже нет. Мы расстались с ним у церкви, и он сказал, что собирается навестить какую-то вдову. Как вы понимаете, имя не прозвучало.

– Миссис Тоббс? – предположила миссис Пампкин. – То-то она в последнее время выглядит веселой. Или миссис Честрик? Она стала красить волосы.

– Почему мне знать? – возмутился Ральф.

– Вы, как инспектор полиции, должны больше интересоваться жителями города, – укорила его миссис Пампкин. – Давайте переложим бедняжку, на полу сквозит. Ну-ка, я возьму ее за ноги...

Ральф сгрел Джейн в охапку и без труда перенес на диван.

– Отправляйтесь за доктором, – приказал он.

– Я, пожалуй, сперва побегу к миссис Рэдшоу, – рассудительно сказала миссис Пампкин. – Она всегда была... дружелюбной женщиной. Жизнерадостной.

– Скорее! – прикрикнул он, и миссис Пампкин неодобрительно глянула на него, но потом проворно поспешила прочь.

Вскоре входная дверь захлопнулась. Джейн тихо застонала и, поморщившись будто от боли, потерла ладонью под грудью.

Взяв салфетку с подноса, на котором исходили ароматным паром две чашки, Ральф осторожно промокнул выступившие бисеринки пота на лбу и висках Джейн, а после расстегнул верхнюю пуговку платья.

– Чтобы вам было легче дышать, – пояснил он.

Тонкая венка на ее шее быстро трепетала, рыжие кудри у висков потемнели от пота. Ральф пригладил ее волосы, снова потрогал лоб.

– Вам жарко, Джейн?

Она лишь застонала в ответ, и Ральф расстегнул вторую пуговицу.

– Где вы были сегодня? – тихо спросил он. – Почему игнорировали меня в церкви?

Джейн повернула голову, и вдруг взмахнула рукой, едва не вклепив ему пощечину.

– Я, наверное, сам виноват, – вздохнул он, поймав ее руку и уложив вдоль тела. – Надо было хватать вас и тащить в церковь. Правда, сегодня обвенчаться все равно не получилось бы. Джейн...

Она вдруг забилась, словно в припадке, выгнулась, а потом рванулась вперед и зарычала, скаля зубы.

– О, черт! – вскрикнул он, схватил ее запястья, но Джейн снова опрокинулась на диван, обессилив.

Темные рубины ожерелья алели на ее коже свежими каплями крови, и Ральф, нахмурившись от неудачной ассоциации, нащупал застежку и, расстегнув ожерелье, бросил его на поднос. Всклипнув, Джейн снова прикоснулась к месту под грудью.

– Я инспектор. Это почти как доктор, – напомнил Ральф самому себе и быстро расстегнул пуговицы на ее платье до самого пояса.

Ее белье было возмутительно провокационным. Как, впрочем, и вся она. Прозрачное кружево, шелковые бретельки, черный цвет, подчеркивающий белизну кожи. Дыхание Джейн как будто слегка выравнилось, а вот его, напротив, участилось.

Татуировка мисс Уокер налилась цветом и немного припухла. Тонкие линии, закручивающиеся и переплетающиеся в единый узор, словно ожили: казалось, они движутся, затягивая в центр, где чистый пяточок кожи покраснел, как от ожога.

Ральф прикоснулся к линии кончиком пальца, медленно проследил завиток рисунка. Странно, но татуировка была холодной. Нахмурившись, Ральф положил руку на грудь Джейн. Даже через ткань тепло кожи обжигало.

– Что вы делаете?

Ральф поднял глаза и встретился взглядом с Джейн, которая, оказывается, пришла в себя и теперь наблюдала за его действиями с явным возмущением.

– Это не то, что вы подумали, – выпалил он и запоздало отдернул руку.

Джейн приподнялась на диване и принялась застегивать пуговицы, однако ее пальцы дрожали и не слушались. Ральф потянулся помочь, но встретил уничижительный взгляд и отпрянул.

– Вам надо обследоваться у доктора, – сказал он, отвернувшись. – У вас явно что-то не в порядке со здоровьем.

– У меня все прекрасно, – ответила Джейн.

– Вы валитесь без чувств при любом удобном случае, – возразил он. – И ладно еще, если я рядом и могу вас поймать. Но когда я увидел вас на полу, мое сердце едва не выскочило...

– Вот и обследуйтесь сами, – посоветовала она. – Раз так нервничаете.

– Вы правы, Джейн, я действительно разнервничался. Я не знал, что с вами случилось, – это раз. И не помню, когда тут мыли пол – это два. – Он снова повернулся к ней. – Так что с вами не так? Слабое сердце? Давление?

Она промолчала, заканчивая с пуговками. Лишь бросила на него непонятный взгляд, будто взвешивая – стоит ли вообще говорить.

– Акклиматизация? – неуверенно предположил он, с сожалением наблюдая за тем, как кружевное белье исчезает под плотной тканью платья. – Вы ведь не станете снова уверять меня, что обращаетесь в волка по ночам. Хотя я буду рад провести еще одну ночь с вами... Еще очень много ночей. По правде сказать, я бы хотел провести с вами все оставшиеся мне ночи и дни.

Она все так же молчала, отведя взгляд в сторону, и Ральф решил не давить.

– Выпейте чай, пока миссис Пампкин пошла за доктором, – предложил он.

– Я не могу, – Джейн поднялась, оправила платье и пошла прочь.

Ральф озадаченно посмотрел ей вслед, но потом вскочил и бросился за Джейн. Дверь в участок оказалась распахнутой, и по улице плыла туманная дымка, словно кто-то накинул на город вуаль.

– Вы замерзнете! – выкрикнул он. – Погодите, я дам вам пальто.

– Мне не холодно, – спокойно ответила Джейн, стоя внизу ступенек. Обернувшись, она посмотрела на Ральфа, и он вздрогнул: туман окутывал ее, неуловимо меняя черты, а голубые глаза казались особенно яркими.

Джейн набрала полную грудь воздуха, словно перед тем как нырнуть, и шагнула вперед. Выставила руки, будто не видела дальше своего носа. Прикрыв дверь, Ральф догнал девушку и взял ее за руку – горячую, как головешка, и Джейн вцепилась в его ладонь, так что пальцам даже стало больно.

– Что происходит? – требовательно спросил он. – Куда вы бросились сломя голову? Знаете что, Джейн, если вы не дадите мне исчерпывающий ответ, я верну вас в отделение силой. Вы, конечно, крепкая девушка, но легкая, так что я справлюсь. И если даже вы надаете мне тумаков – хорошо. Как показала практика, я смогу использовать это в своих интересах. Запру вас в камере, и мы спокойно дождемся доктора. Как вам такое предложение? Правда, в ночь с пятницы на субботу в камере обычно ночует мистер Румпик, и, несмотря на все усилия миссис Пампкин, там воняет...

– Что? – переспросила Джейн, как будто он стоял не в полушаге от нее, а на другой стороне улицы.

Ее глаза блестели, а запах ягод, исходящий от кожи и волос, стал отчетливее.

– Что происходит? – громко произнес Ральф, склонившись к Джейн, так что его губы коснулись нежного ушка, украшенного сережкой с рубином. Запоздало вспомнилось об ожерелье, что осталось лежать рядом с остывшим чаем.

– Мне надо идти, – сказала она, и ее голос прозвучал хрипло. – Я должна.

Нехотя отпустив его ладонь, она побрела вперед, раздвигая руками туман, который ластился к ней, словно кот, обнимал белыми лапами талию, хватал за подол. Позади раздался дробный стук копыт, и Ральф, опомнившись, быстро подтолкнул Джейн к фонарю, уводя ее с дороги.

– Поберегись! – мэр проскакал мимо на коне, закусившим удила, и скрылся в ночи.

– У него было копьё? – спросил Ральф недоуменно. – Все словно с ума посходили... Джейн, вы видели? Это ведь был мистер Эдверсон?

Она ничего не ответила, словно не слышала или не хотела слышать.

– Ладно, – пробормотал Ральф, снова беря ее за руку и ведя за собой. – Надеюсь, свежий воздух пойдет вам на пользу. Надо выяснить, куда помчался мэр с копьём наперевес.

Город словно вымер: закрытые ставнями окна, запертые двери. Полная луна сегодня была яркой, как янтарные глаза миссис Олдброк.

– Знаете, я подумываю о переводе, – сердито заявил Ральф. – Да, здесь интересно и для холостяка самое место, но в свете изменившихся обстоятельств лучше подумать о какой-нибудь другой тихой деревеньке. Впрочем, там могут найтись свои нюансы... А тут волчье время всего-то раз в год. Что скажете, Джейн, вам нравится Вуденкерс?

Они выбрались из города, и туман нехотя отпустил Джейн, втягивая назад белые когти.

– Нравится ли мне Вуденкерс? – переспросила она, оглядываясь назад. – Скажем так, я нашла здесь больше, чем могла надеяться.

Ральф не успел уточнить, входит ли он в это большее, когда его глаза различили впереди огненную змею: десятки, если не сотни факелов тянулись по дороге к поместью, сворачивая на перекрестке около фермы миссис Хокинс.

– Вот черт, – выпалил он. – Куда это они? К поместью? Зачем?

– Горожане хотят убить волка, – сказала Джейн. – Они кричали, что идут сжечь логово.

Волосы на его руках встали дыбом, а кожа покрылась мурашками, словно Ральфа окатили холодной водой.

– Но они ведь не думают, что...

– Думают, – ответила Джейн.

О нет! Он ведь сам попросил устроить облаву на волка и обрадовался, когда один из жителей заверил, что знает, где логово! Но он-то полагал, что речь об обычной охоте!

– Возвращайтесь в участок и ждите меня, – приказал он, подталкивая ее назад.

– Это моя бабушка, – возразила Джейн. – Я не могу потерять ее сразу после того, как обрела. Они ее убьют! Я не брошу ее на растерзание толпы!

– И поэтому пусть лучше растерзают вас? Миссис Олдброк живет здесь всю свою жизнь, и ничего с ней не случилось!

Джейн пошла вперед, и Ральф, выругавшись, поспешил за ней. Кто знает, безопасно ли отправлять ее назад. Вдруг по пути в участок ей попадется еще какой-нибудь охотник на вервольфов. Она ведь тоже Олдброк, как выяснилось. Вернуться вместе с ней? Забросить на плечо, донести до участка и запереть, как и обещал? Но если жители Вуденкерса решили устроить ритуальное убийство старой леди, то ему никак нельзя медлить!

Хоть бы это оказалось какое-нибудь недоразумение, безобидный огненный хоровод, после которого все пойдут по домам. Очередной странный обычай.

Ему вдруг послышался какой-то необычный звук и, прислушавшись, Ральф понял, что исходит он от Джейн. Она быстро шла рядом, не спотыкаясь, напротив – несколько раз подхватывала его, не давая растянуться на неровной дороге, так, будто отлично видела в темноте. И тихо рычала.

Глава 19

Ожерелье и старый долг

Элизабет толкнула дверь полицейского участка, и та приветливо распахнулась. Значит, Ральф здесь. Прекрасно. Все идет по плану. Она своими глазами видела, как работники лесопилки толпой прошли мимо ее дома и свернули к пабу. Вряд ли им хватит денег, чтобы кутить всю ночь. А вот подогреть воинственный дух – вполне.

Кэтрин все же молодец. Хорошо иметь такую подругу. Главное – держать ее на коротком поводке и иногда давать понять, кто здесь главный, чтобы та не смела слишком сильно скалить зубы.

Теперь надо задержать Ральфа, чтобы он не успел на выручку рыжей. И чтобы, не дай бог, не пострадал в драке. Говорят, шрамы украшают мужчин, но у него такое красивое лицо. Не хватало еще, чтобы ему сломали нос.

Фыркнув, она приподняла юбки и перешагнула порог.

– Мистер Рейнфорд! – позвала она. – Миссис Пампкин!

У Элизабет не было особого плана, она предпочитала действовать по ситуации. Сейчас Ральф наверняка уязвим. Он причинил ей боль жестокими словами и не сможет выставить вон. По крайней мере, не сразу. Хотя бы чай ей точно предложит. А она будет пить его очень, очень долго, представляя, как в этот самый момент наглую американку волокут на костер.

– Инспектор! – позвала она снова.

В самом деле, куда все подевались? Кабинет оказался заперт. На столе в приемной валялись какие-то бумажки, огрызки карандашей и отвратительно зеленый клубок, пронзенный спицами. Все же миссис Пампкин небрежно относится к своим обязанностям. Почему ее нет на месте? Элизабет даже на миг задумалась о том, чтобы заменить секретаря, когда она станет миссис Рейнфорд. Но у миссис Пампкин было одно несомненное достоинство – почтенный возраст. Не хватало еще, чтобы возле Ральфа крутилась какая-нибудь вертихвостка!

Элизабет заметила свет в гостиной, просачивающийся из-под двери, и решительно направилась туда. Постучав, открыла, но в комнате, несмотря на зажженные светильники, тоже было пусто.

На низком столике стояли две нетронутые чашки с чаем. Странно. К Ральфу кто-то приходил? Обычно он принимает всех в кабинете.

Нахмурившись, Элизабет собралась закрыть дверь, но потом увидела нечто такое, чего никак не могло быть на подносе рядом с плошкой с овсяным печеньем.

Заклятая подруга матери как-то поддела ту в разговоре. «Ах, Элисон, – сказала она. – Вы с Максимилианом были такой красивой парой. Жаль, что у вас не сложилось. Кто знает, если бы он не бросил тебя, то, может, остался бы жив». Мать холодно улыбнулась и ответила, что куда больше жалеет о фамильных рубинах Олдброков, которые ей даже не довелось примерить.

И вот теперь они лежат, брошенные, как ненужная побрякушка. И это значит, что рыжая была здесь. Может, это Ральф снимал с нее украшения. Нежно касался кожи, целовал шею...

Рыжая дрянь словно оплевала и ее, и мать, мимоходом украв мечты их обеих и даже не заметив этого!

Зарывав, Элизабет быстро подошла к столику и резким движением сбросила поднос на пол. Отдышавшись, осмотрела разбитый фарфор, растекшийся лужицей чай, а после сгребла ожерелье и сунула себе в карман.

Выйдя на крыльцо, Элизабет постояла некоторое время у входа, а потом пошла по направлению к фермам. Она выбросит ожерелье куда-нибудь в лес, а лучше – в навозную кучу, откуда и выбралась рыжая дрянь. По ней ведь сразу видно – дешевка. И пусть не корчит из себя потомственную аристократку в фамильных драгоценностях!

Легкая дымка тумана стелилась под ногами, в черном небе висела полная луна, большая и оранжевая, как тыква, которую сегодня притащила служанка.

Если Ральф попытается защитить мисс Уокер – ему же хуже. Даже если ему сломают нос – поделом. Но когда Ральфу понадобится дружеская поддержка, утешение – Элизабет будет рядом.

Она с силой сжимала ожерелье, и камни в ее ладони потеплели.

– Это кто сейчас вышел из участка? – спросила миссис Пампкин, близоруко щурясь.

– Мисс Блювенгейз, – ответил доктор.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Я знаю жителей этого города лучше, чем кто-либо. Посмотрите, какая у нее семенящая походка.

– Прекрасная походка для леди, – возразила миссис Пампкин скорее для порядка.

– Небольшой ортопедический дефект, – ответил мистер Филипс, глядя вслед девушке. – Увы, корректировке не поддается. Если бы в младенчестве... Но вы меня, надеюсь, вызвали по более важной причине. Сегодня я и так пообщался с инспектором больше, чем мне бы того хотелось. Но вы знаете, я думаю, что наш город в надежных руках.

– Вы так считаете? – переспросила миссис Пампкин, чувствуя себя странно польщенной. Как будто успехи инспектора частично и ее заслуга. Впрочем, она его кормит. Здоровое питание – залог побед.

– Он не боится действовать нестандартно, – ответил мистер Филипс. – Не сворачивает на полпути. К тому же он никогда не обращался ко мне за профессиональной помощью. И не потому, что наплеватьски относится к своему здоровью. Напротив! По нему видно, что в этом просто нет нужды. Хотя если вы убедите его явиться на профилактический осмотр, лишним не будет.

– Я постараюсь, – заверила его миссис Пампкин.

– Итак, где ваша Джейн? – спросил он, заходя в полицейский участок.

Миссис Пампкин указала на распахнутую дверь в гостиную.

Мистер Филипс прошел вперед и остановился в дверном проеме.

– Ей уже лучше, – сказал он, обернувшись к миссис Пампкин.

– Правда? – обрадовалась она. – Как же вы так сразу определили?

– Очень просто, – ответил доктор. – Она ушла.

Миссис Пампкин выглянула из-за его плеча и ахнула, увидев и разбитые чашки, и пролитый чай.

– Это из моего свадебного сервиза! – расстроилась она. – Ох, мистер Филипс, мне так жаль, что я напрасно оторвала вас... от дел.

– Ничего, – скупое ответил он. – Я уже закончил.

Миссис Олдброк сорвала розу и теперь методично обрывала лепесток за лепестком. Они падали на стриженую траву, как крупные капли крови, и Томас не выдержал.

– Хватит! – потребовал он.

Сильвия лишь выразительно изогнула бровь и сорвала следующий бутон.

– Не смей повышать голос в моем присутствии, – отчеканила она.

– А то что?

– Укушу, – без особой злобы сказала она.

Томас лишь фыркнул и сгреб рассыпанные лепестки граблями.

– Признайте, вам нравится меня бесить, – проворчал он.

– Ты забываешься, – холодно ответила она. – Ты лишь мелкий жучок под моими ногами. Вошь, что считает себя достойной лишь потому, что живет на высокородном человеке.

– Я думал, у волков блохи...

Миссис Олдброк сорвала очередную розу и, смяв ее в кулаке, швырнула под ноги Томасу.

– Отпустите меня, – попросил он. – Вам ведь не нужна моя служба. И я вам не нужен.

– У тебя был шанс освободиться, – ответила она, и ее голос дрогнул. – Мой сын погиб, а ты не сделал ничего...

– Я не знал. Не слышал.

– Не видел, не чуял, – отмахнулась она. – Как будто тебе натерли порог куриной кровью.

– Я скорблю о Максимилиане вместе с вами.

– Ты не любил его.

– Не любил, – не стал спорить Томас. – Он был вредным мальчишкой и часто мне досаждал. Шрам на моем лице – от его лапы. Но я был бы просто счастлив спасти его и тем самым отдать долг.

– Вот именно. Долг, – напомнила Сильвия и подошла к следующему кусту. – Так что не заводи свою шарманку.

– Но это так несправедливо! – воскликнул он. – Почему я должен расплачиваться за долги отца?

– Прапрапра... – Сильвия взмахнула рукой, и оборванные лепестки роз осыпали садовника с головы до ног. Один застрял во

всклоченной бороде, и Томас сдул его. – Не нами то заведено, не нам и судить.

– Я ведь пытался уйти от вас, – признался Томас, опираясь о грабли. – Один раз доехал аж до Шелстоуна. А потом потянуло назад, как пса поводком. Я будто козел на выпасе, – с горечью выпалил он, – что может отойти лишь на длину веревки, привязанной к колу.

– А я, стало быть, кол, – покивала Сильвия. – Я знаю, что ты пытался удрать. И нисколько не обрадовалась, снова увидев твою заросшую физиономию. Побрейся! Ты оскорбляешь мое чувство прекрасного.

– Кто бы говорил, – проворчал Томас. – На вас шерсти всяко больше.

– Что до клятвы, то ты знаешь не хуже меня: она дана на крови твоим предком за спасение от чудовища, которого убил мой предок. И до тех пор, пока долг не будет оплачен, ты будешь мне служить. А твои потомки, если они родятся, станут служить моим. Ты, верно, был бы рад, если бы мой род прервался...

– Нет, – покачал Томас головой.

Сильвия снова изогнула бровь, выражая сомнение.

– Я вас, конечно, на дух не переносу, – признался он. – Но вы мне, в некотором смысле, как родная. Вроде сумасшедшей бабки, которую терпишь, потому что – как иначе.

Миссис Олдброк яростно оборвала сразу несколько роз и швырнула их в садовника.

– Вот, – кивнул он. – Я именно об этом.

Сильвия подошла к следующему кусту роз и стукнула его тростью. Конь за дощатой стеной конюшни испуганно заржал.

– Сколько раз я просил – не подходите ночью к конюшне, – рассердился Томас. – Мрак пугается!

– А ты мне не указ! – возмутилась Сильвия. – Это моя земля! Где хочу – там и хожу.

– Вот и идите в... холмы.

Конь снова заржал, а Сильвия, быстро повернувшись к роце, насторожилась.

– Кто-то идет, – сказала она глухо.

– Ваша внучка возвращается? – без особого интереса спросил садовник. – Судя по всему, вы обзаведетесь правнуками совсем скоро.

– Мистер Эдверсон хорошая партия. И он знает о нас.

– Я говорю об инспекторе, что шастает в ее спальню по ночам. Какой конфуз! Они ведь даже не женаты. Ваша внучка очень похожа на свою мать.

– Не зли меня, – бросила Сильвия.

– О, так вас это злит, – обрадовался Томас и с наслаждением продолжил: – Она – копия своей матери. Той рыженькой ирландочки, что оказалась неожиданно умной и удрала из вашего волчьего логова. От вас у Джейн нет ничего.

– Ты ошибаешься, – спокойно произнесла старая дама. – Дважды. Во-первых, в ней моя кровь. А во-вторых, это не она сюда идет. Послушай, старый дурак, неужели не слышишь?

Многоголосый шум доносился тихо, как шепот волн, то затихая, то усиливаясь, между деревьями мелькнули огоньки.

– Там целая толпа, – нахмурился Томас и покрепче сжал черенок граблей.

– Похоже, тебе представился случай отдать старый долг, – сказала миссис Олдброк.

* * *

Джейн шла через лес, словно по главной улице Лондона: луна светила, как фонарь, а запахи были яркими, как витрины: вот там растет бузина, здесь под елкой прячется целое семейство грибов, а тут, под кустом, мертвая птичка. В груди пульсировало нечто такое, что давно пыталось вырваться на свободу, и кровь бежала по венам быстрее, наполняя тело восторгом жизни.

Мама хотела как лучше, Джейн не могла ее винить. Мама любила ее всем сердцем, и эта любовь осталась с Джейн навсегда. Но и кровь отца – не вода.

Джейн была уверена: если бы Максимилиана не убили, он бы нашел свою Мэйв, вернул бы ее в поместье. Пусть не сразу, но она бы успокоилась и приняла его, и совершенно точно была бы счастливее, чем со своим мужем. А может, и нет. Со стороны все кажется таким простым и понятным, но в сказках, которые мама рассказывала на

ночь, девочка никогда не оставалась с волком. Может, так мама убеждала себя, что не совершила ошибку?

Джейн покосилась на Ральфа, который шел рядом. Его рука в ее ладони была теплой и твердой. Сможет ли он принять ее такой, какая она есть? Миссис Олдброк, очевидно, в этом сомневалась.

– Какой у нас план? – спросил Ральф и сам же предложил: – Я попытаюсь воззвать к голосу разума.

– Сразу пугайте виселицей, – посоветовала Джейн.

– Вам не стоит туда идти, – сказал он. – Это их только раззадорит.

В его словах был резон, и Джейн промолчала, хоть и понимала, что не сможет остаться в стороне. Ее кровь взывала, требуя защитить старшую рода, пусть Джейн и знала ее всего несколько дней. Миссис Олдброк была бы прекрасной бабушкой – подумалось вдруг.

– Останетесь за каким-нибудь деревом, – продолжил Ральф. – Спрячетесь. Прошу, не высовывайтесь.

– Мэр сказал, что мы, волки, однолюбы, – задумчиво произнесла Джейн.

– Он считает себя волком? – насторожился Ральф.

– Нет. Не совсем. Он из рода Эдварда, но другая ветвь. Я проверила его зубы, это совершенно точно не он убил Марту.

– Как, хотел бы я знать, вы проверяли его зубы, – ревниво поинтересовался Ральф.

– Заглянула в рот, – пожала плечами Джейн. – У него там фарфоровая накладка, представляете?

– Что? – воскликнул он. – Так, значит, это он! Моя версия с убийцей в волчьей шкуре и накладными клыками правдива! А ведь он мне никогда не нравился!

– Нет, – поспешила ответить Джейн. – Не перебивайте меня, Ральф. Я сказала о волках и однолюбах не поэтому.

Он промолчал, хмурясь и идя вперед, и Джейн задержала его за руку.

– Семейное проклятие Олдброков существует, – сказала она, когда Ральф обернулся. – Я вервольф.

Он выразительно закатил глаза, и Джейн лишь грустно усмехнулась.

– Я никого не любила. Раньше.

Ральф опешил, но потом робко улыбнулся, обнял Джейн и привлек к себе.

– И вы правы, я бы не приехала в Вуденкерс, если бы не ваше фото, – торопливо добавила она. – Те письма были хороши, но я решилась лишь тогда, когда увидела вас, Ральф.

– Мы поженимся завтра же, – сказал он.

– Но я вервольф!

– Плевать. – Он обнял Джейн крепче и поцеловал так жарко, что на минуту она и думать забыла и о вервольфах, и о семейных проклятиях. – Я люблю вас, Джейн. И когда мы найдем того, кто писал вам письма, я скажу ему спасибо. Перед тем, как засадить за решетку. А сейчас марш за елку, и чтобы носа вашего видно не было!

Улыбнувшись, она осталась за деревом, широко раскинувшим колючие ветки, а Ральф, спотыкаясь, поспешил к толпе, которая собралась штурмовать ворота.

Глава 20

Огня!

Накатившись на высокую ограду, толпа отхлынула, словно волна, встретившаяся со скалистым берегом.

– Сжечь!

– Огня!

– Убить вервольфа!

Мужики, покрасневшие от выпивки и гнева, ищущего выход наружу, подстегивали друг друга выкриками, набираясь смелости ринуться в атаку. Одного такого, самого ретивого, Томас уже оттолкнул граблями от ворот. Надежный засов был задвинут до упора и закреплен специальным язычком.

– Бегите! – крикнул он хозяйке. – Чего вы ждете?

– И куда мне потом возвращаться? На пепелище?

Миссис Олдброк оперлась на трость и, чуть сгорбившись, подслеповато поморгала.

– Томас, кто это пришел? – спросила она дребезжащим голосом.

– Миссис Олдброк, идите назад в дом, – сказал он, уловив ее игру. – Иначе снова расхвораетесь от сырости.

Толпа чуть утихла. Мужики нерешительно переглянулись. Одно дело – убить чудовище, и совсем другое – немощную старушку.

– Томас, что они говорят? – миссис Олдброк приставила ладонь к уху и повернулась к воротам.

– Они хотят убить вервольфа.

– Какие молодцы, – похвалила Сильвия. – С богом.

Перекрестив толпу, она медленно направилась к дому, припадая на правую ногу и тяжело опираясь на трость.

– Вы что, порченого сидра нахлебались? – рявкнул Томас на мужиков. – Совсем сдурели? Какой вам вервольф?

– Молодой, – ответил один из мужиков понахальнее. – Рыжая такая, где?

– Проваливай поздорову, – посоветовал Томас, отставляя грабли и выдергивая из земли вилы. В толпе недовольно загудели. Кто-то

благоразумно отступил, а кто-то, наоборот, придвинулся к воротам. – Инспектор небось не погладит за такое!

– А он не против! – выкрикнул кто-то, и мужики снова одобрительно зашумели. – Хватит с нас волков! Это наша земля!

Миссис Олдброк резко обернулась, и рябой Джо, уже успевший ухватиться за прутья, испуганно отпрянул, встретившись с ней взглядом. Круглая луна покраснела, будто от стыда за то, что творилось под нею, и Джо потом божился, что глаза старухи тоже вспыхнули, а клыки выступили из-под верхней губы, не помещаясь во рту.

– Это моя земля, – прорычала она. – И если кто-нибудь из вас, баранов, нарушит границу моих владений, то горько пожалеет об этом!

– Вервольф, – сдавленно прошептал Джо и схватился за сердце.

– Сжечь вервольфа! – подхватили мужики снова.

– Вот зачем? – укоризненно произнес Томас, обернувшись к Сильвии, и вдруг заметил огни, приближающиеся со стороны сада. – Бегите! Они заговаривали вам зубы! Бегите же!

Соломенная крыша конюшни вспыхнула от брошенного кем-то факела. Трое мужиков налегли на створку ограды, расшатывая ее, один из парней, молодой и легкий, перемахнул ворота и, поднырнув под вилы Томаса, кинулся к миссис Олдброк. Она подсекла ему ноги тростью, он упал прямо в розовый куст и взвыл, оцарапав лицо.

– Я спасу вас, Сильвия! – мэр неслся на коне через яблоневый сад, опасно мотаясь в седле, и вскоре рухнул к ногам дамы, едва не напоровшись на собственное копьё. Поднявшись и отряхнувшись, он выставил копьё перед собой и крикнул: – А ну, пошли вон от хозяйки холмов!

– Мистер Эдверсон, – благолепно пробормотал один из мужиков, стащив шапку с лысой головы, однако у остальных внезапное появление мэра вызвало только гнев.

– Он с ней заодно!

– Не нужен нам такой мэр!

– Сжечь!

Замерев за деревьями и прижимая руки к груди, Джейн наблюдала за разворачивающейся перед ее глазами сценой. Благодаря вспыхнувшей крыше конюшни все было видно не хуже, чем в театре. Когда миссис Олдброк сыграла хилую старушку, Джейн едва не

заплодировала ее актерскому таланту и даже стала надеяться, что все обойдется. Потом ахнула от разочарования и злости – почему Сильвия не смогла сдержаться? Когда же из-за поместья появился мэр, который, видимо, скакал в обход, вскипела от раздражения. Ничем хорошим его появление закончиться не могло! И точно – стоя под воротами, мужики стали припоминать все его прегрешения, которых за срок службы скопилось немало.

– Платим каждый месяц, а толку...

– В Шелстоуне и почта, и бордель...

– Всего один паб, и в том пинта пива за три монеты. Беспредел!

Томас кричал и указывал на холмы, огни с которых все приближались. Сильвия качала головой и довольно ловко отталкивала тростью парня с оцарапанной мордой. Еще один, что успел перемахнуть ограду, уже лежал у конюшни, встретившись с Томасом. Тот обошелся без вил, но даже издалека Джейн видела, что нос у потерпевшего свернут на сторону: кулаки у садовника оказались тяжелыми.

– Бей мэра! – заорали нападавшие невпопад, и Джейн даже порадовалась. Ну, намнут бока милому Грэгу, выбьют вставные зубы. Если обойдется лишь этим – невелика потеря: закажет себе новый фарфор, не разорится. Однако ее внимание привлекла заварушка у ворот: мужики вдруг разлетелись в разные стороны, точно псы, раскиданные волком, а в центре кольца выпрямился Ральф.

– Назад! – рявкнул он. – В тюрьму захотели?

Одна из секций ограды, не выдержав напора, рухнула на изгородь, и сразу трое, размахивая факелами, ринулись к миссис Олдброк. Мэр отлетел от первого же удара и, упав на спину, больше не шевелился, а Сильвия, встав над ним, вдруг зарычала, и от этого звука волосы на затылке Джейн поднялись дыбом.

Она давно поняла, что надо делать, и теперь торопливо расстегивала платье. Вытянув заколку, удерживающую волосы, тряхнула головой, так что кудри упали на спину. Зверь внутри ее тела рвался с поводка, и пришло время его отпустить.

Выдохнув, Джейн крепко прижала конец заколки – твердой и прочной, способной удержать ее непокорную копну, – чуть пониже груди, и, зажмурившись, чиркнула острым краем по коже, перерезая одну из петель хитро закрученного узора татуировки. Короткая

вспышка боли длилась не больше мгновения, а потом Джейн словно захлестнуло волной, которая подхватила ее и бросила в водоворот.

Индейцы знали, как удержать тотемного зверя, но сейчас он наконец получил свою свободу. Перед глазами все закружилось, треснуло по швам платье, и черные клочки ткани разлетелись хлопьями сажки. Лес вспыхнул красками, луна вверху одобрительно подмигнула, спрятавшись на миг за легкое облачко, и Джейн, запрокинув голову к звездному небу, взвыла.

* * *

Потасовка у поместья набирала обороты, и Ральф отстраненно отметил, что ему не победить. Жители Вуденкерса под полной луной, которая окрасилась в багрянец, словно истекая кровью, превратились в чудовищ. Ральф не имел иллюзий и раньше: мужики, работающие в основном на лесопилке, никогда не выглядели особенно благопристойно, расчесываясь в лучшем случае раз в неделю перед воскресной службой. Но сейчас они словно озверели.

Покрасневшие белки глаз, оскаленные зубы, твердые кулаки. Несколько ударов Ральф пропустил, и с тоской вспоминал нежную ручку мисс Уокер, ее зонтик и даже пепельницу.

Воняло сидром, потом и гарью. Конь, на котором прискакал мэр, дико заржал, шарахнулся в сторону от миссис Олдброк, а потом поскакал прочь так, что дерн полетел из-под копыт.

Мужики теснили Томаса, который отмахивался вилами и поворачивался к нападавшим правым боком – левый глаз у него заплыл и наливался багрянцем не хуже луны. Сильвия грозила тростью, но к ней пока не приближались, окружая кольцом. У ее ног все так же без сознания валялся мэр.

Стоило отвлечься – и чей-то тяжелый кулак тут же прошел по виску. Спасибо рефлексам – Ральф сумел отклониться, и удар получился вскользь. А потом на него навалились мясник и два его сына, и Ральфу пришлось совсем худо. Они действовали на удивление слаженно. Поневоле закрадывалось подозрение, что им не впервой вот так втроем мутузить одного. Ральф охал, отбивался и сумел сделать

хук младшему, который подошел слишком близко, но потом мощный удар папаши свалил его с ног.

Раздался вой – или это загудело в ушах – и троица, словно позабыв об инспекторе, оставила его в покое. Ральф с трудом приподнялся, согнувшись пополам, сплюнул слюной, смешанной с кровью, и потрогал языком зубы – на месте.

Все, словно замороженные, усталились куда-то в сторону площадки перед воротами, вымощенной булыжником. Ральф с трудом разогнулся, чтобы посмотреть – что там такого интересного, но его внимание отвлекли не сильным, но весьма обидным ударом сзади.

– Джейн? – неуверенно произнесла миссис Олдброк и переступила мэра.

Ральф вздрогнул и разжал пальцы, сжимающие в болевом захвате костлявый локоть мистера Румпика, который отчего-то решил, что в суматохе сможет безнаказанно надавать ему пинков.

– Вервольф, – прошептал рябой Джо.

– Вервольф! – подхватила толпа. – Убьем вервольфа!

Мужики ринулись за ворота, и за считанные мгновения двор поместья опустел. Первым делом Ральф бросился к горящей конюшне и, сдвинув засов, едва не попал под копыта. Схватившись за гриву, он запрыгнул на коня, который закрутился на месте, волнуясь и фыркая.

– Вы сказали – Джейн, – требовательно произнес он. – Она была там?

– Там был волк, – ответил вместо Сильвии Томас, и Ральф с облегчением выдохнул.

Значит, к поместью выбежал волк. Его приняли за вервольфа и позабыли о миссис Олдброк и о Джейн. Хорошо бы беднягу загнали. Пусть лучше прольется кровь животного, чем человека.

Сильвия приподняла мэра за плечи, влепила ему две пощечины, и его седая голова безвольно мотнулась из стороны в сторону.

– За Эдварда, – промычал мистер Эдверсон, поморгав. Нащупав древко копья, взмахнул им, чуть не задев миссис Олдброк. – За Джейн...

Томас поднял мэра легко, как куклу, встряхнул и поставил на ноги, придерживая за ворот изрядно помятого костюма. Вздохнув, обвел взглядом помятые розы, истоптанный газон и сломанную изгородь.

– Это считается, – упрямо заявил он, обращиваясь к Сильвии.

Миссис Олдброк бросила трость, на которой белела глубокая царапина, словно от ножа, и пошла к распахнутым воротам. Кто и когда успел сдвинуть засов – уже не узнать.

– Я спас вам жизнь, и этому тоже, – продолжил ворчать садовник. – Я отдал долг!

Мэр пошатнулся, оперся на его плечо.

– Томми, – произнес он благодушно. – Посмотри, какая ночь!

Он глубоко вдохнул и зажмурился от удовольствия. Томас осторожно принюхался и скривился.

– Да он же в стельку пьяный!

– Мистер Эдверсон, вы подозреваетесь в убийстве Марты Белл, – сурово произнес Ральф, глядя на него сверху вниз и успокаивающе поглаживая коня по шее. – Но об этом мы поговорим с вами позже. А пока...

Прижав пятками бока коня, он на ходу выхватил у мэра копье и выехал за ворота. Поторопил тупым концом какого-то бедолагу, что не успел уйти далеко.

– Джейн! – позвал он. – Выходите!

Конь, понукаемый всадником, послушно прошел между деревьями и остановился у елки, развесившей колючие лапы. Ральф отвел копьем ветку, которая лезла ему в лицо. Луна осветила и небольшую полянку, и заросли бузины, и туфли мисс Уокер – красные, на небольшом каблучке – что стояли на пожелтевшей подушке иголок.

– Джейн?..

Растерянno обернувшись по сторонам, Ральф похлопал коня по шее, и тот понятливо развернулся, возвращаясь на дорогу.

Волк появился очень кстати. Может, тот самый, что перешел ему однажды дорогу? Впрочем, кто их разберет, да еще и ночью. Главное, что он отвлек линчевателей. Но куда подевалась Джейн?

Томас стоял у распахнутых ворот и смотрел в сторону города, но луна скрылась за облаками, и крыша конюшни почти догорела, так что тьма сгустилась – выколи глаз.

– Я пришел сюда с мисс Уокер, а теперь она исчезла, – сказал Ральф, и растерянность все же прозвучала в его голосе.

– Угу, – безучастно ответил садовник.

– Вам нужен доктор?

Томас прижал к опухшему глазу подкову и молча покачал головой. Миссис Олдброк куда-то пропала, а мэр сидел под уцелевшим кустом роз и нюхал распустившийся цветок.

– Езжайте за ними, – посоветовал Томас, неодобрительно покосившись на мистера Эдверсона. – Если хотите найти мисс Уокер.

– Вы ведь не собираетесь уверять меня, что тот волк – и есть моя Джейн? – возмутился Ральф.

– Не собираюсь, – кивнул Томас и вернулся к ограде. Приподняв поваленные прутья, прислонил их к воротам. – Но лучше бы вам поспешить.

Ральф подтолкнул пятками коня, и тот прибавил шагу, фырка и мотая головой и словно бы радуясь неожиданной ночной прогулке. В руке удобно лежало копье. Он забрал его у мэра, потому что не мог смотреть на оружие в руках подозреваемого. Рефлекс, приобретенный за годы службы в полиции. И куда теперь девать эту палку? Кто знает, вдруг это то самое копье, которым святой Эдвард поразил чудовище? Тогда ему самое место в музее, если его все же когда-нибудь откроют.

Так ничего и не решив, Ральф поехал вперед, всматриваясь во тьму. Судя по поредевшим огням факелов, волк не спешил возвращаться в лес, а бежал к городу. Зверь определенно вел себя странно. Может, бешеный? И где, кто бы знал, ходит Джейн? Да еще и босиком!

* * *

Элизабет слишком поздно услышала шум: пес, мерзко тьявкающий за забором, заглушал своим лаем все остальные звуки. Впрочем, даже если бы она пустилась со всех ног – смогла бы убежать от хищного зверя, который вылетел на нее из темноты?

Сдавленно вскрикнув, она инстинктивно отпрыгнула подальше, наткнулась на шаткий забор, который рухнул под ее весом и, путаясь в юбках, ползком попятилась к навозной куче, в которую собиралась бросить ожерелье. Песик взвизгнул и удрал куда-то, поджав хвост. Элизабет тоже бы бросилась следом и забилась в какую угодно конуру, но ноги стали ватными, и все, что ей оставалось, – вжиматься в теплую вонючую кучу и смотреть, как медленно приближается смерть. Волк

лениво переступил крупными лапами, слегка опустив голову, и остановился у поваленного забора. Ноздри его влажно поблескивающего носа расширились. Трясаясь от страха, Элизабет пыталась вспомнить молитву святому Эдварду, загребая на себя руками навоз в тщетной попытке то ли спрятаться, то ли отбить запах.

– Святой Эдвард, заступник от зла, защити меня...

Волк вдруг фыркнул, и звук получился странно похожим на смех. Но кажется, зверь пока не собирался нападать. Он стоял позади забора, и на морде его, освещенной необыкновенно яркой луной, блестели человеческие глаза. Встретившись с ним взглядом, Элизабет зажала рукой рот и замычала от ужаса, а потом вдруг почувствовала, что под ягодицами стало мокро и тепло. Вервольф снова фыркнул, теперь с явным презрением, и припустил дальше по дороге – к городу, который мирно спал.

Всхлипывая, Элизабет поднялась на ноги и снова упала. Сердце заходило в припадке, а руки дрожали. Пошатываясь, она оперлась на навозную кучу, перевела дух. Рефлекторно поправила прическу и сняла приставшую к макушке грязь с пучком соломы. Разрыдавшись, Элизабет попыталась отчистить волосы, вытянула все шпильки, прочесала пальцами прядки, но они только встали дыбом – то ли от прилипшего навоза, то ли от пережитого ужаса.

– Она здесь! – выкрикнул кто-то. – Обернулась взад!

– От нас не уйдешь!

А потом ее ударили наотмашь, так что она снова отлетела на почти ставшую родной кучу, и луна оказалась прямо перед глазами, красная, как клюква. Ее схватили за ногу и потащили на землю, кто-то вцепился в волосы, пальто затрепало по швам, чья-то рука смяла грудь, и Элизабет закричала от боли.

– Стойте! – вмешался зычный голос. – Это ж дочка хозяина!

Кто-то ткнул факелом едва не в лицо, и Элизабет отвернулась, зажмурилась. По щекам побежали горячие слезы.

– Элизабет Блювенгейз? – неуверенно подхватила разноголосая толпа.

Ее подняли и поставили на ноги, отряхнули одежду. Кажется, вокруг было столько народу, а тут все вдруг разбежались кто-куда, и рядом остались только двое: лысый мужик, нервно сминающий шапку, и длинный молодой парень с рябым лицом.

– Мы это, проведем вас до дома, – сказал он, пряча глаза. – Вы папеньке своему обязательно скажите, что мы вас не трогали, а наоборот – защитили.

– Что ж вы, мисс, по ночам бродите! – возмутился старый. – Вот и попали под руку!

– А что, по ночам в Вуденкерсе принято бить беззащитных женщин? – воскликнула Элизабет и зарыдала еще сильнее.

– Так мы ж думали, то вервольф, – смущаясь, пояснил молодой.

– Перепутали, – хмуро добавил лысый. – Ну, пошли.

Придерживая ее под руки с обеих сторон, они довели Элизабет до дома и передали экономке. Та, охая, тут же приказала сделать ванну и найти доктора, а еще – чего Элизабет уже не видела – отправила мальчика с письмом.

Оставили дочку одну – куда это годится? Да еще такую, за которой глаз да глаз. Ворча себе под нос, миссис Фертинг заботливо промывала волосы Бетти, которую словно макнули с головой в отхожее место. Пусть мистер Блювенгейз даже уволит ее, но она расскажет ему все: и про эти прогулки по ночам, и про инспектора, и про разговор с Кэтрин, который миссис Фертинг недавно подслушала.

Оставив Бетти отмокать в ванной, миссис Фертинг вернулась в прихожую, чтобы осмотреть сброшенную одежду. Пальто оказалось подрано, но можно и зашить. Мисс Блювенгейз такое носить уже не будет, а вот племяннице миссис Фертинг – в самый раз. Ощувив внезапную тяжесть в одном из карманов, миссис Фертинг с изумлением вынула из него ожерелье, камни в котором блестели словно свежие капли крови. Первый порыв – украсть – прошел очень быстро. Такие камни тайком не перепродашь. А вот что проблем наживешь – это точно.

Спрятав ожерелье в карман передника, миссис Фертинг вручила грязное пальто служанке, растолкав ту ото сна. Ничего, небось еще выспится. А отстирать лучше сейчас, пока грязь и вонь не въелась. А про ожерелье она тоже обязательно расскажет. И пусть мистер Блювенгейз сам разбирается.

Глава 21

Время молитв и чудовищ

Джейн пришла в себя от удара, который вышиб из легких весь воздух, и судорожно засипела, пытаясь вернуть способность дышать. Она будто упала с большой высоты прямо на гладкий твердый пол, разрисованный спутанными линиями, которые двоились перед глазами. Упершись в него ладонями, Джейн приподнялась и снова упала. Отдышалась. Все тело ныло и было безвольным, как тряпка. Что произошло? Где она оказалась?

Воспоминания мелькали обрывками, как клочки фотографий, подхваченные ветром.

Факелы, озлобленные рожи, кулаки. Миссис Олдброк, Томас, Ральф. Конюшня горит, отчаянное ржание заглушает крики. Луна покраснела, обогрелась кровью. Ральфа бьют сразу трое, и он падает. Быстрая пульсация крови и легкая боль, а потом... Освобождение, восторг, быстрый бег.

Джейн прижала руку к солнечному сплетению и нащупала свежую царапину. Сев, осмотрелась.

Она оказалась в церкви. Святой Эдвард, едва освещаемый огарками свечей, торжественно смотрел на нее с фрески. Трещины на ней избороздили его лицо шрамами.

Она помнила город, окутанный плотным туманом. Туда ей было нельзя.

Ее ступни и руки были измараны землей. Джейн отерла ладони о голые бедра, оставив на них полосы грязи. Всхлипнув, подползла к алтарю, сдернула с него покрывало и закуталась, обвязавшись бахромчатыми углами.

К телу возвращались силы, и вскоре Джейн, опираясь на алтарь, поднялась.

Видимо, воспитание отца, которого она так долго считала родным, все же пустило корни в ее сердце, и в минуту опасности она побежала в церковь, считая ее надежным убежищем.

Взяв несколько свечей, Джейн зажгла их и расставила на алтаре, чтобы не оказаться в кромешной темноте.

– Все началось с тебя, – буркнула она, глянув на Эдварда. – Почему же тобой и не закончилось?

Может, все дело в ритуале, который провела его дочь? Она похоронила его в церкви, где рисунок так похож на ловца снов, а вместо отца в саркофаг легло тело волка.

А ведь где-то в церкви должны храниться записи о том самом событии. Какие-нибудь старые архивы, летописи. Может, спросить у священника?

Но не в таком виде, конечно. Джейн подтянула выше сползающее покрывало и перевязала узел за шеей.

Она, помнится, собиралась исповедоваться, в надежде, что отпущение грехов избавит ее от темной стороны души, вот тогда-то и можно попытаться выведать побольше о родоначальнике вервольфов.

Она ведь была волком? Или все это очередной сон?

Джейн подошла к фреске ближе, погладила морду страдающему зверю. Она собралась уходить, но решила, что лучше отсидеться здесь, пока мужики с факелами ищут ее возле леса. Осмотрелась и заметила, что алтарь с обратной стороны разделен на полки, в которых пылятся толстые стопки тетрадей. Не особенно рассчитывая на удачу, она вынула одну и, положив на дубовую столешницу, открыла. Конечно, летописные записи хранятся где-то не здесь, а в особом месте, с подходящей влажностью и температурой. А в тетради обнаружились обычные пометки о венчаниях, крестинах и поминальных службах. Последней записью как раз шли похороны Марты, убийцу которой так и не нашли.

Однако Джейн не могла заставить себя закрыть тетрадь и все смотрела на строчки, написанные до боли знакомым почерком: резким и чуть угловатым. Она знала его так хорошо, ведь все письма, написанные им, перечитывала не меньше дюжины раз.

О, фальшивый Максимилиан Олдброк, чье имя неизменно было выведено внизу письма, был настоящим знатоком женской души и умело сыграл на одиночестве Джейн и на ее желании почувствовать себя любимой, нужной. Неудивительно, ведь преподобный выслушал столько исповедей. Для него все тайные устремления женщины все равно что раскрытая книга. А почему он отправил фотографию Ральфа? Не потому ли, что ему довелось выслушать множество

признаний о постыдных желаниях, которые будил в почтенных дамах Вуденкерса красивый молодой инспектор?

Джейн услышала легкие шаги и, захлопнув тетрадь, быстро положила ее на место. Из боковых дверей появился преподобный Габриэль – высокий, красивый, с одухотворенным лицом и с совершенно невозмутимым видом, как будто в появлении Джейн, закутанной в церковное покрывало, нет ничего удивительного.

– Мисс Уокер, – произнес он глубоким голосом.

– Преподобный, – ответила она, теряясь в сомнениях, как вести себя дальше.

Он медленно подошел ближе, и Джейн отпрянула по другую сторону алтаря.

– Вы пришли на исповедь?

Она не сдержала смешка, вырвавшегося из груди, и прямо спросила:

– А вы, преподобный, ни в чем не желаете признаться?

Он остановился, оперся ладонями на алтарь, и желтоватые изогнутые когти, вытянувшиеся из длинных пальцев, впились в деревянную поверхность.

– Чего вы еще не знаете, Джейн?

– Зачем? – спросила она, держась подальше от преподобного.

Он лениво поцарапал стол, оставив глубокие белые полосы, и посмотрел на Джейн с отвращением.

– Зачем? – повторил он. – Я тоже задавался этим вопросом. Зачем Господь превратил меня в чудовище? Я укорял его и молил об избавлении, но потом понял – он вручил мне оружие, чтобы я истребил проклятый род. Кто, как не слуга Господа, должен искоренить вас, выполоть, словно сорную траву. Я – копье господне, и рука его меня направляет.

Преподобный Габриэль умолк, опустил глаза, и по его щеке потекла слеза. Джейн заворуженно наблюдала за каплей, которая скатилась по гладко выбритой коже священника и упала на алтарь.

– Так вы, значит, тоже Олдброк? – робко предположила она. – Какой-нибудь бастард?

Преподобный посмотрел на нее с возмущением, и его глаза полыхнули желтым.

– Убивший чудовище сам превращается в чудовище, – мрачно произнес он. – Твоя мать была доброй прихожанкой и, узнав ужасную тайну жениха, сразу прибежала в церковь. Конечно, я ей сперва не поверил. Решил, что у нее слишком богатое воображение. Мэйв была чудесной женщиной, такой живой, искренней, пылкой... Она выманила Максимилиана Олдброка в холмы за поместьем – оставила ему записку. А сама в это время уже ехала в Ирландию.

– Она хотела, чтобы вы его убили? – ужаснулась Джейн.

– Нет, конечно, нет, – успокоил ее священник. – Она хотела, чтобы я поговорил с ним, попытался найти подход к его страдающей душе. Но Максимилиан, узнав, что возлюбленная предала его и сбежала, пришел в ярость. Вы видели когда-нибудь вервольфа в ярости?

Джейн быстро покачала головой, и преподобный усмехнулся. Длинные клыки вытянулись из-под его верхней губы, а челюсти слегка выдвинулись вперед. Он сделал шаг вдоль алтаря, и Джейн отодвинулась тоже. Смешно надеяться, что вервольфа остановит стол. Джейн в отчаянии кусала губы, и изо всех сил взывала к своей волчьей половине, однако та молчала, будто решив, что с нее на сегодня хватит. Преподобный убьет ее и спрячет тело, и ее никто никогда не найдет. Даже Ральф... Мысли об инспекторе Рейнфорде словно вдохнули в Джейн силы. Она не сдастся. Она будет тянуть время, искать слабые места и оружие, которым можно было бы победить монстра. Сюда бы копье, которым так нелепо размахивал мэр...

– Значит, это вы убили моего отца? – спросила она, уже зная ответ, а сама незаметно осмотрела церковный зал. Вот тот высокий подсвечник выглядит тяжелым. Если хорошенько им приложить...

– Максимилиан начал обращаться, и я понял, что все – каждое слово Мэйв – было правдой. Мы сцепились, словно два пса, и я рвал его тело зубами, а он полосовал меня когтями. Ночь словно наполнилась красками и запахами, и луна над нами была красной, как спелое яблоко, – он прикрыл глаза, будто наслаждаясь воспоминанием. – А потом я вонзил ему в горло крест. Я бил его снова и снова, и грыз его, как животное, и кровь толчками выходила из чудовища, обагрывая землю.

– Крест? – шепотом повторила Джейн.

Преподобный указал на висящий на его груди тонкий серебряный крест с длинной переключиной.

– Когда все кончилось, я был в ужасе, – горько признался он. – Мои руки обагрились кровью, мои губы и рот были в крови, и я сам стал чудовищем. Я изменился. Я не был больше человеком, но и волком не стал.

– Вот как? – Джейн незаметно шагнула поближе к подсвечнику.

– Мое тело принимает уродливый облик. Мне больно каждый раз – так, будто все кости ломают одновременно. Хотя я ведь сделал все, как и святой, что улыбается нам со стен этого храма.

Улыбается? Джейн передернула плечами.

– Я похоронил Максимилиана в семейном склепе и отслужил над его телом заупокойную службу, – перечислил преподобный, как прилежный ученик. – Я молился у мощей святого три дня и три ночи. Он тоже убил чудовище, однако обрел почет, а церковь возвысила его. И я понял, что должен завершить его дело. Тогда меня ждет Царство Божие и бессмертная слава.

– А Марта? – не сдержалась Джейн. – Ее ведь тоже убили вы?

– Нельзя приготовить омлет, не разбив яиц, – философски произнес преподобный и побарабанил когтями по алтарю.

– Серьезно? – возмутилась Джейн. – Вы сравниваете жизнь человека с яйцом?

– Я не хотел ее убивать, – вздохнул он. – Но запах твоей крови...

Подняв голову и вновь прикрыв глаза, он повел носом, и его плечи раздались вширь, так что черная сутана затрещала.

– Она вам доносила на Олдброков, так?

– Не доносила, – скривился Габриэль. – Какое грубое слово. На исповеди легко можно узнать все, что угодно. Достаточно задавать правильные вопросы. Она помогала мне. Именно благодаря Марте я узнал о вашем существовании, мисс Уокер. Я полагал, что достаточно будет убить старую волчицу, но после решил, что лучше затаиться, подождать... Пришлось слегка подтолкнуть вас, Джейн, чтобы привезти на родовые земли. А Марта сумела добыть паспорт Максимилиана, который пригодился на почте.

– И в качестве благодарности за помощь вы перегрызли ей горло, – выплюнула Джейн.

– Я стал превращаться, – коротко пояснил он. – Волчье время, луна, на белом платке кровь молодой волчицы, пахнущая дико и так притягательно. Марта увидела, начала кричать. Мне пришлось.

Он снова вздохнул, а потом вдруг легко перемахнул алтарь и очутился совсем рядом.

Вскрикнув, Джейн отпрянула, но преподобный сгреб ее волосы когтистой лапой.

– Я убью вас, мисс Уокер, – прошептал он почти нежно, и шершавый язык прошелся по щеке Джейн. – А потом разберусь со старухой. И Господь избавит меня от проклятия и после приблизит к себе.

Огненные язычки свечей взметнулись и затрепетали от сквозняка. Распахнувшаяся дверь стукнула о стену. Преподобный отпустил Джейн и повернулся ко входу, откуда, неспешно переставляя мощные лапы, приближалась седая волчица с янтарными глазами.

– Миссис Олдброк, – с удовлетворением произнес Габриэль. – Что ж, я могу убить вас первой.

* * *

Сутана разошлась по швам, и монстр смахнул лоскуты черной ткани когтистой лапой, а потом, запрокинув голову, взвыл, так что Джейн от неожиданности присела и закрыла уши руками. Она до сих пор не до конца верила в сказки Вуденкерса. Пусть даже была их частью. Но вот позвоночник преподобного выгнулся, и первые шерстинки пробились вдоль хребта, а глубокие старые шрамы на спине побагровели и вздулись уродливыми полосами. Его кости вырастали и меняли расположение с мерзким хрустом, а кожа растягивалась и покрывалась неровными островками бурой шерсти. Габриэль действительно не был больше человеком, но и в волка тоже не превратился. Он по-прежнему стоял на двух ногах, а его руки лишь стали длиннее. Однако по сравнению с волчицей он смотрелся крупнее и опаснее.

Джейн схватила горящую свечку и швырнула в вервольфа. Он повернулся и зарычал, оскалив длинные желтые клыки, и Джейн едва не закричала от страха – в такую уродливую морду превратилось лицо преподобного: нос расширился, уши заострились, а зубы...

Ему даже не придется прятать ее тело. Он ее попросту съест.

Монстр шагнул к ней, и тут к алтарю метнулась серая тень. Если бы вервольф не отшатнулся в самое последнее мгновение, то волчица вцепилась бы ему прямо в шею с выпирающим кадыком, а так ее клыки вонзились в плечо. А после они сцепились в клубок и покатались по церкви, рыча и оставляя на полу капли крови. Джейн вскочила на ноги и бросилась к подсвечнику. Попыталась поднять его, но он оказался прикручен к полу. Оглядевшись по сторонам, она схватила еще одну горящую свечу, но побоялась ее бросать, чтобы не попасть в Сильвию.

Вервольф и волчица остервенело убивали друг друга, и становилось очевидно, что в этой драке выживет только один. Ключьями летела шерсть, горячая кровь брызнула на обнаженные колени Джейн, не прикрытые покрывалом. Волчица, прижатая к полу когтистыми ручищами, жалостно заскулила, и Джейн кинулась на помощь, обхватила сзади шею вервольфа, пытаясь его оттянуть. Он отмахнулся от нее, словно от мухи, но этого хватило, чтобы волчица вывернулась и, вцепившись ему в бок, вырвала кусок плоти и брезгливо выплюнула его на пол.

Джейн, которая отлетела к стене, застонала и осторожно потрогала ушибленный затылок. На пальцах осталась кровь, а перед глазами все плыло и двоилось. Вот волчица, кажется, побеждает: вервольф рычит и воет, а она кусает его, каждый раз ловко уходя от длинных ручищ. А вот он снова ее поймал и оказался сверху. Упершись коленом ей в спину и охватив мохнатую шею, он потянул с такой силой, что хребет выгнулся дугой в обратную сторону. Волчица заскулила, царапая лапами пол.

– Бабушка! – вскрикнула Джейн и, собрав силы, вскочила.

Схватив забытый кем-то молитвенник с уголками, окованными серебром, швырнула им в морду вервольфа, но книжица плюхнулась у его лапы, не долетев. А Джейн, потеряв равновесие, осела на пол. Все кружилось перед глазами, и святой Эдвард зло смеялся со стены, а волк у его ног умирал.

Вервольф повернулся и зарычал, разинув пасть, и Джейн без удивления заметила, что нескольких зубов не хватает.

– По-дож-ди, – с трудом выговорил он. – По-том ты.

Волчица хрипела, розовый язык вывалился из ее пасти.

А потом вдруг раздался цокот копыт, и что-то быстро пролетело перед глазами Джейн. Вервольф резко взвыл, выпуская шею волчицы, и закрутился на месте, пытаясь достать древко копья, торчащее из его спины.

– Ральф, – прошептала Джейн, смаргивая слезы.

Ральф прыгнул с коня, пригнулся, уходя от удара, и сам всадил кулак прямо в брюхо вервольфа, а потом совсем не по-джентельменски пнул его ногой в пах, густо заросший шерстью.

Рваное дыхание, звуки ударов по плоти, скрежет когтей. Еще удар – и зубы монстра клацнули, а слюни и кровь разлетелись по полу.

Уйдя от очередного замаха, Ральф оказался за спиной монстра и, схватив древко копья обеими руками, нажал вниз, направляя острие выше, под ребра. Чудовище взвыло, выгибаясь, но копьё треснуло, и в руках Ральфа остался обломок. Быстро повернувшись, вервольф взмахнул лапой, и белая рубашка мужчины взмокла кровавыми полосами.

– Нет! – выкрикнула Джейн.

Ральф бросил на нее быстрый взгляд, а монстр, воспользовавшись этим, кинулся вперед.

Джейн зажмурилась, и в ее воображении, как наяву, возникла картина с распростертым телом инспектора и растекающейся лужей крови. Протяжный вой, переходящий в хрип, заставил ее открыть глаза.

Между ребрами монстра торчал обломок древка, а Ральф, схватив его обеими ладонями, вдавливал все глубже.

Вервольф отшатнулся, вцепился себе в грудь, раздирая ее когтями и пытаясь схватить деревяшку, скользкую от крови, упал на колени.

– За что? – тихо спросил он, глядя на Джейн, а потом завалился на бок.

Его тело снова менялось: грудная клетка сжималась, кожа разглаживалась, и лицо становилось человеческим, искореженным гримасой страдания. Преподобный прикоснулся к груди, откуда толчками вырывалась кровь.

– Почему так темно? – прошептал он. – Где весь свет?

Его рука безвольно упала на пол, и больше он не шевелился.

Глава 22

Закон и справедливость

Ральф устало потер глаза, мечтая лишь об одном – упасть наконец в свою кровать и хорошенько выспаться и чтобы никто ему не мешал. Кроме Джейн, конечно. Для нее всегда есть место и время и в его постели, и в жизни. Но сейчас она в поместье с бабушкой, к которой срочно позвали доктора, а он, Ральф, допрашивает очередного работягу с лесопилки.

– Значит, вы просто так решили собраться и убить миссис Олдброк и ее внучку, – скучным тоном подытожил Ральф.

– Нет! – встрепнулся мужик и стащил с лысины кепи. – Не хотели мы... Но ведь служанку загрыз вервольф. И мистер Фелстон, дай бог ему здоровья, дал премию...

– Что? – про премию Ральф впервые слышал.

– Немного, но все ж приятно, когда работу ценят, – приосанился лысый. – Я на лесопилке работаю уж двадцать лет. И вот что скажу, мистер Рейнфорд, наш мистер Фелстон – самый толковый управляющий за все эти годы. Да, с ним не забалуешь. И курить он строго-настрого запретил. За одну папироску вышвырнул Мики-задиру...

– А кто первым предложил отправиться к поместью?

Глаза лысого так и забегали.

– Так вы ж сами сказали, инспектор, что надо завалить волка, – пробормотал он.

Прекрасно. Ральф вздохнул. Теперь выясняется, что он еще и зачинщик всей этой безумной ночной свары.

– Ладно, – нехотя сказал он. – А что по поводу мисс Блювенгейз? Ее отец примчался из Лондона и требует расправы над тем, кто избил его дочь.

– Мисс Блювенгейз я и пальцем не тронул! – запальчиво воскликнул лысый. – Я как увидел вервольфа, так сразу и сдристнул подальше.

– Вервольфа? – переспросил Ральф. – Которого? То есть, – сбился он, – расскажите подробнее. Как он выглядел? Где это произошло?

– Да там, возле поместья, и произошло, – пробормотал мужик, нещадно сминая в руках кепи. – Он выскочил, завыл. Я как раз близко стоял. Вы запишите, – оживился он. – Я был у ворот. Даже не зашел на землю Олдброков. Там и без меня... И, в общем, тут вдруг появился волк. Лохматый такой, с рыжими подпалинами. Темно, но я с факелом – только для освещения взял! Американка это была, истинно говорю. Обернулась, значит, и завывала, чтобы все за ей бросились, а бабку оставили. Ну, мы так и думали – только молодую, значит. Потому как старуха никого не убивала, хоть и вредная она. Редко когда ее в городе встретишь, но, если мимо пройдет, обязательно нос сморщит, как будто воняет от тебя.

– Так, может, и вправду воняет, – флегматично заметил Ральф. – Значит, к воротам выскочил волк. Лохматый, рыжеватый, но, в принципе, вполне обычный. Но вы все отчего-то решили, что он оборотень.

Джейн оказалась в церкви голой, если не считать покрывала, в которое она закрутилась на манер римской тоги. Ладони и ступни ее были в грязи. Но Ральф так и не видел превращения. Возможно, Джейн получила психическую травму, вообразила себя вервольфом. Ей нужен покой и забота – и все наладится. И в свадебное путешествие надо уехать подальше. Потому как у него, Ральфа, тоже явная психическая травма. Того, что произошло в церкви, попросту не может быть. Оборотней не бывает!

– Оборотень это и был, – мрачно изрек лысый, возвращая Ральфа в реальность.

– Потому что?..

– Потому что в ушах у него были рубиновые серьги, – брякнул мужик. – И не смотрите на меня так, инспектор. Клянусь копьём святого Эдварда...

– Не надо им клясться, – пробормотал Ральф, прикрывая глаза.

Может, еще при встрече Джейн слишком сильно ударила его зонтом по голове? Попала в какое-то особо уязвимое место. Это бы все объяснило.

– Они так и блестели! – продолжил лысый. – Сверкали, что кровавая роса. А где вы видели обычного волка с драгоценными камнями в ушах?

– Нигде, – признал Ральф.

– То-то и оно, – важно кивнул мужик. – Вервольф то был. Но я к тому моменту протрезвел уже, да и возраст... И как-то не хотелось мне в темноте по лесу за вервольфом шарахаться. Ну я и...

– Сдристнул, – повторил Ральф емкую характеристику побега.

– Ага, – подтвердил лысый. – И сразу домой. И мисс Блювенгейз и пальцем не тронул! Вы скажите об этом хозяину обязательно. Так и передайте – не было, мол, Джона Конти рядом и близко.

– Ладно, свободен.

– И это, – мужик поднялся и, окончательно скомкав кепи, добавил: – Вы уж простите, что вам там досталось...

Ральф непроизвольно поднес руку к повязке, туго перебинтовывающей грудь, и поморщился.

– Это не там, – сказал он.

Лысый ушел, а Ральф, стараясь не потревожить свежих ран, осторожно поднялся с кресла и вышел из кабинета. Миссис Пампкин, как всегда, сидела за столом в приемной, и Ральфу сразу стало спокойнее на душе – хоть что-то в этом мире незыблемо.

– Чаю? – предложила она.

Ральф покачал головой и медленно направился в гостиную. Джон Конти напомнил ему об ожерелье, которое он вечером саморучно снял с мисс Уокер. Или правильнее теперь называть ее мисс Олдброк? Впрочем, скоро она станет миссис Рейнфорд, так что нет смысла углубляться в эти тонкости.

На столике в гостиной не было ничего. Что ж, разумно. Не стоит оставлять фамильные драгоценности без присмотра.

– Куда вы положили рубиновое ожерелье мисс Уокер? – спросил он, оборачиваясь к секретарше.

И по тому, как изменилось выражение ее лица, сразу понял – дела хуже некуда. Вервольфы, убийства, докладная записка о произошедшем, которую он составлял все утро, – все это можно пережить. Но теперь он виновен еще и в том, что ожерелье его невесты пропало! Фамильная драгоценность бабушки, которая, возможно, уже при смерти...

– Вчера здесь была мисс Блювенгейз, – вдруг заявила миссис Пампкин. – Доктор Филипс тоже ее видел. Вы ушли и оставили дверь открытой. Мой фарфор был разбит, ковер пришлось сразу же

отчистить – и то, если присмотреться, можно заметить пятно. Ведь я не экономлю на чае!

– Мне очень жаль, – хмуро сказал Ральф. – Я возьму.

– Не надо, – покачала головой миссис Пампкин. – Все, чего я прошу...

– Все, что угодно.

– Соблюдайте предписания доктора! – строго приказала она. – Мистер Филипс что сказал? Постельный режим! Не беспокоить раны! А вы на ногах с самого утра и даже не прилегали! Как можно?

– Вот найду ожерелье – и сразу спать, – пообещал Ральф. – Мне неловко вас просить, но не поможете ли вы мне с пальто?

Миссис Пампкин укоризненно посмотрела на него, но после, вздохнув, прошла в холл, сняла пальто с вешалки и помогла Ральфу вдеть руки в рукава. Из-за любого резкого движения раны грозились снова закровить, а это сейчас было бы некстати.

– Вы уж там разберитесь с ней, – сердито сказала миссис Пампкин. – Бетти, конечно, и так попала в переплет, и мне ее жаль... Но не очень сильно.

* * *

Мистер Керридж, дознаватель из Лондона, опустил в предложенное кресло и посмотрел на даму, лежащую в постели, с искренним сочувствием. Миссис Олдброк была уже в годах, но держалась с королевским достоинством, несмотря на свое плачевное состояние и ужасную ситуацию в целом.

– Мне жаль беспокоить вас, – сказал он. – Однако сами понимаете, произошло убийство.

Ее внучка, очаровательная молодая девушка с огненно-рыжей кудрявой копной, присела рядом с бабушкой и взяла ее ладонь в свою ручку. Они вроде как были совсем не похожи, однако внимательный взгляд полицейского отметил одинаково вылепленные скулы, уверенные подбородки и высокие лбы. Словно две стороны монеты. Цветущая молодость и угасание. Жизнь и приближение смерти.

Собравшись, мистер Керридж вынул из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо листок. В последнее время он все чаще

думал о смерти. Хорошо, если рядом семья, внуки, а если отдать всю жизнь службе, как он, то на выходе только и остается, что жалеть об упущенных возможностях. И ведь была одна девушка, пусть и не такая красивая, как мисс Олдброк...

– Могло произойти два убийства, – произнесла та, прерывая бег его печальных мыслей. – На нас с бабушкой напали. Сюда, в поместье, пришла целая толпа горожан. С вилами, с факелами, они хотели нас убить!

– За что? – поинтересовался дознаватель, подняв взгляд от докладной записки инспектора Рейнфорда, который составил ее по всем правилам, однако явно о чем-то умолчал.

– За то, что мы вервольфы, – произнесла старуха. И издала хриплый смешок.

Рыжая мисс никак не прокомментировала это заявление.

– Я слышал, что в провинции все еще живучи суеверия, – поразился мистер Керридж, – но чтобы настолько... И почему же они так решили?

– Недавно неподалеку от поместья погибла девушка, – хмуро сообщила мисс. – Ее загрыз волк. Семейный герб Олдброков – волчья голова. К тому же Максимилиан Олдброк, мой отец, тоже погиб из-за зверя.

– Соболезную, – произнес он, отметив, что последняя фраза далась ей непросто. – Давно это было?

– Еще до моего рождения.

– Вот как... Но мне кажется это нелогичным: считать вервольфами тех, чей член семьи сам погибает от волков.

– Почему бы вам не поинтересоваться логикой у тех, кто на нас напал, – высокомерно предложила дама.

– Значит, на вас напали тут. Однако потом вы оказались в церкви.

– Мы побежали туда за защитой, – сказала Джейн.

– И как же вам удалось опередить разгневанных мужчин? Вы-то, мисс, еще ладно, но миссис Олдброк – почтенная дама, и мне с трудом верится, что ей бы удалось удрать.

– На то есть кони, – снисходительно пояснила старуха. – Мой садовник отвлек нападавших, а мы уехали. Надеюсь, вы осведомлены о том, что кони передвигаются значительно быстрее, чем даже разгневанные мужчины?

Какая вредная старушка. Но ему попадались и не такие.

– Меня сбили слова вашей внучки о том, что вы побежали, – миролюбиво пояснил он. – Значит, поскакали. И в церкви вы встретили преподобного Габриэля.

– Там мы встретили мерзкое отродье, которое сейчас горит в аду, – сообщила миссис Олдброк. – Но да, остальные зовут его преподобным.

– Он признался, что убил моего отца двадцать лет назад, – сказала мисс.

Брови дознавателя приподнялись. Вот это поворот!

– И он тоже считал вас вервольфами?

– Именно, – подтвердила дама. – И вознамерился истребить весь наш род. Однако ничего у него не вышло. Жаль, что не я его убила. Я бы выпустила ему кишки, сожрала его печень...

Ойкнув, она хмуро посмотрела на свою ладонь, которую внучка сжала слишком сильно.

– Это он избил вас? – уточнил на всякий случай мистер Керридж.

– Он, – хмуро подтвердила дама.

– У вас есть медицинское освидетельствование?

– Не хватало еще, чтобы какой-то профан, который воняет как половая тряпка из паба, меня осматривал, – фыркнула старуха.

Он недоверчиво посмотрел на миссис Олдброк. Очевидно, ей пришлось несладко: темные круги под глазами, пятна синяков на шее и руках. Впрочем, это уже не его дело.

– У меня ссадина на затылке, – с готовностью сообщила девушка. – Он толкнул меня, и я ударилась о стену. Бабушка бросилась на мою защиту. У меня кружилась голова от удара, и я с трудом могла стоять на ногах, иначе попыталась бы помочь.

– Ты еще слишком молода и неопытна, – мягко возразила бабуля, но вдруг умолкла, как будто вновь сболтнула лишнее.

– И потом появился инспектор Рейнфорд, – подсказал мистер Керридж.

– Прискакал, как рыцарь на коне, – подтвердила миссис Олдброк и поджала губы. – Вечно лезет куда не надо. Ты его в дверь, он в окно...

– Разве вы не испытываете благодарности к тому, кто спас вам жизнь? – не выдержал мистер Керридж.

– Он мне не нравится, – честно призналась старуха. – Я бы предпочла, чтобы меня спас кто-нибудь другой.

– Опять вы за свое! – воскликнула рыженькая мисс и вскочила с кровати. – Не выйду я за вашего милого Грэга, никогда и ни за что, хоть режьте меня! Плевать мне, что он мэр, плевать, что он – друг семьи. Он пьяница, старик и... и... и у него вставная челюсть!

– Да что ты такое говоришь! – искренне изумилась миссис Олдброк. – У Грэга замечательные зубы!

– Из фарфора.

– О, – коротко сказала дама, и на ее лице впервые мелькнула тень неуверенности.

– Я выйду за мистера Рейнфорда, – твердо добавила мисс Олдброк, и дознаватель едва сдержался, чтобы не заплодировать. – Он спас нам жизнь, он рисковал собой и своей карьерой, и после этого вы еще смеете говорить, что он вам не нравится? Да, он обычный инспектор, и не так богат, как ваш Грэг, но я люблю его!

Старуха молчала, опустив глаза. Потом вздохнула.

– Ладно, – нехотя произнесла она. – Если уж ты так хочешь... Но может, его еще посадят...

Девушка возмущенно ахнула от такого предположения и явной надежды, прозвучавшей в голосе дамы, и даже мистеру Керриджу стало неловко. Вот же злобная ведьма!

– Ну, мне, в принципе, все более-менее ясно, – сказал он, поднимаясь. – Не буду вас утомлять. Все же настоятельно рекомендую вам обратиться к доктору и...

– А я рекомендую вам отказаться от копченой рыбы и пива, – процедила миссис Олдброк. – У вас и так проблемы с печенью, судя по цвету лица.

– Всего доброго, – сказал он и, повернувшись к внучке, с мстительным удовольствием добавил: – Мисс Олдброк, желаю счастья с вашим избранником.

– Благодарю, – улыбнулась девушка, еще раскрасневшаяся после ссоры со вздорной старухой.

Уже у ворот поместья дознаватель подумал о некоторой странности, промелькнувшей в разговоре. Сначала мисс сказала, что ее отца убил зверь. А потом выяснилось, что в его смерти виновен преподобный. Мистер Керридж в нерешительности обернулся к

старому дому и наткнулся на мрачного слугу, один глаз которого полностью заплыл.

Конюшня сгорела в недавнем пожаре и еще слегка дымилась, сад, некогда наверняка бывший прекрасным, походил на поле боя, и бордовые лепестки роз усыпали взрытый дерн пятнами цвета подсохшей крови.

– Наверное, после такого ваша хозяйка предпочтет куда-нибудь уехать, – предположил мистер Керридж.

– Никуда она отсюда не денется, – ответил слуга.

Пожав плечами, дознаватель поднялся на ступеньку служебного кеба и приказал ехать в церковь.

* * *

Чарльз Блювенгейз любил свою дочь. Когда он впервые взял ее на руки, такую крохотную, розовую, сморщенную, с прилипшими ко лбу светлыми волосенками, то испытал несвойственную ему нежность и еще более непривычный страх. Девочка росла болезненной, капризной, но он умудрялся даже в ее истериках найти повод для умиления: кровь не водица, характер у Бетти от отца! Если ей что-то надо – пойдет на все.

Элисон не испытывала особой привязанности к дочери. Роды были тяжелыми, и миссис Блювенгейз отправилась поправлять здоровье на юг. Младенца решено было оставить с няньками. Когда же мать вернулась, то куда больший энтузиазм проявила к обновлению гардероба, чем к собственному дитя.

Впрочем, Чарльз любил эту сдержанную отстраненность в Элисон. Он звал ее Снежной королевой, и ему нравилось добиваться ее благосклонности, раз за разом, каждый день и особенно по ночам.

Однако сегодня стало очевидным, что как родители они с Элисон провалились.

Миссис Фертинг, экономка, прислала письмо, получив которое он немедленно покинул Лондон.

Бетти вот уже два года пытается привлечь внимание полицейского инспектора. Носит ему пирожки в корзинке, словно стряпуха.

Бетти сказала Кэтрин, что выйдет замуж за мистера Фелстона, если та не поможет ей... В чем – миссис Фертинг не расслышала.

Бетти явилась ночью вся в дерьме и крови, а в ее кармане миссис Фертинг нашла ожерелье, которое стоит целое состояние. И все видели его на шее мисс Уокер, американки, которая оказалась внучкой старухи Олдброк.

Все это было странно и непонятно, но Чарльз Блювенгейз отчетливо видел одно: Бетти попала в беду. И где? В Вуденкерсе! В родном городишке, где каждый знал, чья она дочь.

Это был его город – так мистер Блювенгейз любил думать и, в общем, был прав. Закрой он лесопилку – и город умрет. Месяц-два, и тут останутся лишь овцы. И вот здесь, на этих улицах, где каждый прохожий кланялся ему в пояс, как господину, эти люди, вскормленные его рукой... Посмели! Ударить! Его дочь!

Опомнившись, Чарльз Блювенгейз выпустил из руки скомканный лист и разгладил его ладонью. Может, и вправду закрыть лесопилку? Или уволить всех до одного и привезти ирландцев.

Как бы не пустили петуха...

В дверь постучали, и мистер Блювенгейз кивнул, приветствуя инспектора, того самого, в которого якобы влюбилась Бетти. Что ж, высокий, смазливый, с романтической профессией. Возраст у дочери самый подходящий для нелепых сердечных порывов. А вот кандидата она выбрала не слишком удачно. Впрочем, раз уж он ей так нравится, можно и исполнить очередной каприз. Только если инспектор будет послушным и вежливым зятем. Но надо сразу показать его место. Для начала пусть постоит.

– Рад, что вы пришли так быстро, – сухо сказал мистер Блювенгейз. – Ночью на мою дочь было совершено нападение. Она, к сожалению, толком не рассмотрела тех ублюдков, что осмелились поднять на нее руку. Однако я хочу, чтобы вы нашли их немедленно.

Инспектор Рейнфорд, усевшись в кресло без приглашения, лишь вздохнул и устало потер глаза, а мистер Блювенгейз заметил, с какой осторожностью он приподнял руку – простой жест дался ему с явным трудом.

– Этой ночью произошло много странного, – ответил инспектор. – Я могу поговорить с вашей дочерью?

– Боюсь, что нет. Она отдыхает.

Инспектор снова вздохнул и прикрыл глаза, как будто собираясь уснуть прямо здесь, в кабинете.

— С вами все в порядке? — раздраженно бросил Чарльз Блювенгейз.

— Нет, — ответил мистер Рейнфорд и поднял на него глаза, неожиданно цепкие и ясные. — Ваша дочь сегодня ночью украла рубиновое ожерелье моей невесты, мисс Олдброк. У меня есть свидетели, которые видели, как мисс Блювенгейз вынесла его из полицейского участка. Я — главный инспектор полиции Вуденкерса и имею право произвести у вас обыск немедленно.

Чарльз Блювенгейз потрясенно молчал, чувствуя, как кровь в его венах закипает от бешенства. Как будто мало ему унижений! Теперь этот хлыщ с лондонским произношением собирается обыскивать его дом!

— Однако мне очень не хочется этого делать, — признался вдруг инспектор.

— Чего же вам хочется? — процедил мистер Блювенгейз.

— Спать. Поэтому я надеюсь, что мы с вами договоримся по-хорошему. Ожерелье. Оно ведь у вас?

Прямо в верхнем ящике стола. Чарльз Блювенгейз молчал, осознавая пропасть падения единственной дочери. И главное — зачем? Мало ей было украшений, нарядов или этих дурацких книг, которые она заказывала отчего-то в нескольких экземплярах. И что она собиралась делать с ожерельем? Носить краденое? Раскалывать камешки и по одному сбывать перекупщикам?

— Вы сказали, мисс Олдброк — ваша невеста? — понял мистер Блювенгейз. Ох, Бетти... Глупая женская месть удачливой сопернице?

— Да. Мы поженимся очень скоро. Надо только решить — где.

— А наша церковь вас чем не устраивает?

Инспектор как-то странно хмыкнул и отвел взгляд.

— Вам не нужен скандал, — утвердительно произнес он, вновь прикрывая веки. — Конечно, мне не удастся посадить мисс Блювенгейз в тюрьму, вы не пожалеете средств, чтобы подкупить всех судей Англии. Но шумиху я вам обещаю знатную. Ее репутации придет конец. Ваш бизнес может пострадать. Однако я предлагаю вам мировую. Первое — вы отдаете мне ожерелье. Второе — ваша дочь уезжает из Вуденкерса и больше не возвращается сюда никогда. Мне

плевать, как вы это устроите. Отправите ее в дальнейшее путешествие, на курсы кулинаров, в монастырь, замуж, в конце концов... Здесь ее быть не должно.

– Мисс Олдброк... – задумался Чарльз. – Единственный сын миссис Олдброк трагически погиб. Разве у Сильвии есть внучка?

– Есть, – кивнул мистер Рейнфорд и мечтательно улыбнулся. – Чудесная девушка. Ради нее я готов на все.

Мистер Блювенгейз умел вести дела и знал, когда надо идти на уступки. Он мог отпираться до последнего, мог выставить инспектора... Однако оно того не стоило.

Отодвинув ящик, он вынул ожерелье и бросил его на стол. Красные камешки вспыхнули, как тлеющие угли.

А еще мистер Блювенгейз не был вором. Уходить от налогов, используя хитрые схемы, заламывать цены, экономить на рабочих – это другое.

– Я все улажу, – мрачно пообещал Чарльз.

Инспектор сгреб ожерелье и, поморщившись, поднялся.

– И знаете что...

– Что?

Отчего-то мистер Блювенгейз был уверен, что ничего хорошего он не услышит. Не сегодня.

– С теми, кто на нее напал, разбирайтесь сами, – сказал инспектор. – Этой ночью работники вашей лесопилки отправились к поместью Олдброков, чтобы убить пожилую даму и ее внучку, отчего-то решив, что те – вервольфы. Вы не хуже меня знаете, что в толпе всегда есть лидер, и если хорошенько поискать, то можно найти, так сказать, идейного вдохновителя. И как-то так вышло, что ваш управляющий, мистер Фелстон, накануне выдал работникам премию. Совершенно внезапно.

– Много? – не сумел сдержать удивления Чарльз.

– Слегка подогреть кровь в пабе хватило, – ответил инспектор. – А еще ваша дочь отчего-то оказалась у фермы по дороге к поместью. Ночью. Одна. Я не верю в такие совпадения, мистер Блювенгейз. А вы?

Не дождавшись ответа, он ушел. Чарльз слышал его шаги, потом хлопнула входная дверь. Он посидел в тишине еще пару минут,

переваривая все то, что слышал, а потом набрал полную грудь воздуха и заорал:

– Бетти!

Глава 23

Слухи, сплетни и любовь

Ральфа нещадно знобило, но доктор Филиппс предупреждал о такой возможности. Таблетки на случай лихорадки остались в участке, где миссис Пампкин наверняка уже заваривает свой знаменитый чай, на который Ральф возлагал больше надежд, чем на лекарство. А вот что было еще неприятнее – резь в глазах от любого мало-мальски приличного источника света. И еще шум – казалось, каждый житель Вуденкерса решил высказаться, и голоса, отдаленные и близкие, слились в непрекращающийся гул, давящий на лоб изнутри. Обвешанная репьями шавка выкатилась из-под забора и зашлась в истощном лае, тараша и без того выпуклые глаза.

– Заткнись, очень тебя прошу, – взмолился Ральф и поднялся по дороге к церкви.

Окунувшись в ее прохладный сумрак, он испытал облегчение сродни наслаждению. Тишина обняла его, как друга, и даже глаза перестали слезиться. Ральф перевел дух, но громогласное приветствие разрушило покой храма:

– А вот и наш герой! – воскликнул мистер Эдверсон, спеша навстречу.

За ним следовал невысокий поджарый мужчина, выслуга лет в полиции которого читалась и по острому взгляду, и по походке – твердой и уверенной, и особенно по печати лондонского центрального отделения на корочке, которую он отточенным движением сунул Ральфу под нос.

– Вы спасли Сильвию, – с придыханием произнес мэр. – Вы спасли Вуденкерс.

– Быстро вы приехали, – обратился Ральф к дознавателю, – мистер Керридж.

– Дело необычное, – ответил тот, машинально подкручивая короткие усы.

– Никакого дела нет, – возмутился мистер Эдверсон. – Если бы не инспектор, то две достойные дамы были бы мертвы. Погибли от рук безумца! Мистер Рейнфорд лишь исполнил свой долг...

– Прошу вас, помолчите, – невежливо перебил его Ральф, и мэр, насупившись, умолк.

– Плохо себя чувствуете? – заметил мистер Керридж.

– Давайте поскорее со всем этим покончим, – предложил Ральф. – Я описал произошедшее достаточно подробно.

– Я вижу следы борьбы, – отметил мистер Керридж, оглядывая пол, покрытый темными пятнами. – Дамы семейства Олдброк подтвердили вашу версию. Однако...

– Неужели вы арестуете мистера Рейнфорда? – картинно ужаснулся мэр, а Ральф про себя отметил, что тот заранее разжаловал его из инспекторов.

– Нет, – не стал тянуть дознаватель. – Буду с вами откровенен, церковь могла бы стать большой проблемой. Вы убили одного из ее пастырей. Но обстоятельства гибели и его постыдные языческие суеверия – не то, чем можно гордиться.

Ральф молча кивнул. Что-то такое он и предполагал.

– К тому же мы своих не бросаем, – многозначительно добавил мистер Керридж. – Что происходит в Вуденкерсе, остается в Вуденкерсе. Вы наверняка и предположить не могли, что в таком спокойном местечке будете рисковать жизнью!

– Милый городок, – пробормотал Ральф.

– Хотите попросить перевод? Я мог бы устроить...

– Нет, – отказался он. – Пока нет.

– Понимаю... Что ж, счастливой семейной жизни вам, инспектор. – Мистер Керридж направился к выходу и, не оборачиваясь, добавил: – Тело я заберу.

– Вы женитесь? – ошарашенно переспросил мэр, поворачиваясь к Ральфу. – На ком? Только не говорите, что на Джейн!

– Именно, – подтвердил Ральф. – Сильвию можете забирать себе.

– На вашем месте должен был быть я, – скорбно произнес мистер Эдверсон, с обидой глянув на фреску в левом углу. – Это я должен был поразить чудовище копьём моего предка. Это я должен был спасти прекрасную деву... Это я...

– Это вы хороните волков в фамильном склепе Олдброков? – перебил его Ральф.

Мистер Эдверсон осекся, побледнел, потом покраснел. На лбу мгновенно выступили капельки пота. Как только он умудрился стать

мэром? Совершенно не умеет врать.

– Джейн рассказала, что вы верите в семейную легенду и хотели бы стать вервольфом, – пояснил Ральф, которому стало его почти жалко. – Это, полагаю, часть ритуала?

Мистер Эдверсон молчал, и Ральф, преодолевая усталость и боль, сгреб его за грудки и слегка встряхнул.

– Вы ничего не докажете, – пробормотал мэр. – К тому же это нельзя считать преступлением. Мало ли чем человек занимается на досуге. И один из волков – ваш. Я буду отпираться!

– А где останки Олдброков?

Мэр пожал плечами, пытаясь отцепить пальцы Ральфа от своего костюма.

– Осквернение захоронений – преступление, мистер Эдверсон, – веско произнес Ральф, разгладив лацканы его пиджака. – Я обязательно поинтересуюсь у миссис Олдброк, что она думает по поводу вашего вольного обращения с фамильным склепом.

– Не надо, – быстро попросил мэр. – Не говорите ей ничего. Я все исправлю.

Ральф кивнул и пошел к выходу, но через несколько шагов остановился и обернулся, разглядывая рисунок на полу церкви. Линии, завитки, хитрые переплетения – все это очень напоминало... Перед глазами поплыло, и Ральф крепко зажмурился и тряхнул головой.

Чай, лекарство, сон – вот, что ему нужно. Однако он вернулся в центр храма и, вынув из-за пояса пистолет, которого ему так не хватало этой ночью, прицелился и выстрелил в пересечение линий. Уши тут же заложило, а резкая боль от отдачи пронзила грудь.

– Что вы...

Ральф поковырял носком ботинка след пули – светлое пятно, которое разрушило симметрию узора, и, оставив мэра в церкви, пошел прочь, молясь про себя, чтобы этот бесконечный день наконец закончился.

* * *

Джек Фелстон выскочил из дома Блювенгейзов как ошпаренный и выдал сквозь зубы такое ругательство, что женщина, проходящая

мимо, шарахнулась на другую сторону улицы.

Подняв воротник пальто, он быстрым шагом направился к своей невесте. Криво ухмыльнувшись, мистер Фелстон поздравил себя с вовремя заключенной помолвкой. Она пришлась как нельзя кстати, когда Чарльз припер его к стенке вопросом про премию рабочим.

«Простите мой порыв. Помолвка – радостное событие. Несвойственная мне сентиментальность», – вспомнив все то, что он плел начальнику, он снова ухмыльнулся. Старый дурак поверил. А иначе – отправил бы восвояси пинком по зад. Нюх у Чарльза Блювенгейза отличный, он все же что-то заподозрил и кипел от ярости, как чайник. Удалось столкнуться на Шотландии. Место глухое, но перспективное. Ничего, год-два, максимум – пять, – и он выберется и из этой дыры, не будь он Джек Фелстон!

– Что? – Кэтрин побледнела, услышав новости. – Он отправил вас в Шотландию? Новое производство? Но, Джек! Вы должны были перейти в лондонский филиал!

– Планы изменились, – ответил он, небрежно цепляя пальцем каштановый локон Кэти. – Не без вашего вмешательства, дорогая невеста. Вы втянули меня в это грязное дело и теперь отправитесь со мной. В горе и радости, в богатстве и бедности...

– Я рассчитывала на радость и богатство, а не на убогую шотландскую деревушку!

– Что поделать, – философски ответил мистер Фелстон. – Мы, конечно, можем разорвать помолвку. Официального объявления не было, хотя слухи, как мне кажется, уже пошли.

– Нет, – буркнула Кэтрин, возвращая самообладание. – Не надо. Я поеду с вами.

* * *

Мистер Ррр явился к вечеру, весь помятый, с кругами под глазами и выступившей на рубашке кровью. Не обратив никакого внимания на упреки, поднялся в свою комнату, выпил чай – уж за этим миссис Пампкин проследила, покорно проглотил все таблетки, которые она ему дала, а после погрузился в глубокий сон.

Он лишь промычал что-то невнятное, когда она стаскивала с него ботинки, вытащил из кармана рубиновое ожерелье и снова уснул.

Миссис Пампкин задумчиво посмотрела на камни в руке инспектора. Они блестели и казались влажными, как капли вина, оплетенные серебром.

Надо что-то делать. Прямо сейчас. Ковать, пока горячо.

Потрогав лоб Ральфа – теплый и влажный, она быстро спустилась вниз и, накинув плащ, вышла из участка. Закрыв за собой дверь, постояла немного, раздумывая, а потом направилась вниз по улице. Мередит Честерби говорила, что хочет провести очередное заседание книжного клуба. Самое время!

В гостиной, совсем не такой претенциозной, как у Блювенгейзов, и, к счастью, не такой розовой, ее усадили в мягкое кресло и подали чай – не идеальный, но вполне приемлемый. Мисси и Сисси, живущие по соседству, явились через пару минут. За миссис Доуксон пришлось посылать извозчика, но миссис Пампкин настояла, чтобы она тоже была. Она водит дружбу с миссис Хокинс, а уж от той сплетни расходятся, точно круги по воде – по всему Вуденкерсу. Ведь именно у нее экономки самых достойных домов покупают и сыр, и яйца. Кэтрин Гоглстен явилась последней. За Бетти решили не посылать – о том, что ее избили этой ночью, уже все знали.

Когда дамы собрались, миссис Пампкин разом допила чай и сказала:

– Инспектор Рейнфорд этой ночью убил вервольфа.

Мисси и Сисси разом заохали и загалдели, миссис Доуксон размашисто перекрестилась, Мередит сдвинулась на самый край кресла – того гляди упадет, а Кэтрин лишь недоверчиво приподняла бровь.

– Это был преподобный Габриэль, – трагическим тоном добавила миссис Пампкин.

– Не может быть, – недоверчиво сказала миссис Доуксон.

– Может, – скорбно ответила миссис Пампкин. – Разумеется, никто это не подтвердит, все будут держать в тайне. Лондонский дознаватель уже увез его тело в Лондон. Доктор Филипс был в ярости.

– Отчего же? – поинтересовалась Кэтрин.

– Такое поле для исследований! – пояснила миссис Памкин, досадуя от ее недогадливости.

– Говорят, доктор стал захаживать к миссис Честрик, – неодобрительно произнесла миссис Доуксон. – Вы видели отвратительно желтый цвет, в который она стала красить волосы?

– А мы ведь знали! – воскликнула Сисси.

– Знали! – подтвердила Мисси.

– Про миссис Честрик? – уточнила Мередит. – Это вовсе не секрет.

– Про преподобного! – воскликнула Сисси. – Мы знали. С ним что-то не так!

– Почему же не сказали? – поинтересовалась Кэтрин, которая сегодня выглядела отстраненной и задумчивой.

– Это ведь священник, – смутилась Мисси. – Но у него такие твердые ногти! Мы заметили, когда целовали ему руку после причастия.

– Он разодрал инспектору всю грудь, – скорбно сообщила миссис Пампкин. – Когтями. Пришлось накладывать швы.

– Какой кошмар, – огорчилась Мередит. – Лицо не задето?

– Шрамы украшают мужчин, – философски произнесла миссис Доуксон.

– Правда, что у мистера Ррр есть шрам от волчьих зубов? – загорелись любопытством Сисси-Мисси.

– Дамы! В нашем городе убили вервольфа-священника, нашу дорогую Бетти избили, поместье Олдброков едва не сожгли, и что мы в итоге обсуждаем? – возмутилась миссис Пампкин. – Да, у него есть шрам от волчьих зубов. На предплечье.

– Хотела бы я знать, что наша дорогая Бетти делала ночью у фермы, – протянула Мередит. – Она не любит пешие прогулки. Все это действительно странно. И почему ее избили, если охотились за вервольфом...

– А что, если... – начала Сисси, но сбилась и покраснела. – Давай ты, – толкнула она локтем сестру.

– Мать нашей дорогой Бетти была помолвлена с Максимилианом Олдброком, – прошептала Мисси, старательно отводя взгляд. – А вдруг... Но нет, это нелепо...

– Но преподобный тоже не походил на вервольфа, хоть у него и были крепкие ногти! – напомнила Сисси.

– Вы полагаете, что Бетти – вервольф? – поняла миссис Доуксон и рассмеялась. – Нет, это невозможно. По срокам не получается. Бетти родилась через год после смерти Максимилиана.

– А кто знает, сколько вынашивают вервольфов! – справедливо возразила Мередит. – Все же есть в ней нечто пугающее...

– И ногти у нее хорошие, – согласилась миссис Пампкин. Разговор ушел куда-то не туда, и надо было срочно придать беседе нужное направление. – Но главное, – вздохнула она, – две ни в чем не повинные женщины едва не погибли!

За этим она и пришла – перевести стрелки. Все должны говорить о том, что вервольфом был преподобный. А мисс Уокер – жертва недоразумения.

– Сегодня я слышала, что мистер Блювенгейз распорядился немедленно увольнять каждого, кто только заикнется о вервольфах, – прошептала Сисси.

– У нашей кухарки муж работает на лесопилке, – пояснила Мисси.

– Это очень логичное распоряжение, если его дочь – вервольф, – задумалась миссис Доуксон.

– Так она, выходит, не его дочь, – возразила Мередит.

– Но он наверняка любит ее как родную, – сказала миссис Пампкин. – А вот бедная мисс Уокер – сирота, которая едва не погибла...

– Ой да прямо, бедная сиротка, – фыркнула миссис Доуксон. – Вы видели, какие рубины были на ней в церкви? Вот кто дочь Максимилиана! И если уж Бетти вервольф...

– Вервольф – преподобный Габриэль! – напомнила миссис Пампкин.

– Где один, там и два, – пожала плечами миссис Доуксон.

– Нет, мисс Уокер не вервольф, – возразила Мисси, насупив бровки. – Не бывает рыжих вервольфов!

– Да еще и кудрявых, – добавила Сисси.

– А вот Бетти русая, – покивала миссис Доуксон. – Да и не могло ей просто так перепасть. Дыма без огня не бывает. Не удивлюсь, если папенька постарается поскорее сбыть дочку с глаз долой. Ей бы замуж...

– Всем нам бы замуж, – мрачно сказала Мередит. – А ты, Кэти, что молчишь? Сидишь как воды в рот набравши.

– А я помолвлена, – сообщила Кэтрин и улыбнулась. – Я выхожу замуж за мистера Фелстона.

Все вскочили с мест и принялись ее поздравлять, и миссис Пампкин тоже пожелала Кэти семейного счастья, однако интуиция подсказывала ей: в этой истории что-то осталось в тени.

– Куда вы поедете в медовый месяц? – спросила она.

– Ох, вы ведь знаете, мистер Фелстон – правая рука мистера Блювенгейза, – кокетливо ответила Кэти. – Он отправляет его куда-то в Шотландию, на жутко важное производство.

– Говорят, в Шотландии водятся келпи, – прошептала Мисси.

– Оборотни-кони, – угрюмо пояснила Сисси.

– По сравнению с нашими вервольфами они – тьфу, – выразительно произнесла миссис Доуксон.

Никто не стал с ней спорить.

* * *

Ужин получился странным. Джейн была очаровательна, ожерелье сияло на ее белой коже, а миссис Олдброк не пыталась выставить Ральфа вон, но он все не мог отделаться от ощущения, что что-то не так.

Возможно, виной тому сон, в котором он брел по туману, густому и теплому, как молоко, следуя за огнями, похожими на рубины, что сейчас блестят на груди мисс Уокер. А возможно, он все еще не оправился от раны, которую нанес ему преподобный. Хотя выглядела она неплохо – никакого воспаления, кожа стянулась, да и в целом Ральф чувствовал себя прекрасно. Проспав больше суток, он проснулся полным сил.

Однако сознание точно огородило стеной произошедшее в церкви, укрыло плотным туманом, закутало в кокон логики.

Куда проще принять ту версию, что он сочинил для отчета. Жители города, темные и необразованные люди, напали на двух незащищенных женщин. Те бросились в церковь за помощью, однако священник тоже оказался постыдно суеверен и попытался их убить. К счастью, Ральф явился вовремя и защитил двух дам. Но ему не удалось

обезвредить преступника, не нанеся урон. От полученных ран тот скончался.

И никаких вервольфов.

Однако человек не мог располосовать ему грудь так, как это сделал преподобный. Может, у него были накладные когти? А еще морда с оскаленной пастью, плешивая шкура и запах псины. Допустим, он окурив помещение храма какой-то травой, вызывающей галлюцинации. Всему есть правдоподобное объяснение.

Глаза с павлиньих хвостов на обоях таращились на него со всех сторон, миссис Олдброк молча жевала стейк, а Джейн нежно улыбалась...

Ральф протянул руку и накрыл ее ладонь своею. Миссис Олдброк тяжело вздохнула и сделала большой глоток морса. Ральф пил уже третий стакан. Приятный напиток: терпкий и чуть кислый, с ароматом гвоздики и мускатного ореха, и еще вереска... Именно вереском и луговыми травами пахло в его сне, когда туман закончился и перед Ральфом раскинулся простор под звездным небом. Картинка, всплывшая в мозгу, была яркой, будто он видел это в реальности.

А еще волчица с рубиновыми серьгами в ушах. Мог ли Джон Конти, лысый работник лесопилки, это придумать?

И что делать, если все это – правда?

Что, если девушка, которая сидит напротив, и в самом деле оборотень? Почему рисунок на полу церкви так похож на татуировку, которая не дает ему покоя вот уже несколько дней.

Допустим, давным-давно предок Джейн, убивший волка, или скорее его потомки, решили провести ритуал, чтобы заполучить тотемного зверя. Волка похоронили в фамильном склепе как родоначальника. Конечно, это невероятно, но отчего тогда он, Ральф, выстрелил в пол церкви, разрушая симметрию рисунка? Значит, где-то в глубине души он допускает, что это правда? Раз решил, что его выстрел сможет снять проклятие Олдброков.

Хотя ему нравилась версия Джейн о том, что волк сам выбирает достойного воина, а не следует за ним на поводке, как пес, вынужденный служить.

Джейн повернула ладонь вверх и сплела свои пальцы с его.

– Я хочу официально попросить руки вашей внучки, – выдохнул Ральф. Кем бы ни была эта женщина, она нужна ему.

– Угу, – ответила миссис Олдброк.

– Надеюсь, вы одобрите наш брак, – настойчиво произнес он, поворачиваясь к Сильвии.

Вообще-то ему это было абсолютно безразлично. Но не хотелось вбивать клин между Джейн и бабушкой, которую она только-только обрела.

Янтарный взгляд миссис Олдброк пронзил его, словно пытаюсь докопаться до самого сокровенного. Ральф не отвел глаза. Ему скрывать нечего. Конечно, он не идеален: не так уж и богат, без связей и высокопоставленной родни, и его брови на самом деле не симметричны, но главное – его намерения касательно Джейн чисты, и он действительно ее любит.

Старуха хмыкнула, как будто увидела что-то неожиданное, и вернулась к стейку.

– Если вы обидите мою внучку, мистер Рейнфорд, я найду вас и убью, – буднично сообщила она, отрезая кусок мяса.

Розоватый сок вытек на тарелку. Дама предпочитает с кровью.

– Я не собираюсь ни обижать Джейн, ни тем более прятаться, – раздраженно заявил Ральф.

– Хорошо бы, – согласилась старая дама и отложила столовые приборы. – Знаете, мистер Рейнфорд, в свете недавних событий я вынуждена переменить свое первоначальное крайне негативное мнение о вас. Думаю, вы с Джейн будете хорошей парой.

Он недоверчиво улыбнулся. Это что же? Он получил благословение старой волчицы?

– Джейн, милая, не составишь мне компанию для прогулки? – попросила миссис Олдброк. – А вы, – повернулась она к Ральфу, – попробуйте десерт.

Она тяжело поднялась со стула, сняла со спинки меховую накидку и зябко в нее укуталась, оперлась на неизменную трость. Сильвия ступала медленно и у порога задержалась, чтобы еще раз посмотреть на Ральфа.

– Я люблю Джейн и постараюсь быть ей хорошим мужем, – пообещал он от всего сердца.

Миссис Олдброк погрозила ему пальцем и ушла. А Джейн перед тем, как последовать за ней, быстро склонилась к Ральфу, поцеловала в щеку и прошептала на ухо:

– Люблю тебя...

Это «люблю» заставило душу петь, и Ральф даже не заметил, что именно молчаливая кухарка принесла ему в качестве десерта, опомнившись, лишь когда тарелка опустела. Однако желудок требовательно заурчал.

Когда служанка снова появилась из боковой двери, Ральф попросил:

– Можно мне еще стейк? Как для миссис Олдброк, с кровью.

Кивнув так, что объемный тюрбан на ее голове покачнулся, женщина скрылась и вскоре поставила перед ним тарелку с большим куском мяса, от запаха которого рот мгновенно наполнился слюной.

– Благодарю, – пробормотал Ральф, впиваясь зубами в сочное мясо.

Организм восстанавливается после травмы. Аппетит – признак здоровья. Ничего странного.

* * *

Бабушка опиралась на ее руку и шагала через старый сад, уверенно выбирая направление, и сердце Джейн сдавило тоской. Вскоре они остановились у подножия холма, оплетенного колючим ягодником.

– Раньше мне нравилось смотреть с этого холма на свой дом, – сказала Сильвия, опершись обеими руками на трость.

– Вы не устали? – озаботилась Джейн. – Может, вернемся?

– Уже соскучилась по своему инспектору? – язвительно усмехнулась дама. – Я тоже была такой... Влюбилась, бросилась в омут чувств сломя голову... Он был в ужасе, когда узнал. А ведь тоже уверял, что любит.

– Ральф знает, – пробормотала Джейн неуверенно.

– Я не доверяю красивым мужчинам, – без обиняков заявила Сильвия. – У них слишком большой выбор, и нет смысла идти на уступки, мириться с чужими недостатками.

– Хорош недостаток, – усмехнулась Джейн. – Я и сама до сих пор не могу поверить...

– Можешь. Ты всегда знала.

Ночь обнимала их, нашептывала секреты, манила запахами, звала. Но позади остался дом, где горел свет и ждал мужчина, который любит.

– Но он, похоже, и вправду тебе подходит, – бабушка приподняла лицо к ночному небу, и звезды отразились в ее глазах.

– Вы ведь сможете сами в этом убедиться... Если вы не против, мы могли бы жить вместе. Я смогу уговорить Ральфа.

– Ох, Джейн... Я все жила здесь и жила, привязанная к дому прошлым и будущим. А настоящего будто и не было вовсе.

Сильвия покачнулась, и Джейн подхватила ее под локоть.

– Нам надо вернуться, – сердито сказала она. – Вы едва на ногах держитесь. Доктора позвать отказались, а с тем непонятным мужчиной заперлись в кабинете часа на три.

– Я составляла завещание, – повернулась к ней бабушка. – И оформляла твои документы. Теперь ты мисс Олдброк, Джейн, моя единственная и полноправная наследница. Но я столько не успела тебе дать...

– У нас впереди еще много времени, – фальшиво улыбнулась Джейн, с горькой обидой чувствуя, что это не так. Разговор был неправильным. Он словно подводил итог, готовя к расставанию.

Сильвия улыбнулась и покачала головой.

– Скажи служанке, пусть вышьет тебе платье, – она отвернула высокий ворот и показала затейливые красные стежки. – Тогда тебе не придется его снимать, и после оборота ты сразу будешь в одежде, слегка растрепанной, но все же прикрытой. Это очень неловко – оказаться голой в каком-нибудь малоподходящем месте. В любом месте, по большому счету. Нотариус сам свяжется с тобой через неделю-две, чтобы завершить оформление дел. Он боится меня до дрожи, так что обманывать не станет. Томас, возможно, уйдет. Надо бы, верно, попрощаться и с ним. Хотя велика честь, – она фыркнула. – В ближайшее время надевай ожерелье почаще. Его сделали очень давно, в камнях есть сила, которая помогает. Это что-то вроде сигнальных огней, которые светят на той стороне. Важно для правильного перехода. Тот... – она не сумела подобрать слов, – стал настоящим уродом. Или волк не видел в нем достойного. Впрочем, ты справилась и без рубинов. Макс, помню, выглядел в ожерелье забавно, как нахохлившийся снегирь. Он, конечно, носил его только дома. Когда

твоему ребенку исполнится восемнадцать – отдай ожерелье ему. Хорошо бы у тебя было много детей...

Сильвия вдруг прерывисто вздохнула и закрыла глаза. По сухой щеке быстро скатилась слеза.

– Бабушка, – сказала Джейн, и ее голос дрогнул. – Почему сейчас?

– Пора, – коротко ответила она и повернулась к холмам. – Эдвард Олдброк поймал дух волка, но мне всегда казалось, что это должно быть исключительно добровольным, как и любой союз. Ты понимаешь?

– Не очень, – честно призналась Джейн.

– Поводок, который держал мою волчицу, будто ослаб, – сказала Сильвия. – Но она все еще здесь. Я чувствую ее. Как и моего Макса. Я всегда знала, что он ждет меня, на том берегу ручья, у которого я похоронила его тело. Там тоже жизнь, на той стороне. Хоть и другая.

Она выпустила трость, и та упала, примяв траву.

– Будь счастлива, Джейн, – прошептала Сильвия, обняв ее, и, развернувшись, пошла по траве.

Ее силуэт расплывался от навернувшихся слез, двоился, и вскоре рядом выросла остроухая тень. Сильвия скрылась из виду, но затем ее неясный силуэт появился на склоне холма. Джейн сморгнула слезы, всматриваясь в темноту. Тень перепрыгнула через ручей, звон которого вплетался в ночное многоголосие, и ей навстречу из густой травы вышел еще один волк. Он повернулся к Джейн, и глаза его блеснули. А потом луна спряталась в облаках и когда снова показала серебристый бок, на том берегу ручья не было никого: ни Сильвии, ни волков.

Джейн подняла трость и пошла домой. Ее глаза высохли и сердце билось ровно и быстро, и когда позади раздался волчий вой, Джейн улыбнулась, будто услышав дружеский привет. Однажды она тоже перемахнет ручей и побежит по густой траве навстречу своей стае. Но это будет еще очень не скоро.

Глава 24

Новая жизнь

Элизабет вынуждена была признать, что муж, которого подобрал ей отец, недурен: тридцать пять лет, высок, широкоплеч, с интересным тонким лицом, пепельными волосами и задумчивым взглядом. Он походил на героя романа и немного на мистера Ррр, однако, увы, им не был. Жизнь не всегда складывается, как мечтается, – так сказала мама, собирая ее приданое.

Конечно, Элизабет пыталась изменить папино решение, закатила очередной скандал... Поморщившись, она перенесла вес тела с саднящей ягодицы на другую – менее пострадавшую при порке. Она и не думала, что ее отец, годами прощающий все проказы, может быть таким жестоким и непреклонным.

Замужество показалось Элизабет способом сбежать из отчего дома, где жизнь стала просто невыносимой, и из Вуденкерса, где ее любовь безжалостно втоптали в грязь.

– Скоро приедем, – сообщил мистер Сеймур, сидящий напротив. – Вот и ваш новый дом, дорогая.

Выдавив из себя улыбку, Элизабет посмотрела в окно экипажа. Что ж, неплохо: два этажа, колонны, живописная аллея дубов. Будет мило отдыхать тут пару раз в год.

– Должен предупредить вас, – сказал ее муж. – Я не уверен, что мои девочки будут рады...

– Ах да, у вас ведь дочери от первого брака, – равнодушно бросила Элизабет. – Они не в школе?

– На домашнем обучении, – сообщил мистер Сеймур. – Их у меня трое. Надеюсь, вы с ними поладите, дорогая.

– Элизабет, – сказала она, не сдержав раздражения. – Меня зовут Элизабет.

– Я знаю, – спокойно ответил он. – Миссис Элизабет Сеймур.

Неплохо, но миссис Рейнфорд звучало бы куда лучше.

Элизабет с тоской смотрела на приближающееся здание, но не видела его своим домом. Хорошо бы свадебное путешествие длилось

подольше. Можно съездить в Италию или Францию. Только не в Америку. Оттуда все зло!

– Я проведу с вами неделю, – сообщил муж, – а после уеду в Лондон.

Элизабет нахмурилась и посмотрела на него с недоумением.

– Уедете?

– У меня дела, – коротко ответил он.

Разумеется, у него дела! Папа собирается сделать его компаньоном. На скромной свадебной церемонии мистер Сеймур провел рядом с ним куда больше времени, чем с ней, своей невестой. Будь его воля, он бы и брачную ночь провел с мистером Блювенгейзом. Элизабет невольно покраснела от мысли, что уже сегодня ночью ей придется разделить постель с мужчиной. Пока что они лишь несколько раз поцеловались, но ей понравилось.

– Я могу поехать в Лондон с вами? – она ненавидела себя, но вопрос прозвучал почти жалобно.

– Не думаю, что это разумно, – улыбнувшись, ответил он. – Вы останетесь в семейном гнезде. Видит бог, ему давно не хватает женской руки. Как и моим крошкам. Я буду навещать вас, дорогая.

Экипаж остановился, и мистер Сеймур подал Элизабет руку, помогая выйти.

Она ступила на вымощенную унылой серой плиткой площадку, выпрямилась и остолбенела.

– Кристи, Сьюзен, Джеральдина, – представил мистер Сеймур трех девочек-подростков, выстроившихся перед крыльцом, одинаково рыжих и кудрявых, и глядящих на нее с неприкрытой ненавистью. – Познакомьтесь: моя жена и ваша мачеха, миссис Элизабет Сеймур.

Элизабет поежилась и вцепилась в ладонь мужа, не желая ее отпускать, но он высвободил руку и нежно обнял первую девочку.

– Ты умрешь, – произнесла та одними губами над плечом отца, а после, когда он отстранился, добавила с невинной улыбкой: – Мы так рады, папочка, что ты снова женился. Мы сделаем все, чтобы нашей новой мамочке здесь понравилось.

– Да, – охотно подтвердили ее сестры, и Элизабет захотелось бежать из этого ужасного места как можно дальше. – Ей понравится.

Стажер Перси Ньюэл, которого направили в Вуденкерс на время отсутствия местного инспектора, был в замешательстве. Городок, затерянный среди холмов и лесов, казался тихим и спокойным местечком: редкие драки в местном пабе да споры фермерш из-за пропавших кур. Скука. Пока не начнешь приглядываться. И тогда в сумраке улиц проступал истинный лик города, со звериным оскалом и свежей кровью на зубах.

Перси мечтал написать книгу. Детектив, основанный на реальных событиях, который всколыхнул бы всю Англию и заставил гадать – кто убийца. Однако сначала нужна жертва. И конечно, герой.

Молодой и талантливый полицейский, недавний выпускник с чутьем матерого сыщика, ведомый наитием – по правде сказать, острым желанием опорожнить мочевой пузырь, но об этом читателям знать не надо, – наткнулся на свежие захоронения. Ровные холмики могил возвышались чуть в стороне от дороги, и Перси со смесью ужаса и предвкушения сжимал черенок лопаты.

– Никуда не уходите, – сурово приказал он доктору Филипсу и миссис Пампкин, которых взял с собой в качестве свидетелей.

– Не уйдем, – пообещала женщина, а доктор присел на поваленное дерево и вытянул ноги.

– Надолго вы к нам в Вуденкерс? – поинтересовался он.

– Пока инспектор Рейнфорд не вернется из свадебного путешествия, – ответил Перси, приступая к работе. Дело шло споро, лопата входила в свежий грунт как нож в масло. – Он не брал полагающийся ему отпуск несколько лет, так что да, я тут надолго.

Мистер Филипс кивнул и вынул из внутреннего кармана пальто потертую фляжку. Открутив крышку, сделал большой глоток. Миссис Пампкин, придирчиво осмотрев лежащий на земле ствол, уселась рядом с доктором и взяла из сумочки книгу. Перси машинально отметил и внушительный объем, и хороший переплет. Мэйв Уокер – значилось наверху обложки. Традиции и легенды... Миссис Пампкин открыла книгу, и Перси не успел дочитать название.

– Полагаете, серийный убийца? – с обидным равнодушием предположил доктор.

– Вы так говорите, как будто для вас вскрывать могилы – в порядке вещей! – возмутился Перси, отирая пот.

Доктор Филипс странно хмыкнул и, заглянув в книгу миссис Пампкин, прищурился, всматриваясь в иллюстрацию.

Белые плотные страницы, картинки... О таком издании можно только мечтать. Хотя это, конечно, повышает цену на книгу. Перси был согласен публиковаться без картинок.

– Думаю, в нашем городе пора ввести должность помощника главного инспектора, – заметил доктор Филипс. – У меня, знаете, и своих дел по горло.

– У вас закончился прием на сегодня, – напомнил Перси.

– Как будто единственное, что меня должно заботить, – больные. Куда больше мне нравятся здоровые.

Лопата глухо стукнула обо что-то, и Перси, охнув, стал действовать аккуратнее: не заботясь о брюках, он опустил на колени, надел перчатки и сгреб землю руками. Нахмурившись, осторожно обхватил череп и вынул его из могилы.

– У меня дежавю, – сообщил доктор Филипс, вновь прикладываясь к фляжке. – Вы нашли волчьи кости.

– Я не очень-то разбираюсь, – неуверенно ответил Перси, поворачивая череп. – Может, собака?

– Волк это, – вздохнул доктор. – Зуб даю.

– И в остальных, полагаете, тоже? – он окинул взглядом свежие холмики. На одном из них сиротливо лежал букет маргариток.

– Надо проверить, – оторвалась от чтения миссис Пампкин. – Похоже на какой-то ритуал.

– Вы полагаете? – шмыгнул носом Перси. Может, еще не все потеряно и за этим стоит какой-то кровавый обряд...

– А может, кто-то прикопал волков, чтоб собаки не подхватили бешенства или еще какой заразы, – предположил доктор.

– Это может быть заразно? – испугался Перси. Ему всего двадцать три! Вся жизнь впереди!

– Нет, – успокоил его доктор. – А если что, я дам вам касторки.

– Поможет?

– Если не поможет, я сделаю чай, – пообещала миссис Пампкин.

– Лучший чай во всей Англии! – польстил ей доктор Филипс, но женщина никак не отреагировала на комплимент, вновь погрузившись в чтение.

Преподобный Брайан ознакомился с доставшимся ему приходом со всем тщанием и остался крайне недоволен. Его предшественник относился к работе спустя рукава, и совершенно понятно, отчего его конец был столь печален. Брайан получил четкие указания – не привлекать излишнего внимания к произошедшему и постараться вовсе стереть память о нем из жизни города.

Не так-то просто это сделать. Вуденкерс оказался настоящей дырой, в которой наверняка не происходит ничего интересного.

Преподобный Брайан был амбициозен и надеялся на куда более перспективное назначение. Через пару лет, если глупую историю с вервольфами забудут, он его получит. А пока...

– Вы уверены, что это надо закрасить? – подобострастно спросил Джон Конти, замерев перед ним с блокнотом в руках.

– Абсолютно, – ответил преподобный, глядя на свирепое лицо на фреске.

Неудивительно, что тот священник свихнулся, – смотреть изо дня в день на чудовище.

Джон кивнул парнишке-маляру, который стоял перед фреской с кистью в руках.

А пол... Преподобный Брайан прошагал в центр храма и, остановившись на переплетении линий, поковырял носком ботинка глубокую выщерблину в плите. Скамейки вынесли наружу, и странный узор, представший целиком, отчего-то будил в душе нехорошее волнение. Уж слишком он был нехристианский: все эти петли, узлы и спирали, от которых кружилась голова.

– Пол тоже надо будет перекрасить, – сказал он. – В какой-нибудь немаркий цвет.

– Как скажете, преподобный, – ответил Джон, делая пометку в блокноте.

Маляр тем временем провел кистью по морде волка, и когда страдающий зверь исчез, Брайан выдохнул с облегчением. Запрокинув голову, он полюбовался на витражные окна и сводчатый потолок. Хорошее здание, крепкое, хоть и построено несколько веков назад. Правда, есть в нем нечто языческое, но с новым убранством все будет смотреться по-другому.

Жаль, бюджет ограничен.

– Крышу тоже подновить? – спросил помощник.

– Нет, – ответил преподобный. Размашистым шагом он направился к боковой двери и, распахнув ее, ступил на лестницу. Его комнаты наверху, а вот внизу есть другой жилец, если можно так выразиться.

– Надо перехоронить останки, – сухо приказал он Джону.

Карандаш в короткопалой руке замер.

– Мощи? – уточнил лысый.

– Церковью установлено, что никаких чудес тут не происходило. Фальсификации и вранье.

– И куда его? – спросил тот после почти незаметной паузы.

Вот и наглядное своеобразие жизни в маленьком городке. Местный богач, владелец лесопилки, отчего-то взъелся на работников и уволил одним махом несколько десятков человек, и теперь они готовы на любую работу за сущие гроши.

– Он ведь был Олдброк, так? – проявил осведомленность Брайан. – У них, кажется, есть фамильный склеп позади церкви.

Джон Конти кивнул и снова сделал какую-то пометку в блокноте.

Преподобный не был уверен, что этот лысый чурбан вообще умеет писать, но это и не требовалось. Бумагу мараить могут многие, а вот превратить унылую каморку в пристойное жилье...

– Найди толковых ребят, чтобы перестелить полы и утеплить стены в моих комнатах, – сказал он. – Дует изо всех щелей, а в углах плесень. Удивительно, что тот несчастный помер от копыа, а не чахотки.

* * *

Миссис Хокинс подняла голову и, близоруко щурясь, всмотрелась в сторону Шелстоуна, откуда доносился шум. Сердце так и подскочило в ее груди: этот алый чемодан, что лежал на крыше кеба, она помнила очень хорошо. Рядом с ним теперь примостился и черный саквояж. На перекрестке извозчик натянул поводья и, обернувшись, спросил:

– Вам точно сюда? Не в город?

– Поезжайте направо, – подтвердил мужской голос, а после в окошке появился инспектор Рейнфорд собственной персоной: – Добрый день, миссис Хокинс. Как поживаете?

– Прекрасно, спасибо, – пробормотала она.

Американка, сидящая рядом с мужем, приветливо улыбнулась и кивнула.

И лишь когда кеб повернул к поместью Олдброков, миссис Хокинс разжала побелевшие пальцы, которыми стиснула грабли.

Миссис Хокинс умела разбираться в людях. А как иначе, когда работаешь на ферме. Она с одного взгляда могла определить, петушок перед ней или курочка, когда цыпленок только-только выбрался из яйца, и всех своих овец звала по именам, не путаясь. А люди? Что – люди, – такие же божьи твари. И интуиция миссис Хокинс вопила о том, что с мистером и миссис Рейнфорд что-то не так.

Оно, впрочем, и без интуиции понятно.

Во-первых, миссис Олдброк похоронили в фамильном склепе, не позвав никого. Конечно, со старухой не дружили, но пришли бы многие. Поговаривали, что они ее и убили, чтобы заполучить наследство поскорее. Затем, не выдержав и месяца траура, уехали в Шелстоун, где обвенчались. Хотя в Вуденкерсе есть своя прекрасная церковь. Священника, правда, на тот момент не было. Ведь его они тоже убили.

К счастью, вскоре в город прислали нового. А к несчастью, преподобный Брайан оказался вовсе не так хорош, как прежний священник. Ему отчего-то втемяшилось в голову, что если перекрасить стены, то можно сделать вид, что не было ни вервольфов, ни Олдброков, ни святого Эдварда. Однако люди не хотели забывать. Особенно мэр Эдверсон.

Хмыкнув, миссис Хокинс взяла грабли поудобнее и продолжила сгребать сухую траву и листья.

Война, развернувшаяся между мэром и новым священником, набирала обороты. Преподобный Брайан закрасил фреску в углу церкви, по правде сказать, довольно страшную. А мэр приказал ее восстановить. Священник снова ее закрасил; так мэр, воспользовавшись отлучкой преподобного, выломал кусок стены целиком и доставил ее в выкупленный им дом в самом центре города.

О, как преподобный Брайан орал! Раскраснелся что помидор, глаза чуть не полопались. А мэр объявил, что собирается открыть музей Вуденкерса. А фреска – историческое наследие – станет центральным экспонатом.

А уж после того, как мэр установил посреди главной площади статую волка, они и вовсе подрались. Валяли друг друга в пыли, на потеху толпе. Победил мэр, с небольшим перевесом.

Что ни говори, а преподобный Габриэль был куда лучше нынешнего священника: и выше, и красивее, и говорить умел так, что заслушаешься. Даром что вервольф.

Волк на площади, кстати, получился на загляденье – сам весь из бронзы, а глаза – янтарные. И никто их до сих пор не выколупал, хотя босяков в Вуденкерсе хватает. А вот – уважают, и не мэра, конечно, тот болван и пропойца, а волчицу, что стоит как живая посреди площади и сверкает глазами, так похожими на глаза миссис Олдброк.

Теперь, выходит, Олдбровок вовсе не стало, раз американка взяла фамилию инспектора. Оно-то правильно, но все ж как-то не так.

И глаза у инспектора будто поменялись. Раньше не отливали золотом, как у покойной миссис Олдброк, упокой Господь ее душу.

Вздохнув, миссис Хокинс отогнала курицу, примерившуюся клюнуть ее в ногу, и посмотрела вслед кебу.

* * *

Томас открыл ворота, стащил шапку и коротко поклонился.

– С возвращением, хозяйка, – буркнул он.

– Я думала, вы уйдете, – удивилась Джейн, выбираясь из кеба.

– Я тоже так думал, – ответил он и, повернувшись к холмам, вгляделся в даль с такой грустью, что сердце Джейн сжалось.

– Вам ее не хватает? – ляпнула она.

– Кого? – возмутился он. – Миссис Олдброк? Этой ведьмы? Этой мегеры?

Он фыркнул и пошел за чемоданами.

– Не устали? – Ральф обнял ее, и теплые ладони погладили пока еще плоский живот.

– Нисколько, – ответила она и, взяв его под руку, пошла по дорожке, обрамленной изгородью.

Томас обрезал розы, газон был идеально ровным, а новая крыша конюшни блестела после недавнего дождя. Джейн не стала подниматься по ступенькам и обошла дом, свернув к старому саду. Подняв яблоко, вытерла белый бок о подол юбки и вгрызлась в хрусткую мякоть зубами.

– Миссис Ррр, – укоризненно произнес Ральф, обнимая ее, – может, стоило его помыть?

– Все будет в порядке, – отмахнулась она. – Мне постоянно хочется есть. Ваш ребенок, мистер Ррр, вечно голоден. Кстати, не откажете ли вы мне в маленькой просьбе?

Она повернулась к нему и кокетливо улыбнулась, млея от его близости и объятий. Чтобы найти такого мужчину, стоило пересечь океан. Она бы, кажется, и вплавь добралась – лишь бы увидеть эту улыбку и нежность в зеленых глазах, в которых, после недавних событий, прибавилось желтизны – словно солнце запуталось в свежей листве. Вот бы и у их ребенка были такие глаза.

Ральф поцеловал ее и лишь потом ответил.

– Все, что угодно, Джейн, – его голос прозвучал чуть хриловато.

– Это насчет имени...

– Ты придумала имя? – оживился он. – Как насчет Саймон? Или Дженнифер, если будет девочка?

– Я бы хотела назвать ребенка в честь мамы, – призналась Джейн. – Она была такая хорошая...

– Мэйв, – задумчиво произнес он. – Что ж, неплохо.

– И в честь бабушки, – быстро добавила Джейн, пока он не передумал.

– Мэйв Сильвия Рейнфорд? – нахмурился Ральф. – Джейн, но что, если у нас будет мальчик?!

– Я знаю одного мужчину, самого прекрасного из всех, – сказала она, обнимая его плечи, – у которого второе имя – Розмари. И это не сделало его менее мужественным. Напротив! К тому же смею напомнить, что я взяла вашу фамилию, вопреки давней традиции Олдброков.

Ральф притянул ее к себе и вдохнул запах ее волос.

– Ладно, – проворчал он. – Но я буду надеяться, что это девочка.

Они направились в дом, а на вершине холма из густой травы поднялась волчица и неспешно потрусила к ручью.